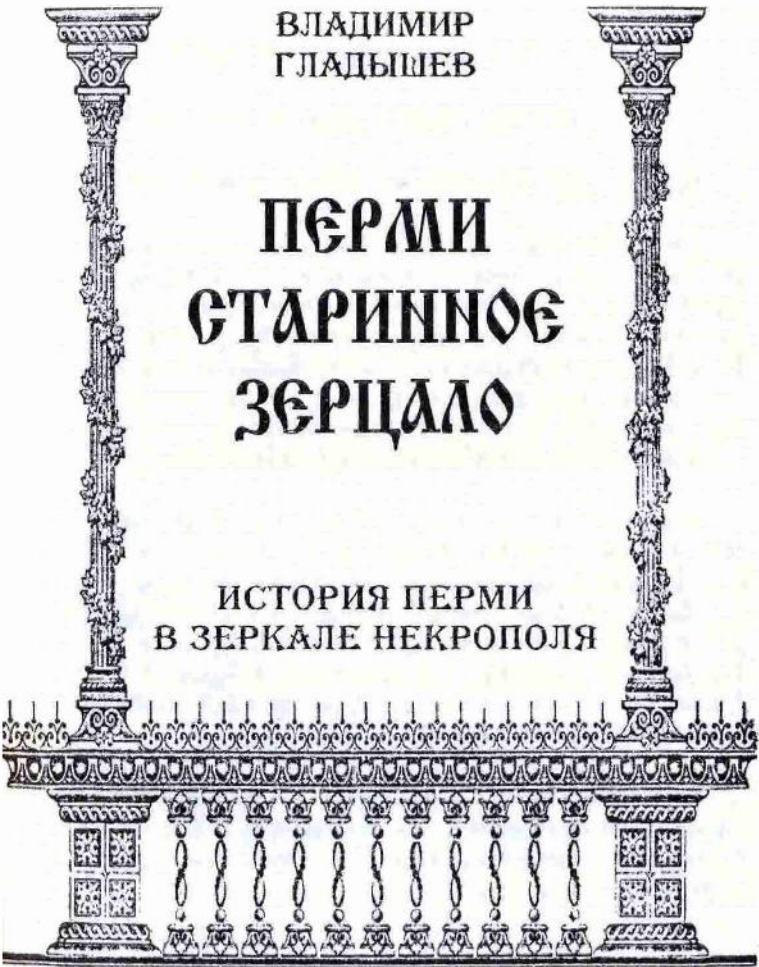

Владимир ГАДЫНЦЕ

ПЕРМИ СТАРИННОЕ ЗЕРЦАЛО

ВЛАДИМИР
ГЛАДЫШЕВ

ПЕРМИ СТАРИННОЕ ЗЕРЦАЛО

ИСТОРИЯ ПЕРМИ
В ЗЕРКАЛЕ НЕКРОПОЛЯ

ПЕРМЬ 2001

УДК 63.229+63.3(2Рос-4)
ББК 930.27+947
Г 52

ПЕРМИ СТАРИННОЕ ЗЕРЦАЛО

ИСТОРИЯ ПЕРМИ В ЗЕРКАЛЕ НЕКРОПОЛЯ

Издатель – ООО «Раритет-Пермь» (лицензия серии ИД № 00820).

Книга В. Гладышева – это рассказ об истории Перми, поданный через историю самого старинного пермского кладбища и богато иллюстрированный. Перед вами не только свод судеб замечательных пермяков, но и сборник самого оригинального эпистолярного жанра – эпитафий. Многие публикуются впервые. Это и фотографии, «откопанные» в государственных и семейных архивах, и самый большой на сегодня список персоналий пермских купцов... Немалый интерес представит и знакомство с мемориями, которые живо напоминают о «царском следе», о Михаиле Романове, его друзьях и врагах...

Автор посвящает эту книгу светлой памяти своей мамы Анисьи Васильевны и выражает глубокую благодарность Н. П. Баяндиной, А. Л. Баргтейлу, Т. И. Быстрых, о. Артему (Веденееву), протоиерею Иоанну Патласову, Л. Г. Дворсон, А. И. Дмитриеву, Т. А. Дорош, В. А. Дылдину, П. М. Жуневу, С. В. Исаеву, Г. Д. Канторовичу, В. П. Карцеву, А. И. Катаеву, И. Д. Кизиловой, А. Г. Кобяк, В. С. Колбасу, В. В. Кузнецову, В. В. Мухину, Л. С. Рафиенко, В. В. Семяникову, Е. Б. Смирнову, Е. А. Спешиловой, А. Ф. Старовойтову, М. Н. Степанову и всем, помогавшим советом и участием.

Издание осуществлено в рамках проекта «Пермский некрополь» при поддержке Пермского общества охраны памятников (ВООПИК), Пермской гражданской палаты, фонда Форда, клуба «Пермский краевед», издательства «Раритет-Пермь».

ISBN 5-93785-007-6

© Гладышев В. Ф., 2000

© ООО «Раритет-Пермь», дизайн, 2001

Зачем плещет старая могила
Блаженными мечтами о былом...
И. Бунин

Доброе имя лучше дорогой масти и день
смерти — дня рождения. Лучше ходить в
дом плача об умершем, нежели в дом пира,
ибо таков конец всякого человека.
Экклезиаст

НАД СТИКСОМ ДЕСЯТЬ МАРШРУТОВ ПО ЕГОШИХИНСКОМУ КЛАДБИЩУ

тот заповедный островок, а точнее мыс памяти, омываемый речками Егошихой и Стиксом, многое может рассказать о развитии Перми, о том, как менялись в течение веков нравы и вкусы пермяков, о том, что осталось неизменным и неизбывным, что дошло до нас, сегодняшних...

Егошихинское кладбище считается вторым по времени местом погребений в городе. Городе, который ведет свою биографию с 1723 года, когда «птенцом гнезда Петрова» В. Н. Татищевым был основан Егошихинский медеплавильный завод. А первым стал погост возле тогда еще деревянной церкви во имя апостолов Петра и Павла, которая была заложена в 1724 году, освящена в 1726 году, как свидетельствует священник этой церкви и автор «летописца» (летописи) Гавриил Сапожников. В тот же период появилось поблизости и заводское кладбище, просуществовавшее недолго.

Место для «последнего убежища» уже во второй половине XVIII века перенесли на берег Егошихи. Туда, где жители ближайшего поселения предавали земле усопших родичей еще до основания завода.

В неопубликованном исследовании В. В. Голубцова «Пермский некрополь. Материалы для биографического словаря достопамятных людей Пермского края» собраны сведения о захоронениях на всех местных кладбищах, начиная с 1732 года (сведения, правда, очень неполные и только до 1890-х годов).

После того как в советские годы было уничтожено архиерейское кладбище (существовавшее с конца XVII века возле кафедрального Спасо-Преображенского собора), Егошихинское осталось единственным свидетелем «старины глубокой», его с полным правом можно называть городским историческим некрополем. Интересная деталь: один из «отцов» Пермского зоосада видный климатолог Ф. Н. Панаев (именно он был в числе инициаторов создания «уголка живой природы») похоронен тоже на Егошихинском кладбище (ум. в 1933 г.), его могилка сохранилась, то есть сам он избежал той страшной посмертной участи многих известных и неизвестных пермяков, чьи захоронения оказались оскверненными под звериными клетками.

Одно время считалось, что архиерейское кладбище чуть ли не главное и «престижное» в губернской столице, потому что здесь хоронили губернаторов, епископов, именитых и состоятельных людей. Это так и не совсем так. Епископов, конечно, хоронили. Но из всех 26 губернаторов дореволюционной поры похоронен здесь был лишь один В. А. Енакиев. Что касается именитых и состоятельных, то в этом отношении – никакого различия. Хоронили и там, и там. Представителей местного «думающего класса», или «прослойки», как называют еще интеллигенцию, большей частью, конечно, хоронили на Егошихинском, разноконфессиональном, «общем» кладбище: здесь и писатели, и живописцы, и, конечно, самые известные зодчие (Карвовский, Турчевич, Попатенко). Нужно учесть также, что оно действовало почти на полвека дольше архиерейского.

Попутно разведем и другое заблуждение. Вдоль территории кладбища протекает, кроме Егошихи (Ягошихи – как писали в старину), еще одна небольшая речка с символическим названием Стикс. Откуда, каким образом донеслось до далеких Гипербореев эхо древнегреческой мифологии? По преданию, этим мрачноватым юмористом был сам Александр I, император российский, приехавший в Пермь за год до своей странной кончины в Таганро-

ге. Однако есть более ранние упоминания названия местной реки царства мертвых. Если взять план Перми, «высочайше подтвержденный» в 1823 году, то увидим: Стикс на нем уже обозначен.

Еще один документ. В «Летописи города Перми» В. Н. Трапезникова читаем: «1784 г. 10 января утвержден план губернского города «Перма»... 10 декабря освящен храм на «старом» кладбище во имя Всех Святых... Начитанное в греческой мифологии «образованное» пермское общество назвало ручей, отделяющий кладбище от города, Стиксом – по имени реки, через которую легендарный перевозчик Харон перевозил души умерших в Аид».

Заметим, что Трапезников слово «образованное» берет в кавычки. Возможно, летописцу использование мифологического образа показалось неуместным – кто знает? Но бесспорно одно: отношение пермяков к всемирной истории было всегда своеобразным.

«Город Пермь закладывали старообрядцы» – такое утверждение ревнителей «древлеправославия» не расходится с историческими фактами. Первыми рабочими Егошихинского завода стали не только авантюристы, солдаты, кунгурские крестьяне и люди, скрывавшиеся от закона, но и староверы поповского согласия (то есть со своими священниками), укрывавшиеся в лесах. Староверческие были края. Сюда, на Урал, бежали последователи неистового Аввакума. Не случайно и миссионерство в наших краях было сильно – адекватный ответ «никониян» – и единоверческих церквей немало появилось в XIX веке.

Почти во всех уголках некрополя встречаются старообрядческие кресты, как правило деревянные, «домиком», так называемые голубцы. Хронологические рамки – и XIX, и XX века. В оградке староверов из семьи ПЕЧЕНИЦЫНЫХ прочитывается только имя одного из последних представителей рода: Селиверста Никитича (1931–1955). Могилы – на самой границе между Старым и Новым кладбищами, под старинными березами. Как между старым и новым светом. На высоком холме у той же природной границы бросаются в глаза несколько могил под могучими тополями, в железной ограде, покосившейся, местами упавшей. Это семейные участки купцов-старообрядцев НЕЧАЕВЫХ, МИРОНЫЧЕВЫХ и других. Оказывается, был период, когда староверы хоронили своих в определенном месте, кучно (V). У Всехсвятского храма покоятся наследники ПЕРМЯКОВЫХ (XI)*.

* Здесь и далее римскими цифрами обозначены кварталы Егошихинского кладбища (см. карту на цветной вклейке).

Когда в 1996 году отмечалось 600-летие преставления (кончины) св. Стефана Великопермского, в одно время с Патриархом Алексием II приезжал в Пермь и митрополит Московский и Всея Руси Алимпий, первоиерарх Русской древлеправославной (старообрядческой) церкви. Посетил он и Егошихинское кладбище, на краткую литию отслужили не в храме, а под открытым небом, возле одной из могил с деревянным голубцом...

В издании «Похвала Святителю Стефану Великопермскому» (Москва–Пермь, 1996 г.) говорится о том, что становлению пермского старообрядчества в немалой степени способствовала организация казенных дворянских, а потом и купеческих горных заводов на Урале и в Предуралье в первой половине XVIII века. Рабочие этих предприятий пользовались относительной религиозной свободой. Данное обстоятельство вкупе с возможностью неплохого заработка привлекло в Пермско-Уральский регион тысячи старообрядцев из Московской, Тульской, Нижегородской и Олонецкой губерний. Известен факт, что при доме Стефана Адищева староверы-рабочие имели моленную. А зять его, Василий Гаврилович Соловьев, взявший на себя попечение о моленной, стал даже управителем Егошихинского завода. Он сумел добиться от графа Воронцова увольнения из крепостных и позднее был приписан к купеческому сословию. Упокоился Соловьев, судя по всему, также на Егошихинском мысу.

«Приидите ко мне еси труждающиеся и обремененные и аз упокою вы». Эта объединяющая и примиряющая мысль Спасителя встречается на нескольких надгробиях пермяков, например, на «аналогах» А. П. БОГДАНОВИЧА (XII), Юлиана НАГРОДСКОГО (III). На надгробии-арке диакона А. И. ПОПОВА и его жены (у изгороди Всехсвятского храма) высечена надпись: «Со святыми упокой храни, Господь, души рабов твоих»*.

Неподалеку – памятник вдове священника БАЙБАЛОВА с надписью: «Господи, со святыми упокой душу рабы твоей СУСАННЫ», а в лампаднице памятника – гнездышко какой-то пташки. Вот так же заботливо вила семейное гнездо и боголюбивая, богобоязненная, замаливавшая грехи пермская Сусанна...

Верующий был народ пермяки. Две православные церкви появились на кладбище: Успения Божьей Матери (старокладбищенская, арх. А. Ожегов) и Всех Святых (новокладбищенская, арх. И. Связев). Причем, возле старокладбищенской, когда она стояла еще в деревянном исполнении, существовала богадельня.

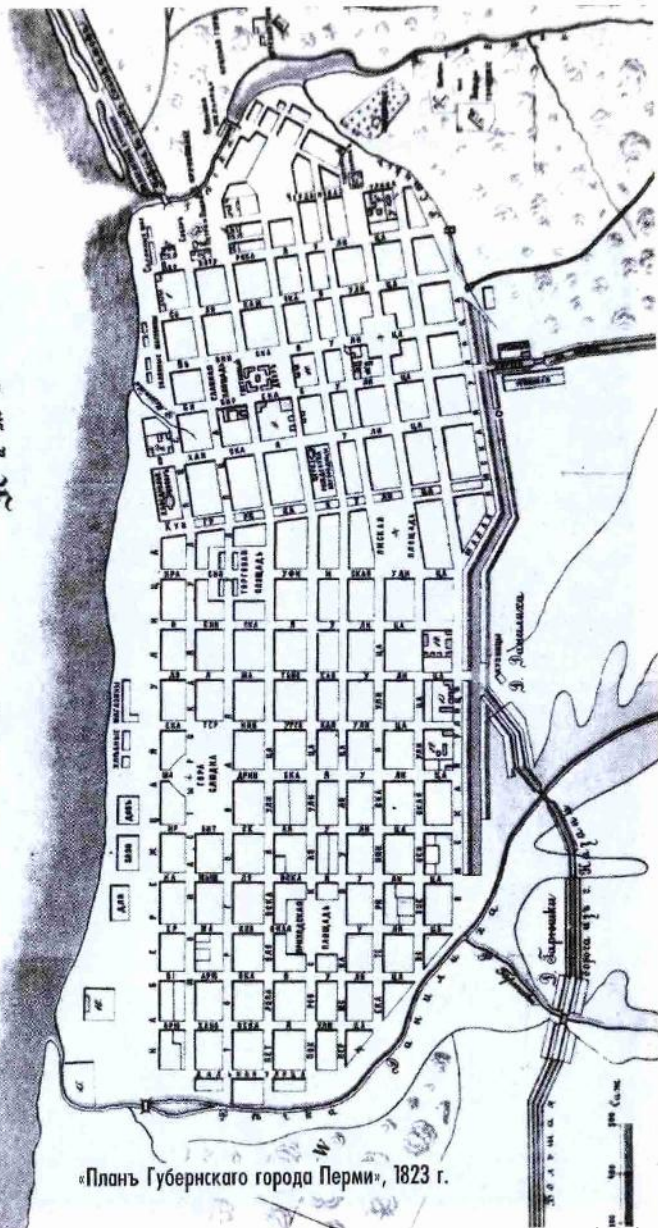
* Подробнее о надгробных надписях см. ниже в главе «Пермская эпитафия».

Планъ Губернскаго города Перми

Высочайше повелѣно: издать. 1823 года

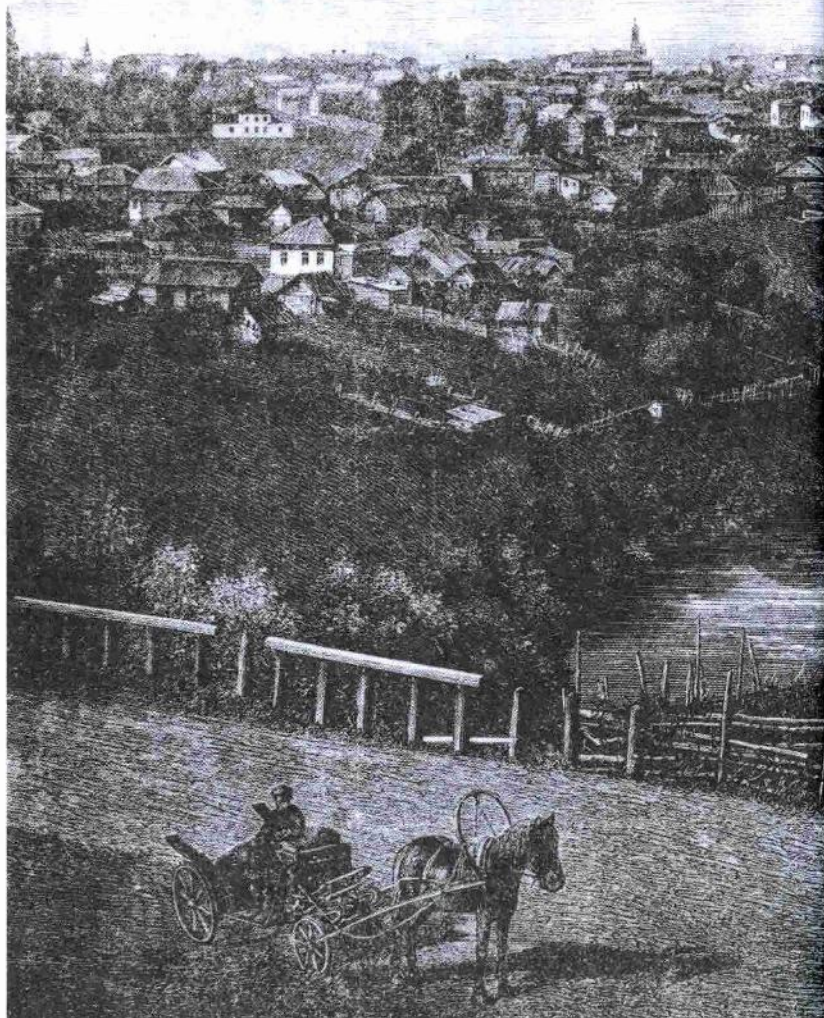
Рѣка

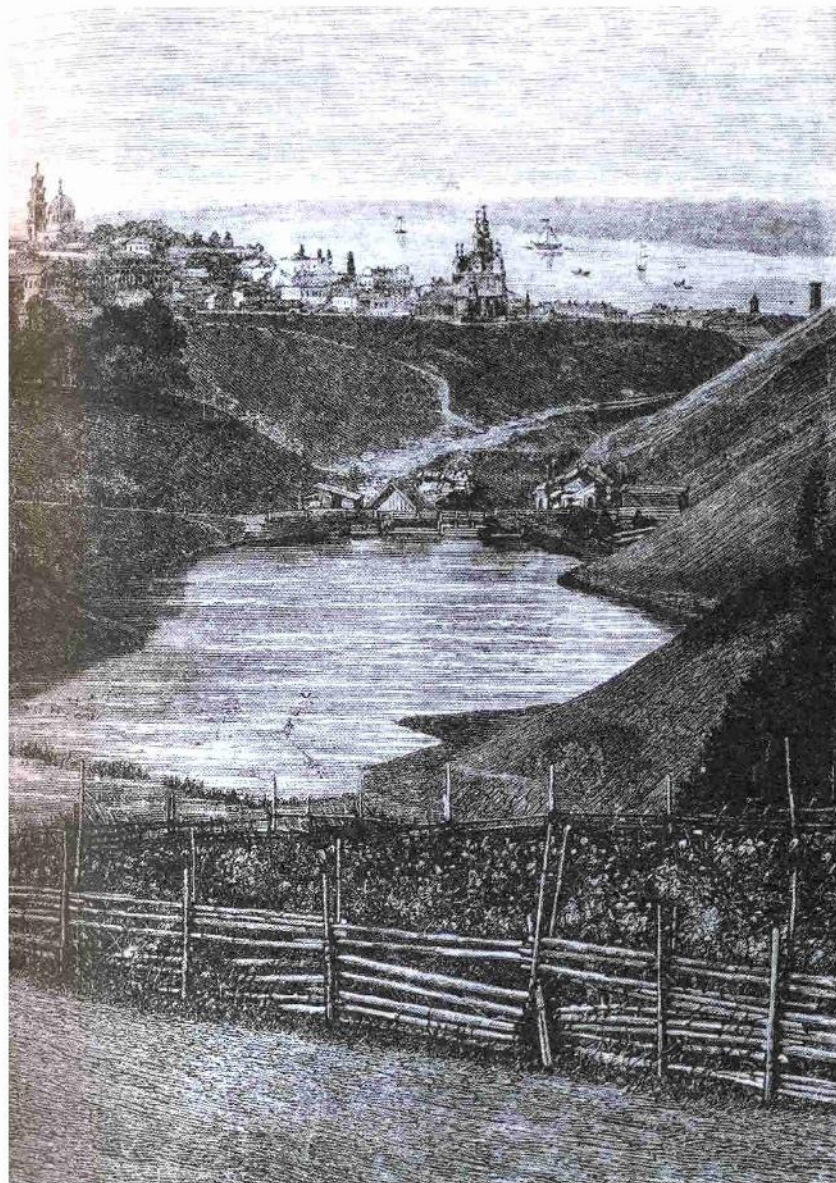
Изма

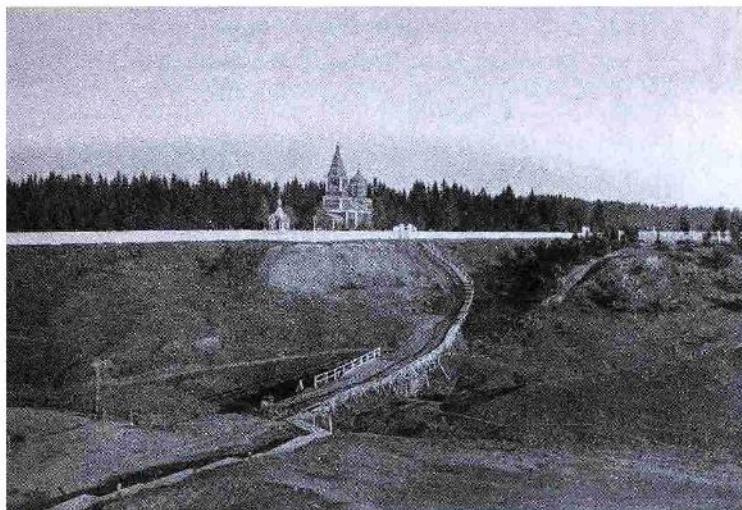

«Планъ Губернскаго города Перми», 1823 г.

Вид Перми со стороны Егошихинского лога
(с фотографии Ф. Лохмайера, грав. М. Рашевский).

Дорога на кладбище «яко необходимейшая по течению жизни человеческой», как писал генерал-губернатор Кашкин.

Пермский историк Никита Саввич Попов, автор фундаментального «Хозяйственного описания Пермской губернии по гражданскому и естественному состоянию...» (Пермь, 1804 г.; Санкт-Петербург, 1813 г.), так писал об этом месте: «Сие кладбище находится на мысу, составляемом речкою Егошихою, уераком (по коему протекает в нем ручей), составляющим южно-восточные города пределы, и другим меньшим с ним соединяющимся (мысом.— В. Г.), ю коему проложена дорога...»

Дорога, соединявшая Пермь с Мотовилихинским заводом, действительно была (только немного в другом месте) еще до 30-х годов нашего века. По ней возили на расстрел в июне 1918-го и великого князя Михаила Романова, «скрапленного» большевиками вместе с его верным секретарем-англичанином из Колеватской гостиницы.

А вот что нам сможет рассказать буйная поросль на кладбище? Тот же Попов свидетельствует, что кладбище осеялось «высокими елями, оставшими от бывшего тут еще в 1786 году большого леса. В сей-то редкой теперь

еловой роще погребаются усопшие. Некоторые отличаются воздвигнутыми над ними каменными мавзолеями, также чугунными, с вылитыми на них надписями, и мраморными надгробиями...

В литературных источниках прошлого века упоминается «дремучий бор» (например, у Е. Вердеревского, приглашавшего каждого гостя сходить на старое кладбище). Однако до наших времен уцелели вековые липы, тополя, березы, а из хвойных деревьев остались сосна возле могилы Героя Советского Союза Исакова да елочка в семейной оградке Вологдиных (НК). Повсюду разрослись бузина, считающаяся в народе символом сострадания, и боярышник – это надежда...

Поражают кресты, сросшиеся с телом дерев. Одно надгробие, недалеко от Всехсвятской церкви, уже безымянное, с годами оказалось просто мертвым «обнято» тополем, дерево вобрало железный памятник в себя, как заботливая мать-природа. (Вспомним эпитафию на могиле Г. В. Плеханова: «Он слился с природой»...) Нераздельная слитность эта глубоко символична и лишней раз доказывает всю абсурдность и бесчеловечность одного «проекта», существо-

На похороны знатного лица (губернатора?) приходил весь город *.

* Здесь и далее звездочкой отмечены фотографии, публикуемые впервые.

вавшего в советские годы, об уничтожении кладбища и разбивке здесь парка. Пришлось бы выкорчевывать, удалять памятники, вырывать с корнями... Такая «операция» ни для кого не проходит бесследно. От дикого этого плана отказались, но вот гаражи со стороны улицы Тихой все-таки появились. Они опасно наступают, захватив «пограничные» захоронения...

Закрытое еще в 60-е годы, историческое кладбище получило свое логическое завершение, можно сказать, во второй половине 90-х, когда здесь появились памятник жертвам политических репрессий и крест на предполагаемом месте захоронения заложников из царской свиты, расстрелянных в 1918 году. Кроме того, в качестве исключения на давно закрытом кладбище в 90-х годах в оградках двух кладбищенских храмов появились также скромные могилки монахов возрожденных пермских монастырей.

С 1993 года кладбище это частично было взято на местный учет как объект, который надо беречь. С 1997 года действует Закон «Об историко-культурно-природном наследии населения Пермской области», по которому некрополь взят на государственный учет и охраняется как памятник истории и культуры. Охраняется плохо, порядка на нем пока мало, но есть отрадное явление: в последние годы на старых могилах появляются новые памятники и художественные надгробия. Исторический некрополь приобретает цивилизованный вид...

ФИЛОСОФСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Тема эта сложная, настраивающая на определенный лад, часто даже расстраивающая, а то и пугающая... «Не время выкликать теней: и так уж мрачен этот час. Усопших образ тем страшней, чем в жизни был милей для нас» – чисто по-женски выразила ощущения многих поэт Наталья Роскина. Однако каждый человек задумывается когда-нибудь о смысле и скоротечности жизни. В самом деле, «как можно чувствовать себя важной персоной, когда знаешь, что смерть неуклонно идет по твоему следу?» Это сказал философ XX века Карлос Кастанеда в оригинальном труде «Учение Дона Хуана». И еще одно его умозаключение: «Когда ты в нетерпении или раздражении – оглянись налево и спроси совета у своей смерти. Масса мелочной шелухи мигом отлетит прочь, если смерть подаст тебе знак... Смерть – наш вечный попутчик, она всегда находится слева от нас, на расстоянии вытянутой руки».

Будем же помнить о предупреждении русского философа Н. Федорова: «Духовное одичание приведет к тому, что кладбища превратятся в гульбища».

В оправдание свое нерадивые ныне живущие потомки могут, наверное, привести слова историка-генеалога В. В. Голубцова (1855–1892), основателя местной некрополистики (который, кстати, был потомком последнего пермского воеводы): «Кроме этих анонимных или сделавшихся неизвестными могил на старом кладбище, а также на кладбище при Архиерейском доме и на Новом кладбище находятся еще много анонимных кирпичных памятников с железной кровелькой и простых холмов» (!). То есть, и в этом отношении мы не меняемся, суть человеческая всегда одна.

Как сказано в Библии: «Яко земля еси, и в землю отыдеши», что в более доходчивом переводе звучит так: «И сказал Господь Бог (Адаму)... в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься».

Ход жизни неумолим, и сколько угодно случаев, когда пресекается род, пересыхает ручеек памяти... А посмотрите сегодня: состояние многих памятников, которые можно отнести к разряду достопримечательностей, характеризуется как неудовлетворительное. И это несмотря на то, что Егошихинское кладбище – мемориальное, категория охраны – местная. Но у того же Голубцова можно прочитав такое обоснование его необычного, особенно для того времени, проекта: «...В отвращение могущей произойти дальнейшей утраты надгробных материалов и сведений о тех лицах, имена которых так или иначе связаны с прошлым Пермского края, а также имея в виду несомненно важное значение надгробных надписей для генеалогических справок, и составил предлагаемый охранный список могил города Перми, находящихся в древних церквях и на кладбищах...»

Охранный список (!) его, увы, был вскоре забыт. Голубцовская аббревиатура АД (кладбище у Архиерейского дома) оказалась пророческой: для праха захороненных здесь это оскверненное место действительно стало адом, или, точнее, – «зоо-с-адом».

В. В. Голубцов.

Вид на монастырский сад и кладбище.

...Кусочком шагреновой кожи (если использовать образ Бальзака) выглядит на карте Перми Егошихинский некрополь. Особенно в сравнении с гигантским городом мертвых, который стал стремительно разрастаться в 90-х годах XX века на северной окраине города.

История Перми угадывается, в основных своих чертах, в зеркале старинного кладбища. Отсюда просматривается и обозримое будущее всего мегаполиса, и, конечно, каждого человека. Будем держать в памяти и другой, потаенный, позабытый смысл слова «зерцало»: в древнерусской и византийской живописи это изображение прозрачной сферы в руках архангела, это символ предначертания, предвидения, переданного архангелу Богом... (см. «Словарь-указатель

имен и понятий по древнерусскому искусству», сост. Е. Гладышева, Л. Нерсисян. – М., 1991.)

Автора этой книги иногда спрашивают, не страшно ли было заниматься такой темой, не тяжело ли душе. Да почему тяжело?! Священник одного из кладбищенских храмов сразу сказал нам, благословив на сей труд, что это – дело богоугодное. Кроме того, был и личный мотив, очень светлый: я делал это еще и ради дорогой памяти матушки своей Анисьи Васильевны, которой, так уж получилось, практически не знал. Поминать ее мы ходили всей семьей каждый год, в родительскую субботу. Или в Фомину неделю (это начало мая), или в июне на Троицу...

И потом: как сказал Ницше, жизнь слишком коротка, чтобы бояться смерти. Другой вариант этого афоризма: смерть слишком близка, чтобы бояться жизни.

Предлагаем и вам совершить своеобразное путешествие на ту сторону реки мертвых. На другой берег, через века и судьбы... Остановиться у молчаливых надгробий, помянуть предков («Все там будем!»), повспоминать, помолиться за их души. Видит Бог, немые свидетели истории многое могут рассказать о нас самих...

ЛЕТОПИСЦЫ, ИСТОРИКИ

дин мудрец сказал, что о человеке надо знать три главные вещи: как родился, как женился и как отправился к праотцам... Книга эта, посвященная последней «станции», наверное, не появилась бы на свет, если б не довелось мне однажды пройти по кладбищу с таким замечательным экскурсоводом, как С. А. Торопов (1928–1990). Основатель клуба «Пермский краевед» (1981 г.) был автором нескольких книг по истории родного края, много путешествовал – не случайно на здании центра юного туриста на Малой Ямской в 1990 году в его честь была открыта мемориальная доска. Увлекался он и историей кладбищ, и одно из последних занятий клуба провел по Пермскому (Егошихинскому) некрополю. (Сам краевед покоится на Северном кладбище.) Сергей Афанасьевич основательно разрабатывал тему краеведения. (См. его посмертную публикацию «Традиции пермских краеведов» в сб. «Пермский край», 1992 г.)

Для большинства ведущих пермских летописцев местом последнего пристанища стало Егошихинское кладбище-некрополь. Сложность исследования в том, что архивы его, церковные книги сгорели во время пожара. Не все надгробия сохранились до наших времен. Не знаем мы и того, где точно похоронен упомянутый выше Никита Саввич ПОПОВ (1763–1834), первый директор Пермской мужской гимназии, географ, краевед.

Протоиерей Евгений Алексеевич ПОПОВ (1824–1888) – весьма плодотворный историк епархии и края, похоронен у алтаря Всехсвятской церкви. На могиле этого деятельного человека, строителя часовни св. Стефана Великопермского, стоит оригинальное надгробие-«мавзолей».

В самом храме был устроен склеп, под сводами которого упокоились два именитых гражданина Перми – сын и отец Смышляевы. Про Новокладбищенскую церковь справочники прошлого века сообщали, что «построена она усердием городского головы Д. Е. Смышляева». Отсюда и такая честь.

СМЫШЛЯЕВ Дмитрий Дмитриевич (1828–1893) – не только известный краевед, историк, на свои средства издававший «Пермские сборники». Он был первым председателем губернской земской управы (1870–1879 гг.), почетным членом Палестинского Императорского общества, Уральского общества любителей естествознания, а также ряда других обществ. Кавалер многих орденов, в том числе такого редкого, как орден Гроба Господня. Много путешествовал, написал ряд книг. Из летописи В. С. Верхоланцева узнаем, что похоронен сей «замечательный человек, известный всей России, на Новом кладбище под храмом». Место склепа Смышляевых со временем оказалось забыто. Но

Д. Д. Смышляев.

дела их помнят благодарные пермяки. В честь Д. Д. Смышляева проводятся регулярные Смышляевские чтения в областной библиотеке им. Горького, а на здании Пушкинской библиотеки (бывший дом Смышляевых, позднее – городская Дума) открыта мемориальная доска.

ШИШОНКО Василий Никифорович (1833–1889) – врач, действительный статский советник, будучи директором народных училищ, преуспел как организатор народного образования на Урале. Серьезно увлекшись краеведением, за выпуск семитомной «Пермской летописи» был удостоен Большой серебряной медали на научно-промышленной выставке в Екатеринбурге в 1887 году (III).

ВОЛОГДИН Иван Васильевич (1842–1895) – член Пермской губернской земской управы, публицист, в краеведении выступал как ученик и последователь своего земляка уроженца Очеры, автора «Летописи губернского города Перми 1781–1844» Ф. А. Пряжильщикова. Пожертвовал усадьбную землю для Очерской земской больницы. Похоронен на Новом кладбище. Недалеко от него, только намного раньше, в 1816 году, упокоился Матвей Алексеевич ВОЛОГДИН, поверенный графа П. А. Строганова. На памятнике была эпитафия: «Помысли человек, велик ли был твой век? Он был ничто иное, как луч в ясный день».

Но теперь совсем другое: он показывает тень». (Поверенный прожил всего 28 лет.)

ДМИТРИЕВ Александр Алексеевич (1854–1902) – единственный профессиональный историк из краеведов генерации прошлого века, автор-составитель восьми ценнейших выпусков сборника «Пермская старина». Памятник А. А. Дмитриеву, установленный на его могиле у Успенской церкви, пока не обнаружен. Недалеко от могилы Е. П. Серебrenниковой (НК) есть черномраморный памятник Александру Александровичу **ДМИТРИЕВУ** (1880–1941), вместе с ним похоронена А. Д. **ЛАПИНА** (1856–1943). Может, родственники краеведа? А возле Успенской церкви есть могила Франца Андреевича **АНДЕРСОНА** (1895–1951), доцента Пермского университета, автора первой научной работы об А. А. Дмитриеве как историке Урала.

А. А. Дмитриев.

В. С. Верхованцев.

КРИВОЩЕКОВ Иван Яковлевич (1854–1916) – уральский краевед-географ, много сделавший для развития коми-пермяцкой культуры. Известен, по сведениям С. Ф. Николаева, как автор первого на Урале краеведческого руководства – «Географического очерка Пермской губернии», выпущенного в 1914 году. Могила его оказалась забыта и утрачена.

ВЕРХОЛАНЦЕВ Владимир Степанович (1879–1947), пожалуй, самый читаемый ныне краевед. Вот и при подготовке этого путеводителя нам очень помогли его книги «Летопись г. Перми с 1890 по 1912 г.», «Город Пермь, его прошлое и настоящее» (XII).

СЮЗЕВ Павел Васильевич (1867–1928) – крупный ботаник, лесовод, краевед. Один

В. Н. Шишонко –
единственный «генерал
от кроеведения».

из авторов-составителей «Иллюстрированного путеводителя по р. Каме и по р. Вишере с Колвой» (Пермь, 1911 г.). Был удостоен Большой золотой медали Русского географического общества за книгу «Конспект флоры Урала» (1912 г.). Сюзев – уроженец села Ильинское, участник русско-японской и первой мировой войн. Он был одним из организаторов Русского ботанического общества, почетным членом Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), несколько лет возглавлял совет Пермского научно-промышленного музея и активно сотрудничал с губернской ученой архивной комиссией. Последние годы жизни П. В. Сюзев был профессором Пермского университета. Возможно, могила профессора расположена рядом с надгробием Дарьи Александровны

СЮЗЕВОЙ (1882–1959), где стоит еще один памятник, неопознанный, в полуразрушенном состоянии (за польским участком, ближе к Стиксу).

Об одном из организаторов научно-промышленного музея докторе Павле Николаевиче СЕРЕБРЕННИКОВЕ (1849–1917), упокоившемся на кладбище между Егошихой и Стиксом, подробнее смотрите ниже, в главе об ученом сословии.

А вот могила его однофамильца, фольклориста и педагога В. Н. СЕРЕБРЕННИКОВА (АРГЕНТОВА) оказалась утраченной (ск. в январе 1943 г.), как и могила журналиста, краеведа и лекаря В. А. ВЕСНОВСКОГО (1873–1932), Героя труда РСФСР. Звание это было присвоено Виктору Александровичу в Сибири, и совсем не за краеведческие изыскания, а за то, что, как было написано в Почетном адресе: «...Лучшие молодые годы, всю свою энергию и силу Вы отдали службе трудовому народу. Под натиском чудовищных эпидемий, уносивших тысячи Ваших товарищей на работе, Вы безбоязненно оставались на посту, охраняя здоровье человека...» (ГАПО, ф. 1251, оп. 1, № 82, 83).

Также не обнаружены (пока) и места захоронения на Егошихинском кладбище составителя русско-пермяцкого словаря Н. А. РОГОВА (1825–1905),

инженера, археолога, многолетнего председателя ученой архивной комиссии Н. Н. НОВОКРЕЩЕННЫХ (1842–1902). О Николае Абрамовиче Рогове современники его писали: «Будущему историку Пермского края предстоит благодарная роль (!) осветить облик и полезную деятельность покойного...»

А какие замечательные слова из некролога Новокрещенных: «...Николай Николаевич пользовался широкой известностью и уважением не только в Перми, но и во всем крае как умный, энергичный и непоколебимо честный, стойкий, порой до резкости, общественный деятель и, бесспорно, добрый, отзывчивый на людское горе человек...»

По некоторым данным, в Егошихинском некрополе похоронены и такие известные краеведы, как редактор «Пермских губернских ведомостей», издатель «Памятной книжки Пермской губернии на 1863 год...» Самуил ПЕНН, журналист, путешественник В. В. ЮЖАКОВ.

На берегу пермского Стикса, рядом со своими предками, мог бы упокоиться и В. Н. Трапезников, но он сгинул в сталинских застенках.

Нетрудно догадаться, что пермское краеведческое движение, представленное такими фигурами, как писал профессор Л. Е. Иофа, – «одно из наиболее сильных и ярких в провинциальной России». Эти люди, помимо неистощимой любознательности и любви к родному краю, имели еще одно общее качество, которое выделял и С. А. Торопов, – упорство в достижении цели. У него был любимый афоризм полководца Суворова: «Потерять все не есть потерять, но потерять присутствие духа – уже потерять все...»

В. Н. Трапезников *

НАЦИОНАЛЬНЫЕ УЧАСТКИ

История национальных участков этого кладбища – своеобразное отражение истории заселения Перми и верный барометр изменений на этнографической карте города в разные периоды. Недаром поэт-футурист Василий Каменский называл родную Пермь «пристанью всяких инородств». Здесь и в конце XX века мирно проживают представители более ста национальностей.

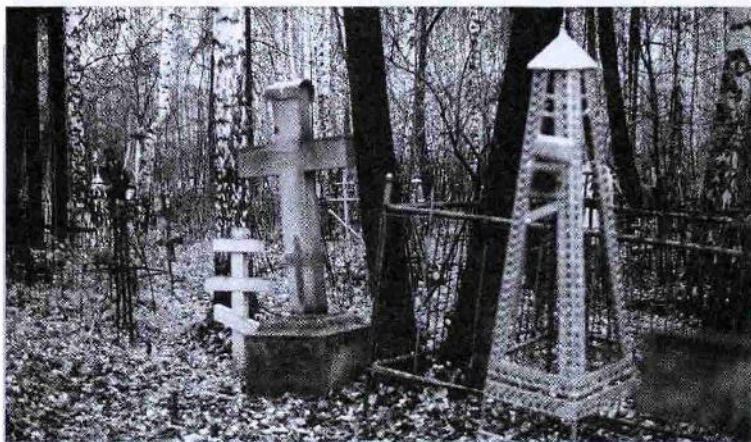
Постановлением Пермского областного Совета народных депутатов № 683 (принятого 20 мая 1993 г.) под охрану было взято старое православное кладбище (далее СК) – 1,6 га, новое православное (НК) – 6 га, мусульманское (МК) – 1,2 га, иудейское (ИК) – 0,6 га, католическое (КК) – 0,1 га. Если прибавить взятое на учет десятилетием ранее воинское кладбище (ВК, с памятником Скорбящей), то общая территория охраняемого некрополя составляет немногим более 10 гектаров. (Для сравнения: центральное кладбище Вены – 240 га.) Причем состояние иудейского и мусульманского кладбищ сразу было оценено специалистами как неудовлетворительное.

Лютеранский (немецкий) участок (ЛК) на старом православном кладбище решено было почему-то не выделять. Его состояние также нельзя назвать удовлетворительным.

Судьба иностранца, попавшего в глубинку, в глушь, всегда была непростой. Вот яркий тому пример. ПРЯНИШНИКОВЫ Наталья Васильевна (ск. в 1797 г. на 68-м году) и три дочери статского советника Ивана Даниловича П. (СК). С этой фамилией связана прелюбопытная история, характеризующая «Пермский Вавилон». Сам Прянишников происходил из дворян, в Пермское наместничество прислан аккурат в 1781 году, когда был учрежден город Пермь. И в том же году женился – на француженке Мари, или Марии Ивановне. Был председателем Верхнего земского суда, с 1794 года – председателем гражданской палаты, а с 1802 года – член комиссии о состоянии законов. Иван Данилович и Мария Ивановна имели семь детей. Жenu его чуть

было не выселили из пределов России в 1793 году, при наместнике Волкове (это год буржуазной революции во Франции, тогда было приказано выдворять французов); летописец предполагает, что чиновники при этом руководствовались старыми списками иностранных представителей, и бодро заключает: «Дело, конечно (!), скоро уладилось».

НЕМЕЦКОЕ (ЛЮТЕРАНСКОЕ) КЛАДБИЩЕ - «ФРИДХОФ». Присутствие немцев на Егошихинском мысу фиксируется с первых десятилетий существования города *. Как известно, выходцем из немцев был и губернатор Карл Модерах, и некоторые его сподвижники. На Старом и Новом кладбищах похоронено немало чиновников из немцев: надворный советник П. К. ГЕНЕМАН (ум. в 1857 г.), председатель Пермской палаты уголовного суда статский советник Владимир

Католический крест – памятник на могиле пастора Виктора Ротхаста.

** Вот только могилы Федора Граля, лютеранина по вероисповеданию и сына пастора, ставшего популярным доктором, на ЛК мы не будем искать. И вот почему. Когда он скончался (случилось это 6 июня 1835 г.), благодарный за его бескорыстное служение народ, собравшийся в количестве нескольких тысяч из города и деревень, допустил неслыханное самоуправство: люди не дали похоронить врача на лютеранском кладбище, а выпрягли лошадей, развернули колесницу с телом и сами повезли покойного на кладбище Ад. Е. А. Попов, описавший эту потрясающую историю в книге «Великопермская и Пермская епархия» (1879 г.), сообщает, что, пока в соборе шла служба, благодарные «святому доктору» пермяки вырыли могилу.*

Все счастливые семьи были похожи.
И в смешанном браке тоже.
Семья начальника горного округа (?) *.

Иванович фон ГАЛЛЕР (ум. в 1846 г.).
Здесь сохранились семейные участки обрусевших немцев: БЕРГГРЮН (один из членов семьи служил тюремным врачом), МАЙЕР (глава фамилии был обербергмейстером – старшим горным мастером), ГЕННИХ (Hennig, владелец типографии), ГРЕММЕР, БЕРГ, БОНЕ...

Недалеко друг от друга, возле Успенской церкви, оказались надгробия двух управляющих Пермской казенной палатой разных лет – генерал-лейтенанта БУРМАЙСТЕРА (1784–1866), основателя Пермского общества взаимного кредита (рядом лежат его брат и сестра, на одном из памятников есть эпитафия по-немецки) и статского советника Адольфа Александровича ФОЛЬКМАНА (ум. в октябре 1906 г.).

ДИКХОФ Август Васильевич (1844–1906) – начальник конторы службы движения Пермской железной дороги.

КОЛЬБАХ Рудольф фон – владелец типографии.

РАЛЕНБЕК Адольф Давидович (ск. в 1901 г. 52-х лет) – управляющий аптекой.

РЕЙНАХ Владимир Рудольфович (1855–1890) – инженер путей сообщения.

РОТХАСТ Виктор Теодор (1820–1885). Надгробие представляет собой каменный крест, на котором написано по-немецки: «От благодарной евангельско-лютеранской общины 1904 г.» (III).

По соседству похоронены под одной плитой Михаил и Наталья РЕЙХМАН, но на их надгробии уже не лютеранский крест, а православный. Появлялись смешанные браки, взаимовлияние и взаимопроникновение национальных культур, традиций приводило, как известно, и к такому понятию, как обрусевшие немцы. Здесь же был, например, похоронен (в 1844 г.) надворный советник Иван Алексеевич МЕРЗЛЯКОВ – родственник русского поэта и учителя М. Ю. Лермонтова А. Ф. Мерзлякова (помните его песню «Среди долины

ровных...?). Вдова Мерзлякова позже вышла замуж за упомянутого выше председателя Пермской палаты уголовного суда Галлера. У Успенской церкви лежит массивная каменная плита на могиле Зиновии Федоровны ГЕНЕ-МАН (ХОЛОСТОВОЙ, 1839–1864).

ЦИММЕРМАН, КЮНЦЕЛЬ – участок двух семей пермских немцев, немало сделавших для развития культуры и здравоохранения Перми. На Урале эта фамилия впервые появилась во время строительства Егошихинского завода, в котором принимал участие «плавильной мастер Цымерман» – саксонец Вольф Мартин Циммерман (родственные связи здесь не прослежены). На лютеранском кладбище покоится пермский врач, действительный статский советник Владимир Иванович фон ЦИММЕРМАН (1812–1883). Основательницами одной из лучших частных гимназий Перми были сестры Эвелина (жена владельца типографии ГЕННИХА), Отиллия и Маргарита ЦИММЕРМАН.

БЕСЕДЫ В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ СУДЬБА ТРЕХ СЕСТЕР

– Основательницы гимназии – мои тетки. Но где похоронена одна из них, Отиллия, неизвестно, потому что она умерла «от инфлюэнцы», просидев в большевистской тюрьме 14 месяцев. Была арестована ЧК «за агитацию против Советской власти»... А породнились два наших семейства в Перми. Александр Эдуардович Кюнтцель приехал сюда из Киева, служил помощником ревизора Пермской контрольной палаты, был членом пастората местной лютеранской общины. Женился на дочери врача Генриетте Владимировне фон Циммерман, одной из пяти сестер. С тех пор и «растет» в родословном древе эта ветвь. Папа мой, Александр Александрович Кюнтцель (1898–1984) в качестве врача участвовал и в гражданской войне, и позднее на Халхин-Голе. Он был организатором первого пермского скаутского отряда в частной гимназии Циммерман, в которой и сам ранее учился. Ныне в этом здании фармацевтическое училище. Еще интересно, что один наш московский родственник высчитал, что пермские сестры Циммерман могли послужить для Чехова прообразами при создании пьесы «Три сестры», только некоторыми деталями, конечно...

Татьяна ДОРОШ.

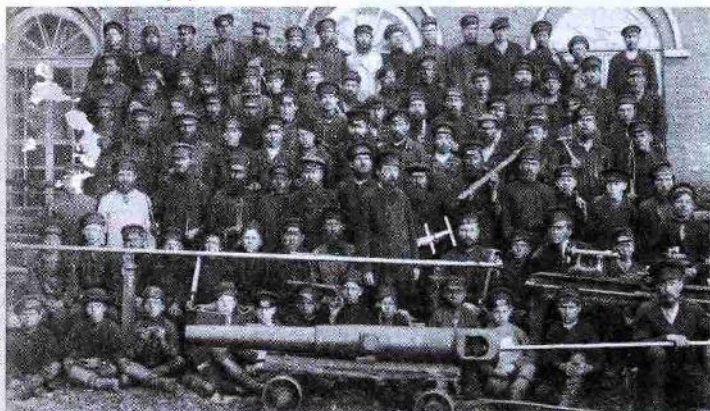
Надгробные плиты на лютеранском участке в большинстве своем лежат на каменных подиумах, а те, которые без них, почти вросли в землю. Практически на каждом есть эпитафии (на немецком языке). Могилы пермских немцев (и не ставших пермскими) встречаются и на других участках некрополя.

На краешке польского участка, у самой тропы, привлекает внимание каменный крест больших размеров (надломленный): здесь упокоилась Наталья Карловна фон ГЛЕН (ск. 23 ноября 1903 г.). Неподалеку (в квартале Зеленина) похоронен инженер-лесовод Александр Юльевич РИХТЕР (ск. в 1934 г.), чета РИХТЕРОВ – у стен Успенской церкви...

Видный ученый-гистолог, зоолог Виктор Карлович ШМИДТ (1865–1932), был ректором Пермского университета в 20-е годы, организатором естественно-научного института при ПГУ, депутатом горсовета (II).

В середине этого века появился скромный железный крест с надписью на немецком языке: «hier ruht adam illener 27–49» – «Здесь покоится Адам ИЛЛЕ-НЕР» (НК)... Такая же надпись на немецком – на памятнике MARIANNA WANNER (1869–1956, СК). У доктора Карла ЗЕМСДОРФА (1883–1929) – бетонное надгробие с надписью на двух языках (VII).

Помимо мраморных плит известных пермяков есть и совсем неизвестные надгробия. На одном написано: «МЕРИНГ Эдуард, иностранец» (1819–1858). Иностранец – и точка... (III).

Мотовилихинские пушкари – разноплеменный народ. *

ПОЛЬСКОЕ (КАТОЛИЧЕСКОЕ) КЛАДБИЩЕ – «ЦЕНТАРЖ». При входе на этот участок мне всегда вспоминается одна забытая могила в Литве, на погосте Пажайслийского монастыря под Каунасом. Там, в окружении надгробий, склепов польских и литовских знатных людей стоит и каменное надгробие Алексея Федоровича Львова, «композитора народного гимна «Боже, царя храни» (так гласит надпись на надгробии). Вот где нашел последнее пристанище 72-летний музыкант, действительный тайный советник – в имении дочери, на самой окраине империи. (Почему там – станет понятно, если вспомним, что в Литве многие храмы в XIX веке, начиная с царствования Николая Первого, насильственно преобразовывались в православные). Брат Львова, Николай Федорович, жил в Перми, служил председателем Пермской казенной палаты (до 1853 г.)

Таким же осколком, напоминанием о необъятной царской империи, свидетельством тирании властей, крушения судеб и одновременно красоты и величия свободолюбивых гордых душ воспринимается в далекой Перми, на краешке Европы тихий, самый ухоженный польский участок кладбища (порядок здесь наведен недавно благодаря стараниям членов Перм-

ского общества польской культуры и настоятеля костела отца Анджея). Этот островок памяти возник в связи с тем, что после подавления польских национальных восстаний 1830 и 1863 гг. на Урале стали появляться ссыльные бунтовщики. Хотя поляки среди пермяков жили уже в конце XVIII века, но отряд местной интеллигенции заметно пополнился после восстаний. Бунтари бунтарями, но в Перми им были предоставлены возможности для работы, карьеры, продолжения рода и ассимиляции.

В книжном магазине Пиотровских
(хозяин – крайний слева).

БЕСЕДЫ В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ А ПРАВ-ТО ОКАЗАЛСЯ ДЕД!

– У меня интересные были предки, роман писать можно... Бабка, Мария Васильевна Истомина (Альбицкая), всю свою короткую жизнь посвятила борьбе за идеалы дорогой ей социал-демократии. Ее родители были из польских бунтарей, сосланных на Урал. Как умерла-то, посмотрите: в 25-м году пошла разгружать уголь – она же активисткой была – одета была плохонько, простудилась – и все. А дед по взглядам своим стоял на другом «фронте». Он мастеровой, родом из Всеволодо-Вильвы. Перебравшись в Пермь, работал кузнецом. А затем старшим кузнецом (по нашему – начальником цеха) на заводе Любимова. Строил буксиры, комфортабельные по тем временам пароходы «Екатеринбург», «Березники», «Нева», «Пермь»... А также клепал первый железнодорожный мост через Каму и строил первую в городе электростанцию, еще с Поповым. Умер Платон Петрович Истомин в 1935 году, похоронен был недалеко от Всехсвятской церкви (место знаю только приблизительно). Еще скажу, что сын его – мой отец, значит, – был, конечно, уже советским человеком, так спорили они... Дед-то ему говорил: «Ну, чего вы, коммунисты, добились? От Бога отказались, все забрали, а ничего не получится у вас, хозяйничать не умеете...» Прав оказался дед, я считаю. Он вообще ни перед кем не лизоблюдничал. Однажды отказался Любимику встречать «хлебом-солью», так ему за эту строптивость зарплату срезали на семьдесят копеек, а была 1 рубль 90 копеек, высокая по тем временам...

Платон АЛЬБИЦКИЙ, журналист.

На обширном участке возле лога, отделяющего Старое кладбище от Нового (и старые добрые времена – от грянувших бурь), в разные годы упокоились чиновники, врачи, преподаватели, инженеры, музыканты, артисты, зодчие. Подойдем к некоторым из них.

БРАТКОВСКАЯ Каролина (1828–1869). Есть эпитафия, написанная «неутешной Лялей Кожиной» (?): «Прохожий, здесь лежит наилучшая дочь и мать, достойная ангельского привета».

ВОРОПАЙ Игнацы (ск. в 1908 г.), губернский землемер, был избран синдиком (старостой) католической общины, а также членом Пермского статисти-

ческого комитета. Игнатий Михайлович изучал историю пермского края, выступал с докладами в музее и Уральском обществе любителей естествознания; одна из тем его научных изысканий: «Истребление рыбы в Каме» (уже тогда это было актуально!). Рядом покоится его жена Юлия, умершая на 10 лет раньше мужа.

МАКОВСКИЕ Казтан Карлович (надгробие не сохранилось) и Александр Николаевич (1880–1945).

МАНКОВСКИЕ Станислав (ск. в 1878 г.) и Бронислав (ск. 1895). Есть сведения, что один из них был искусным садовником, в этом качестве его пригласил на службу пермский губернатор; в частности, дело его рук – сад в Мотовилихе с роскошной в прошлом оранжереей (ныне «сад им. Свердлова»).

ОКИНЧИЦ Людвик (ум. в 1909 г.), губернский врач, член статистического комитета. Могилка его брата Владислава, тоже врача (ск. в 1891 г.), находится рядом.

СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ Феликс Людвигович (ск. в 1895 г.), управляющий Невьянским заводом.

ХОДАКОВСКИЙ Стефан, инженер-технолог (ск. в 1909 г.).

ШЕТКЕВИЧ Казимир (ск. в 1869 г. 69 лет), действительный статский советник, гласный уездного земского собрания; был синдиком католической общины.

ЯНЧЕВСКИЙ Здислав, еще один врач. Он мало пожил на белом свете, скончавшись в 1872 году от чахотки – болезни, которая чаще всего и сводила чужеземцев в могилу: к суровым уральским условиям ссыльные привыкали с большим трудом, многие не выдерживали испытаний.

Обратим внимание на то, что на польском кладбище немало детских надгробий. Вот одно из них – белый каменный крест: гимназистка Ядвига ИЗБИЦКАЯ (ум. в 1897 г., прожив 12 лет). Под этим же памятником покоится прах отца девочки, Петра, жизнь которого также оказалась короткой.

Есть на цемтарже и общий памятник, какие ставят на братских могилах, всем ссыльным, гинувшим в чужих краях. Восстановлен он был в 1973 году. Можно считать, что это памятник и тем полякам, могилы которых мы уже не смогли найти на Егошихинском кладбище. Как это ни странно, но среди них и такие пермские знаменитости, как зодчие Р. И. **КАРВОВСКИЙ** (1830–1896) и А. Б. **ТУРЧЕВИЧ-ГЛУМОВ** (ум. 30 декабря 1909 г. 54 лет), и просветитель Юзеф **ПИОТРОВСКИЙ** (**ПЕТРОВСКИЙ**) (1840–1923), многолетний казначей научно-промышленного музея, открывший вместе с женой Ольгой Платонов-

ной в 1876 году первый в Перми книжный магазин, о чем свидетельствует мемориальная доска на здании по ул. Сибирской (ныне здесь гастроном).

Поляки покоятся и на других участках старинного некрополя. Недалеко от Всехсвятской церкви – памятник семьи барона Медема и большой каменный крест с изображенной на камне лирой – это надгробие скрипача, дирижера и педагога Людвиг (Людовика) ВИНЯРСКОГО (ск. 25 февраля 1901 г.). «Русская музыкальная газета» писала уже после его смерти, что «во времена Винярского летние сезоны в Перми по репертуару приближались к Павловским концертам времен Штрауса». В летописи В. С. Верховланцева еще сообщается, что «умер он сравнительно молодым, вследствие ушиба в молодости покойный страдал физическим недостатком – горбами спереди и сзади».

И как тут не вспомнить другого музыканта и отпрыска польско-русского рода, посланного Перми (если можно так сказать о бывшем лагернике) полвека спустя после Винярского – Генриха Романовича Терпиловского, одного из основателей отечественного джаза, которого называли иногда «пермским Дон Кихотом» – не столько за высокий рост, сколько за характер (похоронен на Южном кладбище). Что удивительно, на Новом кладбище (за обелиском Сафонову) похоронен еще один ТЕРПИЛОВСКИЙ – Михаил Александрович, человек, судя по эпитафии, не менее трудной судьбы. На памятнике-«аналое» начертано: «Приидите ко мне все труждающиеся и обремененные и аз упокою вы», а с другой стороны – стихи. Начинаются они так: «Много горя, мученья, много боли, терпенья ты, Мишуха, родной перенес...» Бог ты мой, сколько же многотерпиловского народу на нашей многострадальной земле?.. (VII).

Семейный участок НАГРОДСКИХ (возле Успенской церкви) состоит из трех каменных надгробий: отца, матери и сына, офицера-артиллериста, который умер молодым. Символом его рано оборвавшейся жизни и служит памятник в виде большого каменного «сруба». В разные годы на Новом кладбище упокоились: врач Ядвига Витольдовна БИТОВТ-ГУСЕВА (1885–1955); Мартын Иосифович ДАЛЕЦКИЙ (1886–1952) и другие...

«Шляхетское происхождение» отмечалось местными летописцами также у ряда других пермяков. Во время подготовки этой книги мы познакомились с сотрудницей областного краеведческого музея Эвой Евгеньевной Соломиной. У нее также есть польские корни: прабабушка Анна Иосифовна Кузмицкая приехала на пермскую землю с детьми уже без мужа. А бабушка

вышла замуж за Петра Ивановича СОЛОМИНА, зубного врача-техника, который владел стоматологическим кабинетом в 20-е годы (ск. в 1924 г.).

ВОСПОМИНАНИЕ О ВИЛЬНО. Три черных креста, стоящие близко друг от друга, похожи на памятник «Три брата», установленный в Вильнюсе (когда-то бывшем польским городом Вильно), на высокой горе. Д. БЛАЖЕВИЧ (ск. в 1908 г. 59 лет), на его надгробном камне есть надпись по-русски: «Вечная память от брата и от общества рабочих казенного винного завода». Справа – еще два чугунных креста на каменном основании, надпись на одном из них разобрать невозможно, на другом надгробии, И. ТАЖЕВИЧА (ск. в «grudnje» – декабре 1914 г.), есть изображение гусиного пера.

Неподалеку похоронены литовцы, отец и дочь ВАЙЧУНАС Франц Венедиктович (1875–1940) и Ольга Францевна (1927–1948). На Старом кладбище есть надгробие литовки Доры КУТРЯВИЧЕНЕ (ск. в 1915 г. 77 лет), с эпитафией: «Мое тело после перенесенных бедствий исчезнет, моя душа радуется дружбе с избранными».

Из Вильно приехали в Пермь и предки композитора Д. Д. Шостаковича. Прадед его, Петр Михайлович, вместе с женой Маргаритой Ясинской был выслан за революционную деятельность. Он и похоронен здесь. В Перми в 1845 г. родился Болеслав Шостакович, дед Дмитрия Дмитриевича...

Самое «намоленное» место в данном секторе – могилка, где покоится Антоний ШОСТАКОВСКИЙ (ск. в 1871 г.), человек, который проводил в последний путь многих из захороненных здесь. Он был ксендзом. Это по его инициативе в первую очередь появился на пермской земле костел, до открытия которого о. Антоний не дожил четыре года. В советские годы, когда костел был передан властями под другие цели, местные католики приходили молиться сюда – к надгробию первого ксендза...

БЕСЕДЫ В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ НИКТО НЕ «НАСТУЧАЛ»

– Дед у нас был из поляков, ВЕРЖБИЦКИЙ Сергей Петрович. Он работал механиком на пароходе, пока ему не оторвало руку. Он умер в конце 20-х годов от рака желудка, а бабушка – от рака горла

(через несколько лет после деда отошла, могилка возле поляка Ходаковского). А отец был кондитером, работал в артели, звали его КАРМАНОВ Прокопий Федорович, умер от рака легких в 44-м году, всего 39 лет. Отпевали всех во Всехсвятской церкви. В той самой церкви я венчался потом, да-да! Несмотря на то, что в партии был, но отец невесты сказал, как отрезал: «Я ваш брак без венца не признаю». Опасения у меня были, конечно, ведь попы-то тогда все были повязаны с КГБ, ну, если «настучат» – конец моей карьере. Я в армии служил, причем рвался ведь служить-то! Сейчас взятку мечтают дать, чтобы не служить сыну, а я, наоборот, в училище с завода вырвался за «взятку»: сделал для человека, от которого зависела моя судьба, за жигалку по его просьбе. Вот как мы жили...

Борис КАРМАНОВ, подполковник в отставке.

МУСУЛЬМАНСКОЕ (ТАТАРСКОЕ) КЛАДБИЩЕ – «ЗИРЭТ». Оно занимает самую обширную часть территории некрополя на Новом кладбище, ближе к Егошихе. И это самый запущенный участок, здесь уже немало безымянных памятников, оставшихся без присмотра.

Неподалеку от асфальтовой дорожки сохранился большой семейный участок с полуразрушенной оградой. На каменной плите – красивая вязь букв. Из надписи по-татарски узнаем, что здесь покоится купец Абдулла МУХУТДИНОВ сын муллы Абдул Фаттаха (ск. в 1901 г.). Смысл эпитафии можно передать так: «Поклонитесь, живущие, тем, кто верил в Коран, свет Всевышнего да будет вам всегда. Приходите на мою могилу, молитесь за мою душу. Вспоминайте, думайте, это и есть конец жизни». В соседней оградке сохранилась небольшая каменная плита с полумесяцем, надпись гласит: «Здесь лежит девица Разия, дочь Хусейна» (ск. в 1907 г.). Она тоже из рода предпринимателей.

Каменный обелиск, весь исписанный красивой словесной вязью – на могиле МУХАММЕДА ФАТТАХА, сына Мухамеда Керима (ск. в 1912 г.). Где-то недалеко похоронены и представители торгового рода ТИМКИНЫХ. Фирма «Тимкин с сыновьями» торговала тканями, пряжей, бумажными товарами. Купцы Тимкины разных поколений не раз избирались гласными городской Думы, были членами

мусульманского благотворительного и просветительского общества. По сведениям краеведа Е. А. Спешиловой, династия Тимкиных известна в Перми с 1865 года.

Неподалеку от них – захоронения членов семьи другого видного купца татарского происхождения Зиганьши ИБАТУЛЛИНА. Он был и председателем упомянутого благотворительного общества, которое располагалось в принадлежавших этому купцу двух домах по Осинскому переулку, возле мечети. Ибатуллин торговал галантерейными товарами, мануфактурой и «офицерскими вещами», он также не раз избирался в Думу.

По традиции, на мусульманских надгробиях надписи делались на арабском языке, скромные в большинстве своем памятники венчали изображения полумесяца (иногда со звездой). Исключение составляет каменный обелиск Герою Советского Союза Зинатулле (Зиновию) Генатуллиевичу ИСХАКОВУ (1908–1958). В войну он командовал гвардейским воздушно-десантным полком, освобождал от фашистов Румынию, Венгрию, Чехословакию, участвовал в разгроме Квантунской армии на Востоке. Лихой был воин, судя по его наградам и воспоминаниям сослуживцев, а в могилу сошел рано. Помимо последствий войны, подкосила Зиновия Генатуллиевича семейная трагедия: дочка Неля умерла в 15 лет, после ее ухода отец прожил недолго, они и похоронены рядом, в одной оградке (IX).

Надгробие Абдуллы Мухутдинова.

БЕСЕДЫ В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ НЕ ПРИДАВЛИВАЙТЕ КАМНЕМ

– Дед мой, Сабиржан Садриев, был купцом, торговал бакалейным, колониальным товаром. Жили они в самом начале Большой

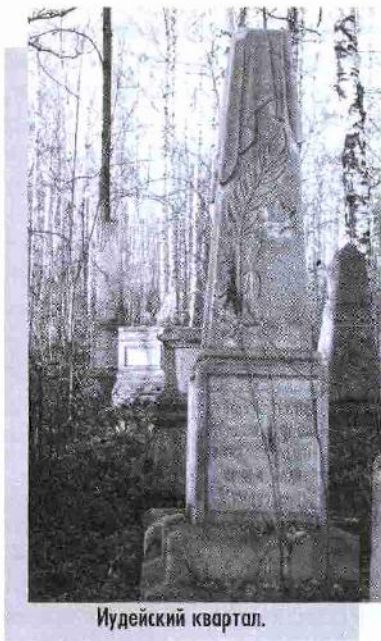
Ямской (ныне Пушкина), это совсем близко от кладбища. Так что мы там, считай, все свое детство бегали, играли. Бабка моя, помню, удивлялась: «Странные русские: привалят могилу камнем, будут бояться, что сбежит умерший – ну, куда я сбегу?» Бабушка вообще оригинальный человек была, помню, рассказывала, как она узнавала, кто в городе – белые или красные. Однажды с такой просьбой – разузнать, чья власть, – к ней обратились одни, потом – другие, в «разведчицах» побывала. «Мне, – говорит, – и тех, и других жалко было, такими молодыми гибли». Сама она умерла в 60-м, а дед много раньше – в 43-м, во время войны.

Традиции народов сильно отличаются, конечно, это видно и по национальным кладбищам. Мусульмане, например, не пьют на поминках и на могилах, и вообще у них не принято ходить на кладбище. Но мы поддерживаем могилку в порядке, надо же своим ребятам как-то донести то, кем были их предки. Чтoб знали, откуда что, какие корни у них.

Дед владел делом по наследству, еще в первые советские годы считался нэпманом. И к концу 20-х, когда гайки-то стали закручивать, у него корзинка с необходимыми в тюрьме вещами уже была наготове... Знаменитая эта корзинка, он в «командировки» свои с ней отправлялся. Вставал ранехонько, ужасно боялся опоздать на пароход (у меня такая же нелюбовь к опозданиям сохранилась). И вот сидит на берегу Камы с ночи, считай, ждет парохода, который в полшестого утра отходил. «Я его подожду – а он меня нет», – говорил своим родным, которые слегка подтрунивали над этой его особенностью.

В «чуждые элементы» наши предки попали и из-за гонений на верующих, когда мечеть закрывали, мать долго не могла поступить учиться, потому как – «лишенка». Потом все же ей удалось выучиться, закончила институт. А что семейными реликвиями считается... Сохранились фотографии, есть коробка из-под того самого «колонияльного товара». Что касается предприимчивости, деловых качеств, то это только у моей сестры «проклюнулось», когда жизнь заставила ее бизнесом заняться...

Искандер САДРИЕВ, журналист.

Иудейский квартал.

С частью территории татарского кладбища, увы, связаны не только славные страницы трудовых и боевых биографий наших земляков, но и мрачные воспоминания старожилов о «слоеном пироге»: захоронениях жертв массовых репрессий 30-х годов (закапывали вторым слоем). Причем к этому месту советские власти присматривались еще в начале 30-х, когда подбирали площадь для будущего зоосада, уже даже было принято решение об отводе места «на территории магометанского и военного кладбища» (1). (Подробнее об этой трагической истории смотрите ниже.)

ИУДЕЙСКОЕ КЛАДБИЩЕ – «БЕЙТ КВОРОТ». Это кладбище – из самых «молодых». Пермь привычно называют его еврейским, и это, на-

верное, точнее, поскольку на данном участке покоится больше атеистов, чем иудеев. С центральной дорожки, идущей от Успенской церкви к Егошихинскому оврагу, это место смотрится на провинциальном кладбище таким небоскрежным «Нью-Йорком» из-за высоких и массивных, теснящихся на малом участке надгробий. Кладбище это возникло в 40-е годы XIX века, когда в городе появилась иудейская община. Всех духовных лиц, раввинов хоронили здесь. Неподалеку, впрочем, покоятся и бывшие кантонисты (еврейские дети, отслужившие 25 лет в армии), и их потомки, принявшие православие. Купцы, нотариусы, врачи, аптекари, повитухи, инженеры... *

* Еще в начале XIX века евреев среди пермских жителей не отмечается. Н. С. Попов в фундаментальном «Хозяйственном описании Пермской губернии...» пишет: «Для торговли приезжают сюда иногда Итальянцы, Цесарцы (так называли чехов и венгров – В. Г.), Немцы, Евреи с галантерейными вещами, шелковыми и другими модными и мелочными товарами, также с часами, картинками и проч...». В «Памятной книжке Пермской губернии...» на 1863 год приводится такая цифра: в Перми жителей «еврейского вероисповедания» – 142 мужчины и 52 женщины.

Раввин Леон Рафаилович ЛИНДЕНБРАТЕН (1855–1910), по профессии был провизором. А Симон Исаакович ДРУСВЯТСКИЙ, служивший раввином в 1891–1894 гг., – инженером-химиком.

Мануил ЗАЛЬЦМАН (ум. в 1908 г.) участвовал в строительстве железной дороги Пермь–Екатеринбург. Другой инженер-путеец Юлиан БАК строил участок дороги Пермь–Котлас. Исаак ХЕНАХ (ск. в июне 1891 г.) служил машинистом Пермь–Уральской железной дороги, как явствует из надписи на каменном «аналое».

Здесь нашли свой вечный приют врачи ФИШМАН, ШНЕЙДЕР, БЕККЕР и др. Особняком в их ряду смотрится личность М. Я. БРУШТЕЙН (1857–1941). Одна из первых женщин-врачей (закончила Петербургские высшие врачебные курсы), она активно занималась революционной работой, в пермском охранном отделении числилась как «личность неблагонадежная»; входила в состав оргбюро Пермского Союза медико-санитарных работников.

Е. ШУСТЕФ (ск. 1943 г.) – раввин.

БЕСЕДЫ В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ МОЙ ДЕД БЫЛ РАВВИНОМ

– У меня здесь дедушка, бабушка, отец... У отца профессия была самая мирная – врач (ухо, горло, нос). А вот дед был раввином, Дон Шустеф. Они приехали в 1916 году в Пермь из Литвы. Все свободное время дед проводил за книгами. Он привез с собой потрясающую библиотеку, фолианты в кожаных переплетах. (Позднее из закрытой большевиками синагоги большую часть книг, в том числе священные торы, передали в оперный театр, причем не только для реквизита: из кожаных переплетов, говорят, шили обувь.) И меня дедушка заставлял язык учить. А я сбегал от него, скрывался: что было, то было... Умер дед в войну, от голода. Бабушка рассказывала, что он не мог кушать любую пищу, а только кошерную, то есть дозволенную верой. Ну, а тогда вообще голодали, да дело усугублялось еще пасхой – пост же. Мне тогда лет десять было. Помню, хоронили деда по старому обычаю: без гроба, тело в саване. Народу много было, в войну ведь община сильно разрослась, эвакуированных много появилось, из разных мест и местечек. Сейчас уж так не

хоронят. На иудейском кладбище женщины покоятся на правой стороне участка, мужчины – слева. Особое место отводилось также для захоронений иудеев, принадлежавших колену священнослужителей... А сейчас что там творится? Все правильно: порядок на кладбище надо начинать со «своих» могилок, своих родных. Отцовское надгробие «разбомбили», надо бы ставить, вроде бы, новый памятник, и мы с братом уже хотели было, но... Надо сначала изменить отношение города к этому месту, чтобы форменный беспредел этот прекратить.

Михаил ФУТЛИК, архитектор.

Почтенное семейство раввина Шустефа *.

Вплоть до советских лет на этом участке кладбища стояла сторожка. Теперь многие памятники уже без присмотра, по известным причинам: родственники или умерли, или перебрались на землю предков. «Душа его будет спать спокойно, ибо потомство унаследует Землю Израиля», – такую эпитафию для своего почившего отца послал почтой из пермского политлагеря бывший отказник (то есть получивший отказ на

просьбу о выезде на историческую родину), диссидент Анатолий (Натан) Щаранский, ставший позже министром в израильском правительстве. Для эпитафии он использовал цитату из Псалмов Давида. Как видим, мысль эта имела глубокое значение и для многих пермяков, возможно, потомков тех самых бедных детей кантонистов, о чем писал еще Герцен в «Былом и думах».

На этом кусочке провинциального кладбища встречаем немало звучных фамилий. В. Д. ЧАЦКИЙ (1894–1959), Сарра Яковлевна ПИЛЬНЯК (ск. в 1913 г.), и даже Соломон Григорьевич СВЕРДЛОВ (1906–1946, с надписью: «Память от жены, братьев, сестер и их детей»)... А почти на краю оврага, над шумящей внизу Егошихой стоит скромный памятник, на каменной «подушке» которого начертано: НЕМЕЦ Залман Гамшевич (1890–1950)...

Что касается еврейских погромов, то их в Перми никогда не было, это отмечают и историки пермской иудейской общины. В октябре 17-го Пермь сотрясали солдатские беспорядки, но цели их были гораздо более «широкие», если так можно выразиться, то есть направленные не против одной национальности.

Правда, в конце 80-х появились на кладбище «искатели золота». Дикая картина напоминает об этом случае: раскопанная могила на иудейском участке. Видимо, кто-то зарылся в поисках «сокровищ богатых евреев». Сорваны были надгробные чугунные плиты Якова Иудовича ТИПОГРАФОВА (ск. 12 ноября 1912 г.) и Иосифа ФАЙНБУРГА (ск. в 1909 г.) *.

Должен тут заметить: опустившимся, потерявшим человеческое обличие двуногим все равно, где гадить. На кладбище есть порушенные памятники и участникам революции, и членам царской свиты. И металлический крест на могилке моей матери, крестьянки из Ильинского, мне самому приходилось восстанавливать дважды.

* Во второй половине 80-х на еврейских участках Егошихинского и Южного кладбищ произошли акты вандализма: многие надгробия были повалены, сломаны, на них появились надписи антисемитского глумливого характера. Помню, тогда я написал об этом в «Вечерней Перми», привел и слова одного из родственников, восстанавливавших надгробие, о том, что он будет караулить теперь могилу с ружьем, раз власти бессильны. Редактор газеты эту фразу вычеркнул – из осторожности. Мол, зачем нагнетать страсти, «все уляжется само собой». Все и улеглось... Несколько разломанных памятников так и лежат...

Крушат на кладбище надгробья.
Так варварства тянется след.
Не все люди — Божьи подобья,
Какая-то часть — все же нет...

А. Баргтейл.

Будем помнить, что Пермь всегда отличалась терпимостью в национальном вопросе. Вот нелишнее тому подтверждение. У стен Всехсвятского храма, в оградке — то есть на почетном месте — сохранилось оригинальное надгробие, под которым упокоился врач Василий Карлович ФРИШМАН (1835–1911).

УЧЕНОЕ СОСЛОВИЕ

ачнем экскурсию, пожалуй, с самой известной пермской четы, добившейся вершин в благороднейшей и гуманной науке врачевания.

Павел Николаевич СЕРЕБРЕННИКОВ (1849–1917) –

как и доктор Шишонко, посвятил свою жизнь двум музам. Доктор медицины, он был и в числе основателей Пермского краеведческого музея. Его называли еще «дедушкой пермского прогресса», а иной раз – «вторым доктором Гаазом». Это Серебренников «пробил» в дягилевском журнале «Мир искусства» обращение «ко всем пермякам, и всем, кому дорога история Родины, пожертвовать имеющиеся у них материалы в Пермский музей». Скромный типовой памятник председателю совета музея и «печальнику всех обездоленных» находится на перекрестке у тропы, ведущей от Успенской церкви к Всехсвятской (IX).

Тропы, ведущей и к надгробию другого врача, подруги жизни Павла Николаевича – Евгении Павловны СЕРЕБРЕННИКОВОЙ (урожденной Солониной), одной из первых женщин-врачей России. Она прожила всего 43 года (ум. в 1897 г. от опухоли мозга). При ее участии было открыто училище для слепых (ныне школа № 22), в последние годы она заявила себя особенной деятельностью и на поприще благотворительности. Тысячи народа провожали ее на место упокоения –

П. Н. Серебренников,
«дедушка пермского прогресса».

Новое кладбище. Впоследствии в Перми был издан сборник ее памяти. Рядом с памятником Е. П., словно прислонившись к «дереву», стоит железный крест Эротиды Федоровны СОЛЕНИНОЙ, матери врача (X).

ALMA MATER

Мемориальные памятники Егошихинского некрополя дают нам возможность восстановить интереснейшие страницы отечественной науки и прежде всего – историю создания и развития первого на Урале университета. Пермский вуз появился осенью 1916 года, сначала – как отделение Петроградского университета. На кладбище похоронены многие из тех, кто стоял у истоков его. Это и первые профессора, доценты, и один из первых ректоров. Это и основатели научных школ, направлений, высококласные специалисты и педагоги, в том числе и те, кто закладывал основы медицинского, сельскохозяйственного и педагогического факультетов, отпочковавшихся в 1930 году от Пермского государственного университета и ставших самостоятельными вузами. Со временем возле Успенской церкви образовался медицинский квартал, где покоятся видные деятели науки, ученые и целители.

ВАРГИН Владимир Николаевич (1866–1936) – выдающийся деятель агрономии, до Октябрьской революции – губернский агроном, чьи работы и опыты произвели впечатление на приезжавших в Пермь председателя Совета министров П. А. Столыпина и главноуправляющего земледелием А. В. Кривошеина. Зачинатель химизации сельского хозяйства, пропагандист минеральных удобрений, организатор высшего сельскохозяйственного образования на Урале, профессор, Герой труда РСФСР (самое высокое звание в РСФСР первых десятилетий) (III).

ЗУБАРЕВ Борис Иванович (1875–1952) – профессор, доктор физико-математических наук, сотрудник изобретателя радио А. С. Попова (XII).

КОНОВАЛОВ Николай Александрович (1884–1942) – профессор, руководитель первого психологического кабинета педагогического ф-та университета (III).

КРЮГЕР Валерий Августович (1889–1958) – профессор, геоботаник, эколог. Вместе с А. А. Генкелем, М. М. Даниловой составил карту растительности Пермской области (II).

ОБНОРСКИЙ Николай Петрович (1873–1949) – профессор, один из первых сотрудников университета, энциклопедист, создавал фундаментальную библио-

Н. П. Обнорский (в центре) стоял у истоков Пермского университета (на снимке он с первым послевоенным выпуском историко-филологического факультета, справа от педагога Л. Г. Дворсон) *.

Группа ведущих психиатров г. Перми со студентами *.

теку, брат известного академика (могила у южной стены Успенской церкви).

ПАРИН Василий Николаевич (1877–1947) – профессор, засл. деятель науки Удмуртской АССР, основатель школы хирургов на Урале. Многолетний председатель Пермского научного общества, основатель и редактор первого в Перми медицинского журнала. В годы войны – главный хирург эвакогоспиталей Пермской (Молотовской) области (III).

ПЕРВУШИН Всеволод Прокопьевич (1869–1954) – профессор-невропатолог, основатель клиники нервных болезней, общественный деятель. Первушин, в частности, впервые описал заболевание нервной системы, получившее название «весенне-летний клещевой энцефалит». В одной оградке похоронен и профессор Первушин-младший: Юрий Всеволодович умер в 59-летнем возрасте, пережив отца всего на два года. В истории Перми осталось также имя Л. В. Первушиной, много лет бывшей начальницей женского епархиального училища (III).

БЕСЕДЫ В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ РОДСТВЕННИКИ ЛЕНИНА, ОТ КОТОРЫХ ОН НЕ ОТКАЗЫВАЛСЯ

– Рядом с врачами Первушиными находится семейная оградка медиков **ПАРКАЧЕВЫХ** и педагогов **БОГОСЛОВСКИХ**. Между ними существует родство: Ольга Федоровна Богословская, заслуженная учительница (1887–1952) – это моя мама. Она приходилась двоюродной сестрой Первушину-старшему. Сейчас мало кто вспоминает такой интересный факт: жена Всеволода Прокопьевича Первушина, Александра Андреевна, она умерла на два года раньше мужа, приходилась родственницей Ленину. Да-да, Владимиру Ильичу. Мы помним, что в дни рождения вождя их часто приглашали на торжества в Казань, где Первушин окончил университет, там же преподавал много лет, до начала 1920-х, когда переехал с семьей в Пермь, чтобы работать в местном университете... * Еще мне вспоминается, как отпевали Прасковью Лавровну Паркачеву (в первом замужестве Доллар). Она умерла примерно

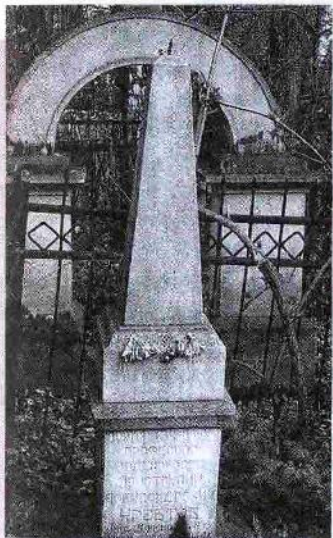
* Известно, что родственников вождя в советские годы объявилось немало, и от некоторых он решительно отказался. От Первушиных не отказывался, свидетельства тому мы можем обнаружить в именном указателе к Полному собранию сочинений В. И. Ленина. Благодаря заступничеству вождя (в телеграфном виде) преподавателя Казанского университета Н. В. Первушина (сына профессора) в марте 1920 года даже выпустили из советской тюрьмы.

в 1930 году, восьмидесяти лет. Отпевание устроили в Воскресенском храме, и это была, наверное, одна из последних служб в этой церкви, самой красивой в Перми: вскоре храм взорвали.

Е. В. МИРОНОВА (БОГОСЛОВСКАЯ).

ПИЧУГИН Павел Иванович (1876–1954) – профессор, создатель первой на Урале детской клиники. Участвовал в русско-японской войне ординатором госпиталя в Харбине. Рядом – могила жены, которая деятельно помогала в создании клиники (III).

СИМОНОВИЧ Владимир Флавианович (1870–1929) – профессор-терапевт, основатель уральской школы кардиологов, один из организаторов медицинского факультета Пермского университета (III).

Обелиск профессора-орденоносца А. А. Хребтова соседствует с аркой диакона Попова.

ТАУСОН Анастасия Оттовна (1890–1953) – профессор, сотрудница Пермского университета первых лет, одна из первых женщин докторов наук в СССР, основательница уральской школы гидробиологии (XIII).

ШМИДТ Виктор Карлович (1865–1932) – профессор, ректор Пермского университета (шестой по счету, тогда они менялись фактически через год), в 20-м году возглавил кафедру гистологии и эмбриологии (II).

ФЛЕЙШЕР Глеб Владимирович (1873–1930) – профессор, в начале 20-х заведовал кафедрой кожных и венерических заболеваний (III).

ХРЕБТОВ Аристоклий Александрович (1876–1944) – профессор. Этот «агроном-

орденоносец» (так указано и на надгробии) с редким аристократическим именем выявил немало новых для Прикамья растений, вместе со своими студента-

Профессор П. Н. Чирвинский.

ми провел полный учет видов сорняков Уральской зоны (памятник у изгороди Всехсвятской церкви).

ЧИСТЯКОВ Павел Иванович (1867–1959) – профессор, возглавивший в 20-е годы кафедру глазных болезней, заслуженный деятель науки РСФСР, общественный деятель*. Клиника глазных болезней областной больницы, где он проработал с 1923 года и до самой кончины, носит его имя (III).

ЧИРВИНСКИЙ Петр Николаевич (1880–1955) – доктор геолого-минералогических наук, профессор, петрограф (петрография – наука о составе и происхождении горных пород), один из основоположников метеоритоведения,

чья работы приобрели особое значение в связи с началом освоения космоса. Его диссертация на степень магистра минералогии (еще в 1912 г.) по представлению академика А. П. Карпинского была удостоена Ломоносовской премии Академии наук СССР. Дипломная работа Чирвинского 1902 года переиздана издательством «Наука» в 1991 году. Он первым вычислил средний химический состав Земли в атомном выражении. Его также считают родоначальником советской школы снеговедения (XIII).

От творцов истории альма матер первых десятилетий перейдем к другим деятелям науки, докторам, преподавателям.

АСТРАХАНОВА Анна Ивановна (1880–1950) – засл. врач РСФСР (III).

БАШЛЫКОВ Иван Иванович (1903–1956) – профессор, д-р биол. наук (XI).

ВАЖИНСКИЙ Владимир Константинович (1876–1945) – профессор (X).

ЗАЛКИНД Эмиль Моисеевич (1898–1948) – засл. деятель науки, профессор-психиатр (III).

ЗАМЯТИН Г. А. (1882–1953) – доктор ист. наук, профессор (XIII).

* Термин «общественный деятель» в годы Советской власти означает, как правило, депутатство.

ЗАХАРОВ Иван Михайлович (ск. в 1953) – профессор (III).

ИЕРУСАЛИМСКИЙ Павел Иванович (1896–1958) – профессор, доктор мед. наук, учился у В. П. Первушина (X).

КОВАЛЕВА Е. П. (1896–1953) – заслуженный врач РСФСР (X).

КОЗА Михаил Андреевич (1895–1955) – профессор, основатель уральской школы патологоанатомов (III).

ЛАНКОВ Александр Васильевич (1884–1953) – профессор, автор первой методики преподавания математики (XIII).

МЕЛЬНИКОВ Фома Ефимович (1906–1948) – кандидат ист. наук (XI).

МЕНЬШИКОВ М. И. (1900–1952) – профессор, доктор биологических наук, основатель пермской школы ихтиологов (XIII).

ПАНАЕВ Федор Николаевич (1856–1933) – климатолог, педагог (XII).

ПЕЧЕРКИН А. А. (1896–1947) – профессор, видный геолог (III).

ПОНОМАРЕВ Александр Яковлевич – первый врач-психиатр приюта для душевнобольных, статский советник (ск. 8 ноября 1904 г. 62 лет). В летописи В. С. Верхоланцева о нем сказано: «Покойный один из первых в России применил в деле лечения занятие душевно-больных (тогда писали через дефис) ручным трудом, организовал для них ремесленные мастерские. По его инициативе устроена была земледельческая колония на Липовой горе». Для больных даже проводились «музыкально-вокально-танцевальные вечера».

РАЙХЕР Борис Иосифович (1910–1956) – профессор, доктор медицинских наук, лауреат Сталинской премии, полученной им вместе с профессором А. В. Пшеничным за разработку вакцины против сыпного тифа (XI).

СИДОРОВА Анна Петровна (1915–1958) – доцент ПГУ, кандидат географических наук (III).

СКУЛЬСКИЙ Николай Арсеньевич – профессор (III).

СБОРОВСКАЯ Евдокия Семеновна (ск. в 1953 г. в возрасте 74 лет) – заслуженный врач РСФСР, психиатр, с дореволюционных лет

Чета Сборовских *.

пользовавшая, как говаривали в старину, больных духом в Пермской психолечебнице, участница русско-японской войны. Рядом похоронен горный инженер, выпускник С.-Петербургского горного института А. А. СБОРОВСКИЙ (муж Е. С. Сборовской и сын бывшего начальника Уральского горного округа). Он умер молодым в 1911 году от чахотки. Рядом похоронен родственник Сборовских П. А. ГОЛДОБИН (1893–1932) – бывший капитан (командир) пароходов Каменских и Любимова (XI).

СОЛОМИН Федор Васильевич (ск. в 1898 г. 49 лет). Из эпитафии: «Тюменского путейского ведомства командир» (VI).

СТЕПАНОВ Николай Михайлович (1896–1960) – профессор, внесший заметный вклад в развитие отечественной пластической хирургии. Учился у В. Н. Парина (VIII).

БЕСЕДЫ В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ ЗАПОМНИТЬ, КАК «ОТЧЕ НАШ»

– Отец мой окончил в свое время духовное училище и семинарию. Но он с детства врачом хотел стать, все куклы сестренке потрошил. Смена власти, может, ему даже и помогла в самоопределении. И вот так получилось, что, в отличие от многих ровесников, я Библию читал еще в детстве, потому что в семье она была настольной книгой. Молитвы «Отче наш», «Богородица дева, радуйся» и другие знал сызмала (я с 21-го года рождения). И четыре Евангелия я прочитал в юном возрасте, но, честно скажу, библейская мудрость до меня тогда не дошла. Вновь взялся я за нее уже после инфаркта, читал обстоятельно, делал выписки. И, между прочим, нашел немало противоречий. Достаточно сказать, что Бог Ветхого завета и Бог Нового завета – это разные Боги. Один – более жестокий, другой – менее. Если применить здесь диалектический закон отрицания отрицания, то Новый завет отрицает Ветхий. Новый завет отличается более широкий подход, и, конечно, мысль о том, что эллины и иудеи для Бога едины, только претворение различное у каждого из народов – это колоссальный шаг вперед! Вот эту мудрость нужно всем запомнить, как «Отче наш»!

Михаил Николаевич СТЕПАНОВ, кандидат географических наук.

ХЛОПИН Николай Яковлевич (1882–1962) – профессор, д-р хим. наук (III).

ЮДИН Вениамин Гаврилович (1864–1943) – врач, Герой Труда РСФСР (III).

Нельзя забыть и могилы представителей многочисленной технической интеллигенции Перми, которые служили своему делу, народу, активно творили, создавали славу родному городу как центру интеллектуального поиска на Урале.

БАШКЕВИЧ Владимир Михайлович – бывший управляющий и конструктор проката Лысьвенского завода, мотовилихинский инженер, разносторонне одаренный человек (ск. 17 января 1903 г.). Памятник – «от сослуживцев Лысьвенского завода» (XI).

БЕРНШТЕЙН Ананий Самсонович – инженер-технолог (ИК).

ГЛАДЫШЕВ Михаил Михайлович (1858–1928) – инженер-механик, управляющий парохозяйства Каменских, гласный Пермской думы (III).

ГЛУШКОВ Н. И. (1840–1883) – инженер-технолог (VIII).

ОВЧИННИКОВ Михаил Петрович (1894–1931) – «инициатор и первый директор Пермского судостроительного завода» (надпись на памятнике), организатор строительства пермского трамвая, председатель двух горсоветов (XI).

ПОМЫТКИН Василий Григорьевич (ск. в 1909 г.) – сотрудник Суксунского завода (IV).

СУВОРОВ Н. И. (1908–1957) – горный инженер. Памятник поставлен «от родных и коллектива Кизеловского рудоремонтного завода комбината Молотовуголь» (VI).

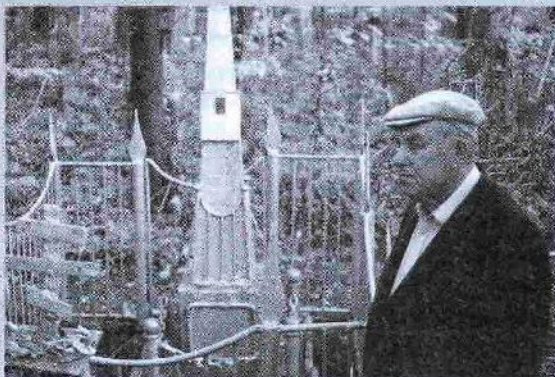

М. М. Гладышев *.

БЕСЕДЫ В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ ...И ПИЛИ ХВОЙНЫЙ НАПИТОК

– Здесь лежит мой дядя, участник войны, воевал артиллеристом, в звании капитана дошел до Кенигсберга, – рассказывает А. Д. СОЗИНОВ, с которым мы встретились на кладбище в одну из родительских

суббот у надгробия КАЗАКОВА Дмитрия Михайловича (1905–1962). – У нас вся семья – артиллеристы. А до войны дядя работал и председателем Ленинского райисполкома, и финансистом, начальником КРУ, был и директором финансового техникума. Красивое металлическое надгробие и художественная кованая оградка у могилы созданы по оригинальному проекту на Мотовилихинском заводе, автор – инженер-металлург Володя Косов. А вообще с кладбищем у меня связано много ярких воспоминаний детства. Здесь мы собирали хвою, сдавали ее в пункт на углу Советской, там делали витаминный хвойный напиток. Кормили-то в войну плохо, а директриса нашей школы, 21-й, была пробойная, старалась всячески нас поддержать, подкормить. Кого из соседей на кладбище знаю... Знал, что неподалеку похоронили артистов Кировского (Мариинского) балета. Помню, мы елку привезли в театр, нам контрамарку на первый спектакль балета Хачатуряна «Гаянэ» дали. О, мы же всех тогдашних звезд видели, знали: и Дудинскую, и Балабину... Знаю, что рядом здесь могила одного из сослуживцев дяди, он главным землемером работал. Сам небольшого росточку был, а памятник на могиле поставили ему такой, что покойный весь туда вошел бы...

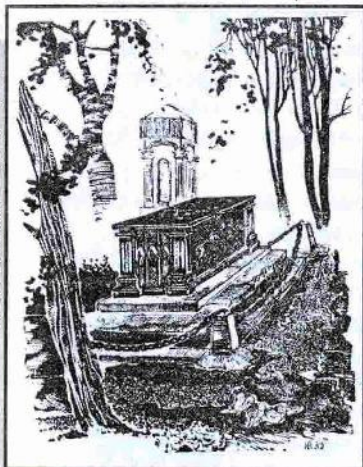

Рассказывает А. Д. Созинов.

ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНОГО ДОЛГА

Начать этот рассказ, конечно, лучше всего у саркофага участника Отечественной войны 1812 года, командира Ширванского полка майора Николая Афанасьевича ТЕПЛОВА. Герой Бородинского сражения прибыл на излечение в Пермь, потому что отсюда была родом его жена. Но попечение врачей военного госпиталя не спасло: 27 октября 1813 года Теплов скончался, не оставив после себя потомства, но оставив славную память.

Саркофаг майора Теплова
(рис. В. Новикова).

В представлении его к награждению орденом Св. Анны второй степени за Бородино генерал от инфантерии Милорадович писал на имя Кутузова: «...Во весь день сражения с полком в первой линии под сильным с неприятельских батарей огнем, и штурме на Кургане батареи нашей – с отменной храбростью, ободряя всех подчиненных, ударил с полком в штыки на наступающего неприятеля и тем обратил его в бегство». Чугунный саркофаг на могиле героя возле Успенской церкви выполнен по рисунку известного русского архитектора Ивана Свиязева, поставлен в 1839 году *.

* Как установил краевед Б. А. Чернев, в 1912 году, когда отмечалось 100-летие Бородинского сражения, надгробие реконструировали на деньги, которые собрали пермские офицеры. Под саркофаг был подведен каменный фундамент, установлена ограда с железными цепями.

Как мы видим, история провинциального кладбища, расположенного, казалось бы, в глубоком тылу, в тихой Перми, хранит, однако, мемориальные свидетельства общности судеб местных жителей с судьбой огромной России. Недалеко от майора Теплова «голкофа»

«Бородино» (с картины Н. Матвеева).

полковнику Афиногену Борисовичу СТИЦЫНУ (1819–1889), с эпитафией (о ней см. ниже в соответствующей главе).

О том, как достойно умели уходить из жизни генералы старой закалки, из тех, кто «слуга царю, отец солдату», с нескрываемой симпатией писал Михаил Осоргин. Примером для него послужил генерал-лейтенант Алексей Евстафьевич БАРАНОВ, командир Пермской бригады, ск. 22 декабря 1905 г. (небольшое надгробие без креста в оградке Всехсвятской церкви). У той же церкви по другую сторону стоит «голкофа» на могиле полковника артиллерии Николая НАЗАРЕНКО (1831–1881). Видимо, он имел немалые заслуги, раз похоронен на столь почетном месте.

Вот еще одна могилка, напоминающая уже о русско-японской войне, бесславно проигранной царским самодержавием, но не народом. В квартале Винарского у Всехсвятской церкви есть каменный обелиск, на котором написано: «Александр Ильич ГЛАДЫШЕВ, моряк, унтер-офицер, скончался 23 января 1904 г. Мир праху твоему». Еще один участник той же войны – Севастьян Романович БОРОДУЛИН (1877–1938). Это последний выживший матрос с парохода «Громобой», погибшего в Цусимском сражении. Совсем выздороветь ему уже не удалось, перед смертью моряк ослеп. Рядом похоронена его дочь Валентина, педагог – умерла от тифа в годы войны.

Иван Иванович ШАЙДЕРОВ – человек мирной профессии, машинист. Погиб при крушении поезда в 1910 г. Ему было всего 43 года. Благодарное пермское общество отметило его жертвенность солидным надгробием.

При желании на кладбище можно обнаружить свидетельства, напоминающие о всех крупных и малых военных кампаниях и войнах, которые вела Россия. Когда началась первая мировая война, Пермская городская Дума, «сочувствуя вообще идее увековечения памяти жертв настоящей войны, по баллотировке единогласно постановила: избрать местом для устройства братского кладбища для погребения как умирающих от ран в лазаретах г. Перми, так и привозимых с театра войны павших в бою или умерших в других госпиталях, существующее в Перми военное кладбище...» Имеется в виду та часть Нового Егошихинского кладбища, которая теперь почти вся уничтожена.

Не сохранилось надгробие на могиле участника Крымской войны, героической обороны Севастополя: у храма Всех Святых покоится Константин Михайлович ИЛЬИНСКИЙ (1833–1904). Это отец похороненной здесь же В. К. КОБЯК (о семье Кобяк смотрите ниже в главе «По Романовскому следу»). Потомки Ильинского намерены поставить ему памятник в том же месте, где он был похоронен.

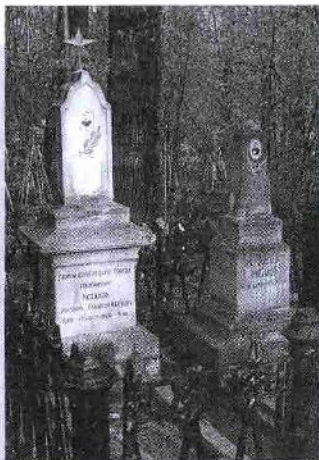

Памятник Скорбящей
(скульпт. Ю. Екубенко).

В двух шагах отсюда мы натываемся на памятник, с которого на нас смотрит молодое безусое лицо участника Курской битвы. Это уже Великая Отечественная – скончался от ран...

Неподалеку похоронен Василий Петрович ШЕ-РЕМЕТЬЕВ (1891–1935). Надпись: «Поручик, командир полка, участник германской и гражданской войн». Оригинальное металлическое надгробие серебристого цвета, наверху окрашено в цвета российского флага (триколор).

ВОИНСКОЕ КЛАДБИЩЕ – появилось как братское: здесь покоятся воины, умершие от ран в пермских госпиталях в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Скромные однотипные надгробия на территории 0,6 гектара взяты на государственный учет в 1984 году. Как нередко бывает в подобных случаях, не обошлось без трагических ошибок: воинское кладбище «накрыло» несколько могил, за которыми еще следили, ухаживали родственники.

Могилы Героя Советского Союза
Зиновия Исхакова и его дочери.

Получается, что их забыли предупредить, организовать перенос праха. Вскоре здесь был открыт памятник Скорбящей матери (скульптор Ю. Екубенко).

Герой Советского Союза Зинатулла (Зиновий) ИСХАКОВ (1908–1958) похоронен в квартале П. Н. Серебrenникова (IX).

Это память, застывшие отзвуки войны прошедшей. На аллее у Всехсвятской церкви есть, однако, памятник времен другой войны, называемой «холодной», когда противостояние двух мировых систем едва не привело к планетарной катастрофе. Небольшой обелиск со звездой. Сергей Иванович САФРОНОВ (1930–1960). «Погиб при выполнении боевой задачи». Многие годы об этом случае молчали, и неудивительно:

Сафронов был сбит нашими же ракетчиками 1 мая 1960 года. В том самом на шумевшем инциденте с американским самолетом-шпионом Пауэрса, который долетел аж до Свердловска. Посмертно наш летчик был награжден орденом Красного Знамени. Не случайно его бывшие товарищи, родные (вдова позже вышла замуж за его сослуживца, бывшего ведущим в том последнем бою) собираются на могилке 9 мая...*

На значительном отдалении от Сафронова похоронены его друзья – военные летчики, погибшие при испытании новой техники. Это Виктор Егорович СКВОРЦОВ (1929 – 24 августа 1961) и Виталий Яковлевич ГЛАЗКОВ (1930–24 августа 1961). Рядом еще два обелиска (летали на боевой машине парой и смерть приняли в один час): Михаил Евдокимович КОЛУКОВ (1922–4 марта 1960), Александр Степанович КОСТЕНКО (1932–4 марта 1960). Неподалеку похоронен и летчик ЖУК (1920–1955) (XIII).

С. И. Сафронов.

* В год 40-летия данного инцидента сын Гарри Пауэрса получил сразу три награды для отца (которого уже давно нет в живых). Выходит, что, хоть и с опозданием, но Америка «заметила своего героя». Нашего земляка помянули в «круглую дату» скромно, в узком кругу близких.

Подполковник Семен Митрофанович БЕСХЛЕБНЫЙ (1915–1954) также не долетал, не дожил свое. Неподалеку похоронен и Владимир Александрович ШАВРИН (1938–1959) – техник-лейтенант авиации (V). Михаил Евграфович ГОРД-ЗИЛЕВСКИЙ тоже был летчиком (судя по фотографии). Подпись: «Погиб в Варшаве» (крест в семейной оградке у изгороди Успенской церкви).

Иов Никитич БОЯРШИНОВ – ветеран войны, трагически погиб в 1949 г. Капитан С. С. ГОЛДОБИН также погиб вскоре после войны, в 1947 г., в возрасте 25 лет. Многие умирали от ран. В «профессорском» квартале (XIII) есть могила офицера Бориса Исаковича МАНЕВИЧА (1914–1954), надгробие типа «подушки», с фотографией и надписью: «Погиб при исполнении служебных обязанностей». И там же, в глубине Нового кладбища, на вас глянет с надгробия молодое лицо матроса Льва КАЛИНИНА, погибшего в «мирные» 50-е годы при выполнении воинского долга.

А вот Иван Васильевич ЧЕЛЫШКИН (1903–1946), участник войны, орденоносец, погиб от руки бандитов, разгулявшихся в Перми.

БЕСЕДЫ В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ КАК В РАЮ...

– Это мой родственник, Иван Васильевич. Газеты о его поступке писали много. Ведь он защищать кинулся от грабителей соседа, богатого мужика (жили мы неподалеку от кладбища). Мне 13 лет было. А участковому нашему на всю жизнь позор вышел тогда: ведь при оружии был, а сдрейфил. Его турнули из милиции после этого... Сам я живу уже в Крыму, приехал могилку попроведать. Тут и бабушка наша, Скоробогатова Александра Ивановна (1880–1949), у нее на Горках было несколько домов, богатенькая была. И дядя мой, Чистяков Н. И., здесь же покоится. Знаменитый врач-окулист Павел Иванович, – это брат его. Вот что такое для меня Егошихинское кладбище. Я и оградки многим делал, когда техником работал. Мы ведь и воинское кладбище здесь устраивали. Помню, как раненых воинов везли на трамваях, специально для этого вырезали в вагонах отверстия. Березки потом посадили на кладбище, чем не изумрудная оправа, да? Как в раю тут солдатики наши лежат...

И. ЧЕЛЫШКИН.

Слева от входа во Всехсвятскую церковь, у тропы, ведущей к оврагу, стоит памятник «незабвенному сослуживцу товарищу и активному члену ВКП(б) ЧЕР-

Ных Семену Алексеевичу (1900–30 марта 1929) – от сотрудников Пермского адм-отдела и Уголовного розыска». Есть эпитафия: «Инспектор уголовного розыска. Убит бандитами при исполнении служебных обязанностей. На могиле павшего товарища заявляем, что нам не страшны выстрелы классовых врагов и бандитов и что при каждом выпаде их мы не дадим им пощады и еще энергичнее будем защищать спокойствие и права трудящихся». На другой стороне памятника: «Славный муж и дорогой отец! Твоя трагическая смерть послужит нам примером честной работы за дело пролетариата. Мы помним о тебе, ты всегда в наших сердцах». На обелиске была фотография милиционера – разбита...

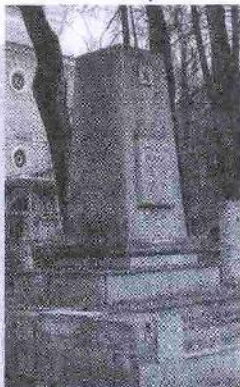
Мария Степановна НАКОРЯКОВА (1902–1937) имела очень мирную профессию лаборанта, но погибла тоже при исполнении. Случилось это в Усть-Качке, где строился будущий курорт: молодая лаборантка спустилась в шахту брать пробы и задохнулась ядовитыми газами (III).

При исполнении своего долга умирали не только военные люди и не только от оружия. Немало примеров самопожертвования дали нам пермские врачи, учителя, священники. Не выходят на «заслуженный отдых» такие люди, как протоиерей Иоанн БУДРИН, прослуживший при Новокладбищенской церкви более 40 лет, до самой своей кончины. Как Петр Михайлович ГОРЮНОВ (1899–1942) – этот уже из поколения

безбожников, депутат Верховного Совета СССР, бывший первым председателем исполкома Пермского областного Совета депутатов трудящихся (после выделения Пермской области из состава Свердловской)...

Не знаю, совпадение ли, но памятник матери-героине Александре Ивановне ЖДАНОВОЙ (1877–1956) представляет собой точно такой же обелиск, какой ставили летчикам, погибшим при выполнении боевого задания. Последняя честь отдана матери вполне заслуженно (XII).

На кладбище есть могилы и других людей различных профессий, возрастов, национальностей, отдавших свои жизни на службе Отечеству. Их объединяло высокое чувство ответственности, способности к самопожертвованию. На карте некрополя эти могилы можно отметить знаками горящих сердец.

Сгорел на работе
(П. М. Горюнов,
депутат ВС СССР).

ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА, ОБРАЗОВАНИЯ

а территории Пермского некрополя сохранилось немало мемориальных памятников эпохи. Здесь есть надгробия на могилах тех, кто определял лицо культурной Перми XIX–XX веков. В их судьбах, в художественных образах надгробных памятников перед нами словно проходит сама судьба интеллигенции провинциального города на краешке Европы.

Судьба и «внешность» местных кладбищ способны отражать процесс формирования чувства «пермскости» на разных исторических этапах. В этом убеждают нас и землячества, создаваемые в разных городах и весях. И даже Иосиф Бродский: совсем не случайно в представлении поэта – Нобелевского лауреата – Сергей Дягилев является «гражданином Перми». Гражданин мира – и гражданин Перми...

Но это – если писать крупными мазками. А нас интересует и жизненный уклад, привычки, быт пермяков. Ведь зачастую одно небольшое надгробие маленького «человека в футляре» способно перевернуть наше представление о родном городе. В нем, как в капле воды, отражается история и малой родины, и всей России.

Есть смысл начать с памятников тем, чья жизнь как-то пересекалась с судьбой и делом организатора знаменитых «Русских сезонов», человека, которым по праву гордится Пермь. Это родственники и знакомые семьи Дягилевых, это люди, которые участвовали в музыкальном кружке, в театральных представлениях в «Пермских Афинах» (как называли иногда их гостеприимный дом), это художники, артисты, педагоги и, конечно, это литераторы, критики, в поле зрения которых попадали дягилевские деяния.

Начнем с фамилии, которая также вписана в историю художественного развития России, – СВЕДОМСКИЕ. Судьба так распорядилась, что братья Павел

и Александр Сведомские, как и Сергей Дягилев, нашли свое последнее пристанище под небом солнечной гостеприимной Италии, а их общие предки – здесь, на Егошихинском кладбище. Так уж случилось, что в один год, 1847-й, ушли из жизни Михаил Гаврилович Сведомский, двоюродный дед будущих художников, братьев Павла и Александра (от которого им и перешел Михайловский винокуренный завод на территории нынешнего Чайковского района), и жена его брата Павла Татьяна Дмитриевна СВЕДОМСКАЯ (урожденная ДЯГИЛЕВА).

М. Г. Сведомский – личность замечательная. «Человек любознательный, прекрасно образованный и предприимчивый», – так пишет о нем историк прошлого века. (Не кажется ли вам, что все характеристики этого гражданина Перми с полным основанием могут быть отнесены и к организатору «Русских сезонов»?) Сын священника Петропавловского собора, автора первой летописи Перми Гавриила Сапожникова (отец переписал своих детей в Сведомские), Михаил Гаврилович деятельно участвовал во многих комиссиях и комитетах, состоял членом Русского Императорского Географического общества. Как сообщается в энциклопедии Брокгауза и Ефрона, он первым

М. Г. Сведомский (рис. В. Дылдина).

стал устраивать городские училища, основал Ланкастерскую школу, первым ввел паровую выделку поташа, усовершенствовал винокурение, улучшил коннозаводство, организовал первую выставку фабричных и сельскохозяйственных продуктов. О нем осталась слава как о крупном меценате и большом оригинале.

Если перейти через лог, на Новом кладбище, возле Всехсвятской церкви, найдем надгробия мещан СВЕДОМСКИХ, Василия Егоровича и Егора Филипповича. О последнем известно, что он скончался в 1908 году 80 лет от роду. Эти

Сведомские жили по соседству с Дягиловыми, сохранились сведения, что отношения меж ними существовали дружеские. Был эпизод, когда Дягилевы поддерживали соседа материально. А позже, когда уже Дягилевы переживали трудные времена (семья перебиралась из Перми в Санкт-Петербург), они останавливались на короткое время в доме Сведомских, о чем есть упоминание в «Семейной записи о Дягиловых», оставленной потомкам Еленой Валерьяновной Дягилевой (Панаевой).

Семейное захоронение пермского рода ПАНАЕВЫХ находится также на Новом кладбище. Несколько могил в ажурной усыпальнице, сплетенной из металлической проволоки. А у алтарной стены Всехсвятского храма есть чудное надгробие протоиерея и историка Пермской епархии Евгения Алексеевича ПОПОВА. Это тот самый Попов, который был очень близок с П. Д. Дягилевым, дедом будущего антрепренера, и защищал Павла Дмитриевича (тот много помогал не только театру, но и церкви) от нападок самого Николая Лескова. Защищал словом и делом, о чем и пишет (правда, с нескрываемой иронией) Лесков в своих «Мелочах архиерейской жизни».

АРТИСТЫ

Так случилось, что в Перми завершилась блестящая карьера и жизнь четырех артистов балета знаменитой Мариинки (Кировского театра), оказавшихся на берегах Камы в эвакуации. На Новом кладбище были похоронены вскоре после приезда в Пермь участница дягилевских «Русских сезонов» Евгения Васильевна ПОПУХОВА (1884–21.08.1943); заслуженный артист, балетмейстер, педагог Леонид Сергеевич ЛЕОНТЬЕВ (1885–1942); Ольга Петровна МУНГАЛОВА (1905–1942); заведующий балетной труппой ИВАНОВ. Надгробия этих артистов, к сожалению, утрачены...

Примерно в том же месте (точнее – в той стороне, возле Всехсвятского храма) появилось много позже захоронение юного монгольского танцовщика БАТБИЛЕКА. Он учился в Пермском хореографическом училище, однажды пошел с ребятами купаться и утонул... Как тут, у скромной деревянной оградки, выкрашенной в голубой цвет, снова не вспомнить о Дягилеве, о его странной водобоязни. Какие превратности судьбы: юный Батбилек, как и Сергей Павлович, нашел свое последнее пристанище за тысячи километров от родного очага.

Возле Всехсвятского храма были похоронены также певец, замечательный бас А. А. ШИДЛОВСКИЙ, певший вместе с Собиновым; еще один бас (церковь любила басы, на них всегда был спрос!) М. Г. ШУЙСКИЙ – кстати, это учитель Козловского. Иван Семенович тоже не боялся петь в церкви, но в среде пермской интеллигенции уважение к божественному тенору выросло не вследствие официальных почестей, а после такого человеческого поступка Козловского: он не забывал своего учителя, вот и похоронили Шуйского на деньги знаменитого его ученика...

С историей Пермского оперного неразрывно связано и семейство ПРОЗОРОВСКИХ-ДЕМЕРТ (деревянный крест, один на всех, напротив могилы врача Е. П. Серебренниковой): Максимилиан Демерт, Аполлон, Варвара, Танечка Прозоровские... Эта семья состояла в родстве с другой известной пермской фамилией – ГОЛЫНЕЦ. Бывший начальник Пермского отделения министерства земледелия и государственных имуществ, действительный статский советник Иустин Яковлевич Голынец скончался 5 сентября 1908 г. А в 1909 г. в Перми открылась частная гимназия его дочери, Александры Иустиновны Дрекслер-Голынец, заведение для девочек из малообеспеченных семей носило имя И. С. Тургенева.

В оградке Всехсвятского храма есть семейный участок «пермских итальянцев» ТЕРРАЧИАНО, чья судьба также тесно связана с нашей музыкальной историей. Но сейчас мы обнаружим здесь лишь один деревянный крест на могилке Анны Николаевны Террачиано (1874–1946), певицы, педагога. Где-то поблизости находилась могилка (ныне утраченная) еще одной оперной певицы и педагога, Марии Львовны ЛЕВИТОН (ВАСИЛЕНКО, 1856–1949), ученицы Полины Виардо. Учеба у знаменитости пошла молодой оперной диве впрок, кроме одного: Мария Львовна так и не смогла перенять «системы» оплаты уроков. Оказывается, Виардо не начинала урока, пока ей не положат золотой.

Самым ярким проявлением пермского беспамятства стал, наверное, случай с Городцовым, еще одним великим гражданином Перми. Знаменитый организатор народных хоров, дирижер, певец (у него был великолепный бас), педагог и борец за народную трезвость, Александр Дмитриевич ГОРОДЦОВ умер как раз в первую годовщину Октябрьской революции, когда в Перми в театральном сквере хоронили «героев борьбы за

А. Д. Городцов.

народное счастье». Правление Дома народного просвещения постановило «поставить его бюст в будущей народной консерватории». Но оказалось – не до Городцова. Бюст не поставили, и очень быстро могила того, кем может всегда гордиться Пермская земля, оказалась утеряна. По свидетельству старожила Перми А. Г. Затопляева, похоронен Городцов был слева от П. Н. Серебренникова. Там теперь оградки других захоронений.

В этом смысле церковь расстаралась больше для простого своего поющего прихожанина: вот большая плита серого цвета, на которой лаконичная надпись: «Чтец и певец сей церкви Иван Ивано-

вич ОСЕТРОВ». Где-то рядом затерялась могилка популярного артиста и режиссера Дмитрия Михайловича ОЗЕРОВА (ск. 20 ноября 1888 г.) (VII).

Неподалеку – памятник режиссеру Пермского драматического театра Николаю Николаевичу РОСЛАВЛЕВУ (1907–1952). До сих пор поклонники посещают могилу актрисы этого же театра Маргариты Федоровны СВИТАЛЬСКОЙ (1919–1961), заслуженной артистки РСФСР (XII).

ХУДОЖНИКИ, АРХИТЕКТОРЫ

БАБИНЫ – династия пермских иконописцев, чьи работы хранятся в Пермской галерее. Известен факт, что один из них, И. В. Бабин, приходился дедом (по материнской линии) будущим живописцам братьям Верещагиным и был их первым наставником. Сохранилось каменное надгробие (XI).

Надгробие Петра Прокопьевича ВЕРЕЩАГИНА, пермского живописца, отца известных русских художников (скончался в январе 1843 г.), расположено в том же ряду, что и саркофаг участника Отечественной войны майора Теплова. В том же ряду – и по значимости, и по местоположению...

Еще один питомец Российской Академии художеств – Алексей Несторович ЗЕЛЕНИН (1870–1944). Недавно ему поставлены новый памятник и оградка (стараниями родственников и краеведа В. В. Семяникова). Зеленин получил образование при попечительстве паромщиков Каменских. Он много работал для пермских храмов, Белогорского монастыря (иконы, росписи); Всехсвятской (Новокладбищенской) церкви художник передал «Богоматерь с младенцем», которую он писал для своей мастерской (VI).

На краю оврага, в окружении католических и православных захоронений, расположены могилы представителей другой художнической фамилии – КАШИНЫХ.

Церковный живописец Василий Петрович Кашин и неподалеку его жена Августа Алексеевна. На том же кладбище были преданы земле тела Петра Васильевича, зачинателя династии (ск. 19 июня 1906 г.), и брата его Кесаря.

ЛЕНЬКОВ Сергей Николаевич (ск. в 1919 г.) – художник, преподавал в Пермском техническом железнодорожном училище (ПТЖУ, позднее техникуме). Здание техникума еще до войны украшали его картины.

МАМАЕВЫ, семейный участок художников. По данным краеведа В. В. Семяникова, их было не меньше десяти. Работы А. Н. Мамаева хранятся в собрании Пермской галереи. На обороте

Надгробие живописца П. П. Верещагина
(рис. В. Новикова).

А. Н. Зеленин.

одной из икон, «Митрополит Дмитрий Ростовский», есть надпись: «В дар Константиновской церковно-приходской школе при Градо-Пермской св. Троицкой церкви от бывшего члена попечительства Андрея Николаевича Мамаева» (в галерею поступило при закрытии этой церкви в 1933 году). Умер А. Н. Мамаев в 1911 году. В том же году скончался в Перми и его сын, Владимир, выпускник Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Он был уже больше жанристом (учился в мастерской В. Е. Маковского), в галерее есть его картина «Тяжелые думы» (III).

Могила художника, учителя пермских гимназий, организатора первой в Перми частной школы рисования, выпускника Академии художеств Африкана Исидоровича (Сидоровича) ШАНИНА (умер 3 апреля 1911 г.), не сохранилась. Но сохранились скромные надгробия родителей художника Исидора Ефимовича («потомственный почетный гражданин помер в сентябре 1879 г. 68 лет») и супруги его Марии. Две каменные «гологфы» стоят у самой асфальтовой дорожки, ведущей к Успенской церкви.

Художник А. И. Шанин
(с портрета В. П. Верещагина).

Вполне вероятно, что надгробие сына ушло под асфальт дорожки. Учениками Шанина были и А. Н. Зеленин, и другой местный живописец – Иван Иванович ТУРАНСКИЙ. Сам он покойся на Южном кладбище, а на Егошихинском, недалеко от Мамаевых, – участок его родных Туранских-Московских. И среди них были художники (III).

СУББОТИН-ПЕРМЯК Петр Иванович (1886–1922) был, как и Шанин, художником и педагогом. Талантливый сын коми-пермяцкого народа, окончив в Москве Строгановское училище, организовал в первые годы Советской власти художественно-производственные мастерские (в Перми, Кудымкаре и Кунгуре) и театральные студии, был первым директором Пермского художественного техникума. В начале 90-х прах П. И. был перенесен из глубины Нового кладбища

на центральную аллею, ведущую к Всехсвятскому храму. Один из тех, кто учился в Пермском художественном техникуме, – Валерий БАШКИРЦЕВ. Умер в 50-е годы от туберкулеза (семейный участок недалеко от Сведомских – Х). В том же квартале – могилка художницы и сотрудницы Пермской художественной галереи Ольги Александровны ГЛАДКИХ (1906–1956).

ВЕСЕДЫ В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ ВУРДАЛАКАМИ НАС НЕ СТРАЩАЛИ

– Сейчас реже хожу уж на кладбище. Раньше не так страшно было как-то. Понимаете, мы не в мистике воспитывались, умерших не боялись, относились к ушедшим с уважением, как к людям, и никто не пугал нас вурдалаками и т. п. Мы и в церковь заходили даже, свечку перед экзаменом ставили, хотя я училась в строгой школе, 17-й... Мама перед смертью наказала: не надо никаких надгробий и склепов, давить будет, на свободе хочу покоем. Поэтому у нас здесь никакой оградки, ничего... Возле самой церкви подружку навещаю еще, Ниночку Тетерину, она умерла студенткой в 49-м. А вообще на этом кладбище, у Всехсвятской церкви, у нас уже несколько поколений лежит: и дед, и мама, и сестра ее. Дед – из священников, бабка – из дворян Борневолоковых (один из них был вице-губернатором, директором экономики). Мама работала врачом областной больницы, а тетя, Ольга Александровна Гладких, была художницей, работала после войны в Пермской галерее, муж ее, Борис, тоже художником был, в газете «Звезда» сотрудничал. Вот здесь все и сошлось... Только отец, Александр Петрович Жихарев, не здесь похоронен, он в госбезопасности работал, до генерала дослужился. Отправили его на Турксиб, и во время землетрясения в Ашхабаде погиб, 8 октября 1948 года. Такая гибель вот, а ведь всю войну прошел, Кенигсберг брал, и в гражданскую воевал, о нем упоминается в «Мятеже» Фурманова. Работал отец еще на Краснокамском Бумстрое, там его в 34-м арестовали, но не посадили, не расстреляли, а отправили на «горящий» объект, в Нижнем Тагиле «Вагонку» строил.

Ирма Александровна ГРАЧЕВА, преподаватель.

В. В. Попатенко.

Р. И. Карвовский.

А. Б. Турчевич-Глумов

Зодчие Перми представлены на некрополе следующими именами. Александр Семенович ЧИРКОВСКИЙ (1864–1901) – архитектор губернского земства. Массивный обелиск стоит в оградке перед Всехсвятской церковью, есть надпись: «Незабвенному мужу и детям» (трем младенцам). Неподалеку могилка архитектора Владимира Михайловича ВЕСЕЛУХИНА (1894–1951).

Семейный участок ПОПАТЕНКО. Василий Васильевич П. (1841–1920) – губернский архитектор, необыкновенно плодовитый и надежный зодчий Перми, автор проекта и строитель оперного театра, пожарного депо (совместно с Р. И. Карвовским). В оградке сохранился только деревянный крест, из надписи на котором мы узнаем, что покоится здесь дочь архитектора Эмилия, преподаватель Мариинской женской гимназии, в последние годы жизни принявшая постриг (III).

Автору неизвестно пока, к сожалению, где похоронен такой видный архитектор, как А. И. ОЖЕГОВ, скончавшийся в 1904 г. после недолгой болезни, как было написано в некрологе, в результате заражения крови. Зодчий совсем немного не дожил до завершения строительства по его проекту Успенской Старокладбищенской церкви. Могила двух других крупных пермских зодчих, похороненных на НК, пермских поляков А. Б. ТУРЧЕВИЧА-ГЛУМОВА (ск. в 1909 г. в возрасте 54 лет) и Р. И. КАРВОВСКОГО (1830–1896) пока не

обнаружены. Есть предположение, что А. Б. Турчевич-Глумов похоронен возле семейного захоронения ГЛУМОВЫХ (IX).

Лидия Анатольевна КАТЕРИНИЧ (1916–1956) также была архитектором и женой, отчасти соавтором главного архитектора города Н. И. Бойченко (XII).

На надгробии А. Ф. ФЕДОРОВА (ск. в 1890 г. на 50-м году) надпись: «московский фотограф» (IX). Почему здесь? Суть в том, что этот московский мастер был истинный художник в своем ремесле, знал толк и в рекламе. Он поставил в Перми дело так, что даже после его смерти «Художественная фотография А. А. Москвина» указывала на своем фирменном штампе: «Проспект бывший дом Федорова». Учились этому искусству «подать себя» и фотографы ЯКУНИНЫ, также похороненные неподалеку. А вот «художественности» было уже меньше.

ПИСАТЕЛИ, ЖУРНАЛИСТЫ

Не удалось пока краеведам нанести на карту некрополя могилу Сергея Андреевича ИЛЬИНА (1868–1914), старшего брата другого известного гражданина Перми – писателя Михаила Осоргина. С. А. Ильин был разносторонне одаренным человеком: поэт, сотрудник «Пермских губернских ведомостей», много лет был старостой музыкального кружка, тем самым возрождая и продолжая традицию Дятлиевского семейства. Сохранились могилы других ИЛЬИНЫХ, педагогов, домовладельцев (у которых жил поэт), среди которых есть и его родственники. Сергей Андреевич был похоронен где-то рядом. Воспользовался «удобством», о котором за два года до смерти сам напрогнозировал в фельетоне «Преимущества Разгуляя»:

С. А. Ильин, разносторонне одаренная личность, был еще и актером (на фото он в одной из ролей в любительском спектакле) *.

...Еще удобство: если ты,
 На мир озлобившись глубоко,
 Задумаешь уйти далёко
 От нас, от нашей суеты
 Туда, где видит твоё око
 Плиты, могилы и кресты,
 Пути не бойся длинноты —
 Здесь кладбище неподваску!

Своему товарищу по музыкальному кружку Людвигу ВИНЯРСКОМУ (упокойшемуся по соседству) Ильин посвятил композицию на музыку Грига «К морю». Оба замечательных пермяка прожили так мало...

А. Д'Актиль (шарж художника Б. Антоновского из книги «Сатирикон и сатириконцы»).

На центральной аллее у Всехсвятского храма посетителя ждет сюрприз: в первом ряду здесь покоится прах... Онегина. Именно таким псевдонимом (кроме прочих) подписывал свои стихи Анатолий Френкель, известный советскому читателю под псевдонимом Д'АКТИЛЬ (1890–1942) *. Автор популярнейшего «Марша энтузиастов», «Марша Буденного», а также «Парохода» и многих других песен из репертуара Л. Утесова, ставших советской классикой. Эвакуированный в Пермь из сжатого блокадой Ленинграда, А. Ф. продолжал работать не только для театра, но и для мастерской агитплаката, сотрудничал с газетой «Звезда». Думается, глубоко символично, что надгробие поэту, бывшему сатириконцу, пермяки установили, как в старые годы, в виде «аналоя», только без эпитафии.

Ведь, согласитесь, странно выглядит такой же «аналой»... с пятиконечной звездой (на могиле И. П. ТИШКОВА). Но все же эпитафия Д'Актилем была сочинена в 1917 году. Вот такая:

* В книге «Сатирикон и сатириконцы» допущена неточность: поэт умер в 1942-м, а не в 1932 году.

Господы! Во все часы и дни
Не наказуй и не кляни
И не взирай на нас сурово:
От рабства слова нас храни.
А паки — от свободы слова!

Неподалеку, уже в последние годы жизни самого кладбища, появились надгробия двух поэтов, Эдуарда СМЕРНОВА и Евгения МОЖАЕВА. Последний был участником войны, учился на филфаке Пермского университета (покончил жизнь самоубийством в 60-е годы).

Неподалеку на том же Новом кладбище похоронены две известные уральские писательницы. Памятник на могиле детской поэтессы Евгении Федоровны ТРУТНЕВОЙ (1884–1956) и ее мужа Николая Николаевича — во втором ряду центральной аллеи.

Точное место захоронения Анны Александровны КИРПИЩИКОВОЙ (1838–1927), сотрудницы журналов «Современник», «Отечественные записки», автора повестей о жизни рабочего Урала, неизвестно, но, возможно, оно было возле могил Кирпищиковых (XI).

Почти одновременно с надгробием Е. Трутневой появилась по соседству и могилка писательницы Надежды Николаевны АРБЕНЕВОЙ (1890–1954), переводчицы Вальтера Скотта, Анатоля Франса, Теодора Драйзера. Н. Н. была эвакуирована в Пермь из Ленинграда в 1942 году, как и труппа знаменитой Мариинки. Но, в отличие от артистов, она так и осталась после войны здесь, работала в книжном издательстве.

Немало на Егошихинском кладбище хоронили и журналистов. Назовем здесь А. В. СЕМЧЕНКО, М. П. ТУРКИНА, Ф. Н. ЛУКОЯНОВА — они же все были, кроме того что революционерами, и партийными публицистами, очень даже небездарными. А вот Сергей Георгиевич РОТЕРС скончался в 1950 году, не дожив до 30, в самом расцвете журналистской карьеры (XIII).

КРУГ ПЕРМСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Обидно, что мы забыли, как уважали в дореволюционной Перми педагогов. На Егошихинском кладбище нашли упокоение многие из преподавателей гимназии, учивших и будущего организатора «Русских сезонов» С. П. Дягилева. Это

учитель истории, известный краевед А. А. ДМИТРИЕВ, уже упоминавшийся выше художник А. С. ШАНИН, преподаватель немецкого языка и пения Э. Э. ДЕННЕ-МАРК (он был еще и старшиной музыкального кружка, в числе главных фигур «Пермских Афин»), учитель чистописания и непризнанный поэт М. А. АФАНАСЬЕВ (подробнее об этом педагоге см. в главе «Легенды, предания... и просто мистика»).

У Всехсвятской церкви стоит мраморный памятник с лампадницей однофамильцу поэта-учителя Ивану Николаевичу АФАНАСЬЕВУ (ск. в 1901 г. 63 лет). На надгробии эпитафии нет, лишь многоговорящая надпись: «Оставил городу приют-ясли»...

Надгробие-«подушка», на котором написано: «От Богородицкой церкви» – Николаю БОЯРШИНОВУ (рядом такой же памятник его жене Антонине). Под камнем сим покоится известный педагог, автор учебника географии Пермской губернии (1913 г.) (II).

СOLIDное каменное надгробие на могиле другого педагога – Надежды Михайловны ЕГОРОВОЙ (1851–1907), классной надзирательницы Мариинской женской гимназии, в которой она работала почти двадцать лет, с 1875 года. Надпись такая: «Дорогой милой дочери, сестре, тете, честному человеку, другу и наставнице от чтущих память».

«Честному человеку» – это, согласитесь, очень немало при подведении жизненного итога (XI). Рядом – могилка педагога других времен, заслуженной учительницы РСФСР Е. В. ПЕРОВОЙ (1900–1956). О семье БОГОСЛОВСКИХ можно сказать, что профессия педагога для них – династическая (III). Подойдем и к надгробию учительницы Кирилло-Мефодиевского училища Анны Гавриловны КАЗАКОВОЙ (1871–1910). Оказывается, она была почетной гражданкой Перми (VIII).

ВАРФОЛОМЕЕВА Олимпиада Максимовна (1865–1960) в начале своей долгой деятельности была сотрудницей П. Н. Серебренникова. Первые ясли она

Барельеф с памятника педагогу
О. М. Варфоломеевой,
пермской долгожительнице.

организовала еще в селе Коса. По ее инициативе было создано в Перми общество «Светлая юность», а с декабря 1912 года начал действовать первый на Урале детский сад. Надгробие долгожительницы – у южной стены Всехсвятской церкви, там, где могилы и членов семьи педагогов ГРАЦИНСКИХ.

На обелиске видному педагогу Василию Михеевичу ШУЛЕПОВУ (1874–1922) – чистому идеалисту, организатору детского коммунистического клуба «Муравейник» – заслуженно появились слова «народный учитель» (VII).

...Семейный участок ДМИТРИЕВСКИХ, ближайших родственников директора Пермского реального училища, ставшего под конец жизни инспектором в Москве, находится у южной стены храма Всех Святых. В 1978 году в Пермь на адрес семьи Кобяк пришло приглашение от москвича Сергея Дмитриевского приехать на его 80-летний юбилей. На открытке – фотография здания Пермского реального училища, в котором, оказывается, родился юбиляр... Судьба другого потомка этого рода сложилась трагично: как и многие из его родных, инженер Дмитриевский подвергся репрессиям, сидел в лагерях и был освобожден только после 1953 года (он похоронен на участке у храма). А через дорожку – могилы членов семейства Кобяк.

Это и называется хитросплетениями судьбы. Из степенных продолжений рода, из прихотливых, подчас фантастически невероятных встреч и невстреч оказалась соткана жизнь и судьба старинного некрополя.

ВСЯ ТАБЕЛЬ О РАНГАХ И ВСЕ ГИЛЬДИИ

мерть не разбирает ни сословий, ни званий. В народе на сей счет говорили: «Царь и народ – все в землю пойдет». Или: «И пономарь, и владыка в земле равны». Другая грань той же мысли: «Знать, и на том свете мы будем на бар служить: они – в котле кипеть, а мы – дрова подкладывать».

Сохранились надгробия и крестьян (есть массивные каменные плиты с обязательным указанием, какой губернии и деревни уроженец), и купцов (их сразу можно отличить по внушительным размерам), и мещан, и дворян – короче, налицо все четыре сословия царской России... Заметим, что слово «мещане» здесь применяется без всякого обличительного и ругательного оттенка, в старой России это податное сословие, состоявшее из мелких торговцев, домовладельцев, ремесленников.

Например, на могиле КАМЕНСКИХ Александра Андреевича стоит каменная «часовня», это «крестьянину Соликамского уезда с. Орла» (ск. в 1905 г. 50 лет – VII). Неподалеку лежит дворянка (именно такая надпись и высечена) Надежда Миновна ЯЧМЕНЕВА (ск. в 1894 г.). Рядом – памятники (поваленные) статского советника ВИЗГИНА и его супруги. Жили в одно время, при жизни, быть может, и не знали друг друга, а «последнее убежище» сделало их соседями. «Своих» дворян в губернии было немного. Подтверждение этому находим в эпитафии СТИШЕВСКОГО Александра Васильевича (ск. в 1811 г. 35 лет) – «из черниговских дворян Пермского правления губернского секретаря» (жил в Перми 18 с половиной лет).

На Егошихинском кладбище представлена практически вся Петровская табель о рангах. Найдем даже «отзвук» допетровской Руси. У стен Всехсвятского храма на обелиске читаем: «Здесь покоится прах боярина Павла Ивановича СОЛОДОВНИКОВА» (ск. в 1871 г.).

В этом здании находился дворянский клуб («Благородное собрание»).

Генерал-лейтенанты **БАРАНОВ** и **БУРМАЙСТЕР** (первый – в оградке Всехсвятского храма, второй – ЛК). По табели о рангах * генеральский чин требовал обращения «Ваше превосходительство», соответствовал гражданскому тайному советнику и действительному статскому советнику. Врач и краевед **В. Н. Шишонко** дослужился до д. с. с. – редкий случай.

КЕРМИК Александр Федорович – первый управляющий Пермского отделения Госбанка, открытого в 1870 г., статский советник, «Ваше высокородие» (каменный крест в оградке Всехсвятского храма). Рядом похоронены представители звучной для России фамилии – княгиня **МАКСУТОВА** Анна Ильинична, статская советница (1796–1847), и княжна Анна, умершая во младенчестве в 1831 году. Это жена и дочь князя **П. И. Максудова**, управлявшего Пермской удельной конторой со времени ее учреждения в 1830 году. (Сын его Дмитрий – контр-адмирал и последний главный правитель Русских колоний в Америке.)

Чиновник особых поручений губернатора **ХОТОВ** Лев Афанасьевич умер в 1889 году, т. е. при губернаторе Лукошкове, в чине надворного советника (VIII).

МЕДЕМ, бароны (у изгороди Всехсвятской церкви). Члены семьи **А. А. Медема**, занимавшего с 1873 по 1895 год должность товарища (заместителя) председателя Пермского окружного суда и председателя (с 1895 г.) Екатеринбургского суда.

МОСТОВЕНКО, семейный участок. Два каменных надгробия, из надписи на одном из них узнаем, что **Иван Иванович**, глава семьи, был титулярным советником – и все. Но случай помог: к нам обратились за помощью родственники этого человека, пожелавшие реставрировать надгробие (XI).

* Полную табель о рангах см. в конце книги в приложениях.

Вспоминается классика, некрасовское: «Он был титулярный советник, она – генеральская дочь...» Третий класс – и девятый, шесть ступенек, пропасть! Но и титулярный советник – не самая малая величина! Хотя, конечно: с одной стороны – «Ваше превосходительство», а с другой – «Ваше благородие»...

Титулярных советников много, камергерская дочь – всего одна, графиня Гендрикова, занесенная на берега пермского Стикса недоброй судьбой в 1918-м... (О ней подробнее см. в главе «По Романовскому следу».)

ОБОЛЕНСКИЕ Александр (1863–1950) и Александра (два ажурных железных креста возле Успенской церкви). Сразу вспоминается повесть «Третья правда» Леонида Бородина: «Барская у нее была фамилия, дворянская... На всю Россию их фамилии и дюжины не будет. Оболенская называлась... из бывших».

БЕСЕДЫ В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ «ИЗМЕНА» ФАМИЛИИ

– Неизвестно, из каких происходят пермские Оболенские, но можно предположить, что, скорее всего, они тоже оказались на Урале не по своей воле. Жаль, я про свои корни очень мало знаю, – сказала Н. В. Смирнова (Оболенская), дочь известного художника. – Знаю, что бабушка была в девичестве Сабашниковой, училась в Петербурге, всю жизнь работала учительницей в Вильве, на родине нашей. Документов о происхождении отца нет, может быть, он не Оболенский был, а Оболенских, такой вариант возможен. Когда я выходила замуж, менять фамилию, конечно, мне не хотелось. Но мужу ведь приятно, что его фамилию берет жена, нельзя иначе. Хотя позднее (мы прожили с ним 50 лет) и он жалел, что я перестала быть Оболенской.

КУПЦЫ ВСЕХ ГИЛЬДИЙ

Все больше внимания привлекают сегодня могилы пермских предпринимателей, купцов, а также членов их семей. Большинство надгробий довольно хорошо сохранились, прежде всего потому, что изготовлены они были из добротного материала (мрамора, гранита, чугуна) и часто больших размеров. О некоторых представителях купецкого рода в последние годы появились публикации. И мы узнали о них не только как о «чумазах» (словечко

Салтыкова-Щедрина), «денежных мешках» и «мироедах»-эксплуататорах...

В начале XIX века купцов в Перми было всего полторы сотни человек (согласно свидетельству первого историка Пермского края Н. С. Попова), примерно на том же уровне остается количество гильдейского купечества в середине века. В «Памятной книжке Пермской губернии...» на 1863 год Самуил (Самюэль) Пенн приводит такие цифры: «В губернской столице проживало 146 купцов мужеского пола (да еще 122 – женского, члены семей), в отдельном разряде учитывались 25 почетных (потомственных) граждан и 8 личных почетных граждан» *. А в конце века – уже на тысячу с лишним больше, чем в царствование Александра I.

Славный город Пермь построен, в основном, усилиями и на средства местных купцов и предпринимателей, которые много занимались и благотворительностью. Вот почему городскими головами избирались видные купцы, и старостами всех пермских храмов по традиции также избирали их. (Кстати, традиция эта подхвачена и в наши дни.) Поэтому и начнем мы восстанавливать наш «охраненный список» пермского купечества с городских голов.

ПОПОВ Михаил Абрамович (род. в 1753, женился в 1770, ск. 8 сентября 1811 г.) – пермский 2-й гильдии купец, переписался из кунгурского купечества при открытии г. Перми и был первым пермским городским головой с 18 октября 1781 г. по 18 октября 1784 г. и вторично с 1793 по 1796 год. (Надгробие на СК пока не обнаружено.) Его младший брат Петр Абрамович (1755–1807), купец 1-й гильдии, также был городским головой Перми два срока (второй срок до конца не доработал, умер в 1807 г. при исполнении).

ЛАПИН Василий Герасимович (ум. 20 апреля 1793 г. 62 лет 3 мес. и 20 дн.) – купец 2-й гильдии, городской голова Перми в 1784–1790 гг., при особом содействии которого (и на пожертвования) была выстроена вторая в Перми церковь, Рождества Богородицы ** (III).

СМЫШЛЯЕВ Дмитрий Емельянович (1790–1857) – выходец из Соликамска, купец 1-й гильдии, в 1823–1826 гг. – городской голова Перми (за заслуги в устройстве Новокладбищенской Всехсвятской церкви похоронен в особом склепе под алтарем храма).

* Для сравнения: в уездном городе Кунгуре купцов на тот же период было больше в два раза, в Екатеринбурге – больше на сто человек, чем в губернском центре.

** Долгое время считалось, что могила его утрачена, но с помощью студентов-историков Пермского педагогического университета чугунную плиту Лапина удалось отыскать. Таким образом, на сегодня это самый старинный памятник некрополя (из сохранившихся) – и обнадеживающий результат для будущих исследователей.

СИГОВЫ, семейный участок. Петр Ерофеевич С. (ск. в мае 1899 г.) купец 2-й гильдии (грузоперевозки), выходец из дворовых людей графа Всеволожского, избирался городским головой Перми в 1885–1890 годах. Потомки его, живущие в Петербурге и во Франции, не забывают город предков. Их усилиями в середине 90-х приведены в порядок родные могилки, поставлены новые памятники и чугунная оградка (I).

Словно и об этом семействе, развеванном по миру, написал А. С. Пушкин:

*И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлеть,
По ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать...*

На территории Егошихинского некрополя был похоронен и ряд других купцов, бывших городских голов, почетных граждан Перми. К сожалению, не все могилы удалось найти. Работа продолжается.

А теперь о других представителях могучего третьего сословия.

АБРАМОВЫ, семейный участок пермских купцов (X).

АБРАМОВИЧ, семейный участок купца 1-й гильдии, владельца фабрики плакатов (ИК).

АГЕЕВЫ, семейный участок пермских купцов (XII).

АЛИНЫ, семейный участок известных купцов, выходцев из Чердыни. Глава семейства, «меховой король», купец 2-й гильдии Александр Семенович А. умер в 1915 году, оставив на попечении жены Таисии Александровны магазин (ул. Сибирская, 19). Надгробие было уничтожено в советские годы, потомки восстановили семейную оградку (для пяти человек), найдя прежнее место по небольшому памятнику младенцу: Ане Алиной (VII).

БЕСЕДЫ В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ ТРАГИЧЕСКИЙ РАЗЛОМ В СЕМЬЕ

– То, что у меня дед был купцом 1-й гильдии, я всегда знала и, наверное, лет тридцать с лишним очень переживала из-за этого. В комсомол не вступала, потому что мне было страшно: нужно же в анкете

писать о происхождении, а соврать нельзя! А позднее в университете чистки устраивали, опять повод для страхов... Никаких способностей к предпринимательству по наследству мне не передалось. В войну как-то послали меня продавать картошку, так грех один... Вот тебе и «купеческий выродок» (этак меня называла в сердцах любимая родственница). Так что фотоальбомы мы гостям не сovali, как другие. Через нашу семью вообще прошел трагический разлом (как в модной одно время пьесе). Один дед – «меховой король» (хотя я мехов за свою жизнь не видела и не разбираюсь в них), да тут еще знакомство Алиных с царской персоной (кстати, имейте в виду, что в книжке «Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы» у бабушки моей перепутано отчество: ее звали Таисья Александровна). А другой дед, Красовский, – тот, наоборот, революционер, затем стал Героем труда, мы тогда в Ленинграде жили (я в Пермь-то на каникулы приехала перед самой войной). Вот культ Красовского в семье был. Культа Алина – не было, как вы понимаете. А вещи многие – алинские: ковры, стулья, ложки серебряные... Свекор у меня был из чоновцев, и вот в сугубо пролетарской семье «затесалась» я – «буржуйка», как называла меня иногда разъяренная свекровь. А еще – «тюремщица». Это потому, что маму мою в 30-х годах в тюрьму садили, требовали, чтоб золото алинское выдала государству. Вот ведь как было у нас... И когда мне сказала знакомая, тоже внучка знатного пермяка, что нашла сведения о моих предках-купцах, я отказалась смотреть. Она сильно удивилась, а я не могу, ну, тяжело мне это, понимаете?

Что знала про Алина еще? Всегда знала, что занимался благотворительностью, в частности, помогал художнику Зеленину. Я сама помню с детства, что раз в год мы обязательно ходили в гости к Зелениным, и день свадьбы моих родителей отмечали – 23 мая.

Ая Павловна КРАСОВСКАЯ (АЛИНА).

БАЗАНОВЫ, семейный участок пермских купцов. Дмитрий Иванович Б. торговал красным, т. е. фабричным товаром (ск. в 1874 г. 73 лет). Надгробие каменное в виде гроба, есть эпитафия. Рядом – массивное надгробие «часовня» Марии Федоровны Б., урожденной Владимировой (1848–1880). На средства семьи Б. построено Екатерино-Петровское училище (ныне музыкальное) (II).

БАЛАНДИНЫ, семейный участок купца 2-й гильдии Павла Степановича Б. (ск. в 1897 г. 67 лет) (II, возле ВК).

БАРМИНЫ, семейный участок пермских купцов (VII).

БАШКИРЦЕВЫ, семейный участок купцов и наследников (X).

БЕЛОВ Тихон Иванович (1850–1896) – торговал мануфактурой, владел номерами по ул. Пермской, 68, был ктитором Магдалининской церкви (VIII).

БЕРДИНСКИЕ, семейный участок напротив входа во Всехсвятскую церковь. Торговый дом братьев Бердинских (торговля лесом, перевозки) владел каменноугольными копиями по р. Усьва. Григорий Васильевич Б., купец 2-й гильдии, благотворитель (ск. 14 сентября 1911 г.). Здесь же каменный резной памятник М. А. ЯКИМОВОЙ (ск. в 1903 г.).

БОБРОВЫ – торговый дом «Бобров и Гаврилов» (мануфактура, платье), купец Бобров владел двумя домами по ул. Торговой (Советской), в одном из которых (арх. А. Б. Турчевич) теперь офис группы предприятий «ЭКС». О могущественном торговом доме напоминает на кладбище массивное надгробие, из надписей уцелела одна, которая относится к более позднему времени, уже советскому, и напоминает о семейной трагедии: «Елочка Боброва». Елена Васильевна ск. 20 июля 1936 года 17 лет (XI).

БРУШТЕЙН, могилы семьи владельцев магазинов разного профиля (ИК).

ВЕРШОВ Самсон Осипович (1849–1897) – владелец магазина аптекарских и парфюмерных товаров «С. Вершов и провизор Рабинович», который находился по ул. Торговой (Советской, 47), в доме пермского городского головы, купца 2-й гильдии П. А. Рябинина (ИК).

ВИЛЕСОВ Иван Петрович (1855–1911) – председатель биржевого комитета, правая рука И. И. Любимова, староста храма Марии Магдалины (могила возле Успенской церкви пока не найдена).

ВОЛЬНИ Кирилл Карлович, пермский купец (ск. в 1892 г. 47 лет) (ЛК).

ГАВРИЛОВЫ, семейный участок предпринимателей (VII).

ГИЛЬКОВЫ, семейный участок купца 2-й гильдии Ивана Андреевича Г., почетного гражданина Перми (1797–1865) (II).

ГУБАНОВЫ, семейный участок купцов (пять памятников возле саркофага Теплова) (III).

ДЕМИДОВ Петр Демидович (ск. в 1902 г.) – прошел фантастический путь от солдата до основателя торгового дома, владельца мебельного и зеркально-

го магазина по ул. Покровской, который он завел, получив наследство от своего родственника Анатолия Демидова, князя Сан Донато; более 20 лет был старостой церкви Пермской семинарии (надгробие возле Успенской церкви).

ДОЛЛАР Иван Иванович (ск. в 1886 г. в возрасте 33 лет) – коммерсант (XII).

ДОСМАНОВЫ, семейная ограда купцов, крупных торговцев чаем (вместе с **РОМАНОВОЙ Е. А.**) (VIII).

ЕРЕМЕЕВЫ, семейный участок у стен Успенской церкви. А. Дмитриев пишет, что ограда и новая роспись Петропавловского собора в середине XIX века появились усердием соборного старосты Егора Ив. Еремеева; сын его, купец

3-й гильдии Александр Егорович, владел кожевенным и кошевым заводиками.

ЗАОЗЕРСКИЙ Георгий (Егор) Ильич (1839–1904) – владелец типографии (преобразованной его сыном Александром в «Товарищество А. Заозерский и И. Абрамович»), писчебумажного магазина, один из основных попечителей Успенского храма, купец, председатель Пермского сиротского суда, член Палестинского общества (III).

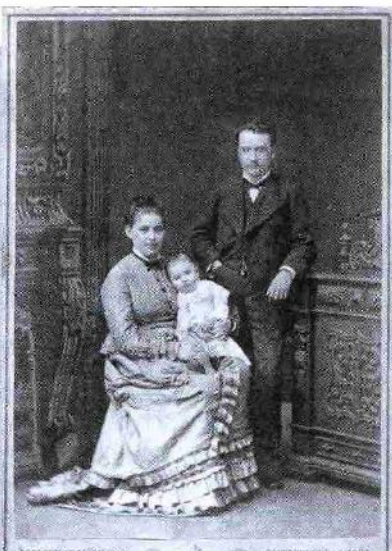
ЗОБАЧЕВЫ, два семейных участка пермских торговцев (возле Успенской церкви).

ИВАНОВЫ, семейный участок пермских купцов (III).

КАЛАШНИКОВ А. Г. (ск. в 1892 г.) – пермский купец («купель» с крестом – II).

КАРПОВЫ, семейный участок купцов, пароходовладельцев (V).

КИСЕЛЕВЫ, семейная ограда (рядом с Савиными – X); купчиха 1-й гильдии Мария Тимофеевна К. владела домами по ул. Покровской, одно из зданий ныне занимает Пермское отделение ВООПИКа; в 1818 году здесь останавливался М. М. Сперанский.

И. И. Доллар с женой и дочерью *.

БЕСЕДЫ В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ ДОЛЛАР УМЕР В ВОЗРАСТЕ ХРИСТА

– Человек с такой многозначной теперь фамилией – мой прапрадед. Иван Иванович Доллар был московским коммерсантом, он хотел развернуться и в Перми, да, видно, не успел, заболел и умер в возрасте 33 лет в 1886 году. Мы мало что знаем, к сожалению, об этом человеке. В семье передается из поколения в поколение рассказ о том, как он женился: это был красивый роман. Была такая любопытная и смешная подробность. «Ну что ты хотела бы больше всего?» – спросил Иван Иванович невесту, стремясь выполнить любое ее желание. Наша скромница ответила: «Шоколаду». Любила, грешным делом, вкусненьким полакомиться. Так Доллар завалил ее таким разнообразием конфет и всего-всего, что с того времени молодая жена смотреть не могла на шоколад, перестала его есть... Во втором браке Прасковья Лавровна Доллар стала Паркачевой, и дожила до 80 лет, пережив своего первого мужа почти на полвека. А на дочке их, Ольге Ивановне (которой на фотографии всего годик), женится потом Василий Иванович Самович, инженер-механик, из дворян.

Своими предками мы можем гордиться, и гордимся, конечно, и бабушкой Надеждой Васильевной (Самович), и дедушкой. Ведь они внесли свой вклад в культуру, в историю. Немало перенесли горя из-за происхождения, из-за взглядов, но не изменяли им. Вот дед наш, Петр Тимофеевич Гусаров, выпускник Пермского университета, много лет провел в лагере. Он был врачом, и в неволе многим людям спас жизнь. Можно только приветствовать обострившийся интерес людей к генеалогии, я сама в прошлом архивный работник, но хочу вот что заметить: не следует кичиться своим благородным происхождением, недостойно. Надо бы вдуматься в значение этого слова – ведь «благород»...

О. Д. ГУСАРОВА.

КЛОПОВЫ, семейный участок; Иван Сидорович К. – почетный гражданин Перми, мещанский староста, владел кондитерской по ул. Петропавловской; Евдокии Андреевны К. (ск. в 1896 г. 49 лет) посвящена эпитафия (см. ниже в соответствующей главе) (XI).

КОЖЕВНИКОВ Фока Ермолаевич (ск. в 1864) – сын купца 3-й гильдии, торговля товарами бакалейными, колониальными (привезенными из стран жаркого пояса), москательными (химическими) и кошомными (плетеными корзинами и пр.). «Голгофа» с эпитафией (II).

КОЛЫБАЛОВЫ, семейный участок пермского купца, владельца городской бани (пять каменных надгробий рядом с Бердинскими – VIII).

КОПЫСОВЫ, семейный участок торговцев меховыми товарами («рухлядью») и валенками (XI).

КОРОЛЕВЫ, семейный участок домовладельцев, предпринимателей (I).

КОТЕНЕВЫ, семейный участок купцов 1-й гильдии: Сергей Константинович (ск. в 1891 г. 47 лет), Константин Тимофеевич (ск. в 1879 г.); владели пиво- и медоваренным заводом. Вырабатывали пиво следующих сортов: богемское, царское, пильзенское, портер, кульмбахское, экспорт; кроме того, выпускали минеральные воды и шампанское (VIII).

КРОПАЧЕВЫ, семейный участок коммерции советника (такое звание соответствовало восьмому классу табели о рангах, и обращались к ним «Ваше высокоблагородие»), потомственного почетного гражданина Перми Александра Павловича К. (1824–1906), – хлебная торговля, кирпичные «сарай» (т. е. заводы), перевозка; староста церкви мужской гимназии (XI).

КРОТОВЫ, семейный участок пермских купцов (XI).

КУДРЯШЕВ Александр Иосифович – купец (ск. в 1917 г. 37 лет – VII).

КУЗНЕЦОВЫ, семейные участки пермских купцов (в оградке Успенской церкви и XII).

ЛАВРОВЫ, семейный участок Петра Сергеевича Л., купца 1-й гильдии, почетного гражданина Перми (ск. в 1907 г.); торговал продовольствием, известен как владелец дома, в котором жил семинаристом А. С. Попов, будущий изобретатель радио (возле Успенской церкви) *.

* В «Летописи города Перми» В. Н. Трапезникова, в разделе за 1906 г. читаем: «В Перми к памяти изобретателя относятся преступно небрежно: дом, в котором он жил (ныне Коммунистическая, 61), стоит без всякой охраны, в музее деятельность великого изобретателя ничем не отражена, с дома бывшей семинарии сорвана мраморная мемориальная доска с датами его учения в этом доме».

ЛАГРО Григорий Макарович (ск. в 1890 г.) – купец («голгофа» – X).

МАНУХИН Иван Иванович (1825–1890) – пермский купец («голгофа» у Успенской церкви).

МАРЬИНЫ, семейный участок купцов I-й гильдии, почетных граждан Перми; Иван Григорьевич М. – первый директор Марьинского общественного банка (основанного на капиталы старшего брата Кирилла) – был, кроме того, директором попечительства о тюрьмах и более 20 лет – старостой единоверческой Свято-Троицкой церкви; Иван Иванович, его сын (I).

МЕЛЬКОВ М. И., купец (ск. в 1888 г.) (X).

МИРОНЫЧЕВЫ, семейный участок купцов-старообрядцев (V).

МИРОНЬЕВЫ, семейный участок пермских купцов (V).

НАССОНОВЫ, семейный участок известного рода предпринимателей и благотворителей: одному из городских училищ было присвоено имя директора Марьинского общественного банка Василия Михайловича Н. (ск. 14 июня 1898 г.). Большая честь, если знать, что другому училищу (располагавшемуся в одном здании с Нассоновским, по ул. Малой Ямской) дали имя цесаревича Алексея. (Два каменных креста на «голгофах» – III.)

НЕЧАЕВЫ, семейный участок Гурия Афанасьевича Н., выходца из крестьян-старообрядцев, купца 2-й гильдии (Нечаевская бумажная фабрика на Данилихе), гласного городской Думы, члена комитета по разбору нищих, комитета о тюрьмах (V).

НИКОЛАЕВЫ, семейный участок пермских купцов (I).

ПАНФИЛОВЫ, семейная оградка, вместе с ШАБЕРДИНЫМИ (родство?). Павел Дм. П. – управляющий Волжско-Камским банком (II).

ПЕРМЯКОВЫ, семейный участок купцов-старообрядцев, владельцев галантерейного магазина (XI).

ПЕТУХОВЫ, семейный участок управляющего Демидовским заводом, почетного гражданина Перми (II).

ПОТЕРЯЕВ Петр Егорович (ск. в мае 1900 г. 46 лет) – семейный участок представителей торгового дома (оптовая торговля хлебными, рыбными и персидскими товарами). Памятник с эпитафией (V).

РОМАНОВ Игнатий Иванович (1837–1903) – домовладелец, староста Новокладбищенской церкви, возле которой и похоронен.

РУССКИХ, участок предпринимателей и их родственников МОТОВИЛОВЫХ (III).

САВИНЫ, семейный участок купцов 2-й гильдии; пряничное заведение, торговля москательными, бакалейными, колониальными (персидскими) товарами; один из братьев С., Феодосий Егорович, был гласным Думы, городским старостой (X).

САНИНЫ, семейный участок пермских купцов (XII).

СКОРОБОГАТОВА Александра Ивановна (1880–1949) – домовладелица (I).

СОРОКИНЫ, семейный участок почетного гражданина Перми Кондратия Андриановича, он был старостой Богородицкой церкви на протяжении 35 лет, «пермский старожил», как называл его В. С. Верхованцев, умер в 1903 г. на 83-м году (VIII).

СТЕПАНОВЫ, семейный участок купца 2-й гильдии Дмитрия Степановича С. (ск. 7 апреля 1902 г. 73 лет), выходца из кантонистов, участника Крымской войны 1853–1856 гг.; торговал бакалейными, табачными изделиями, фруктами, был директором Пермского тюремного комитета, пожизненным членом братства св. Стефана Великопермского; сын Александр дело расширил, кроме того, содержал лучшую гостиницу Перми – «Королевские номера» (III).

СУСЛОВЫ, семейный участок пермских купцов и домовладельцев (III).

ТРЕТЬЯКОВЫ, семейные участки купцов (один – за могилой А. Бера, квартал I, другой – у тропы III).

ТРУТНЕВЫ, семейный участок купцов; один из них владел рестораном (XI).

ХОЛМОГОРОВ И. А. – купец, владел домом на Вознесенской (Луначарского, II), в котором в 1888 г. был открыт Крестьянский поземельный банк (II).

ЦВЕТКОВЫ, семейный участок пермских купцов в оградке Успенской церкви; на надгробии купчихи – личной почетной гражданки (ск. в 1913 г.) – надпись: «Памятник куплен л. п. гражданином Цветковым Иваном Михайловичем в 1916 г.».

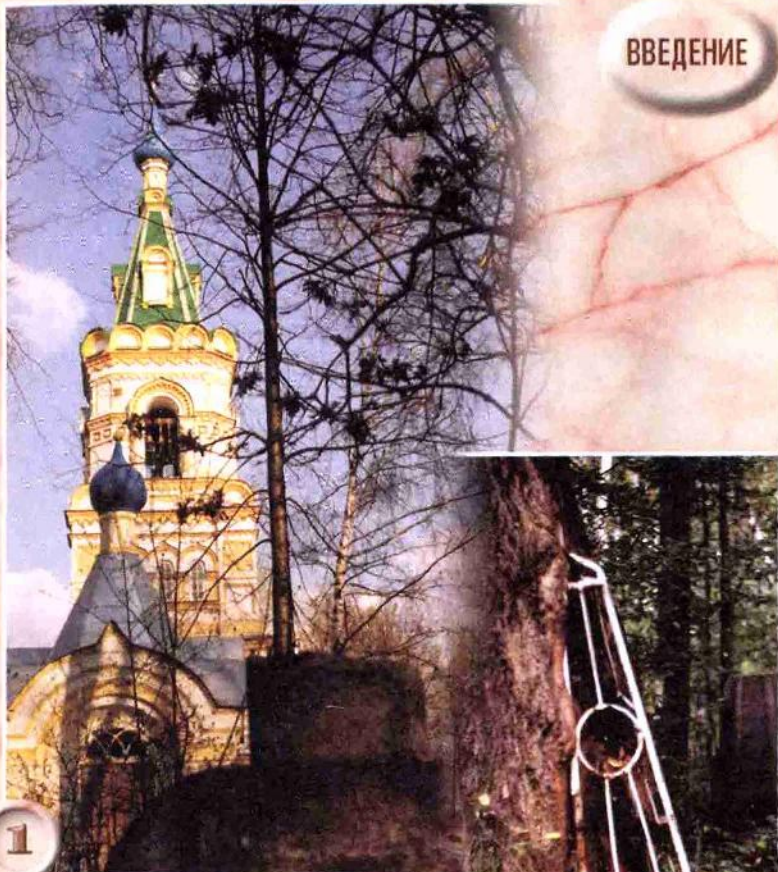
ЧЕРДЫНЦЕВЫ, семейный участок предпринимателей, торговцев напитками, владельцев типографии, пивоваренного завода. На массивном купеческом надгробии есть эпитафия (VI).

ШАДРИНЫ, семейный участок домовладельцев, торговцев бакалеей, колониальными товарами; Алексей Потапович Ш. (ск. в 1910 г.) (I).

ШИПУЛИН Михаил Дмитриевич – купец (ск. в 1870 г. 75 лет) (V).

ШОЛОМОВЫ, семейный участок домовладельцев (II).

ШУМИЛОВЫ, семейный участок пермских купцов (III).

1

1. Успенская церковь. На первом плане – «голгофа» А. Бера.

2. Памятник, намертво сросшийся с деревом...

2

МАРШРУТ 1

3. Церковь Всех Святых.

4. Дорожка, соединяющая два
храма, два века, два кладбища...

МАРШРУТ 2

5. Руки и память... Кисти рук на надгробии – символ благословения в конце молитвы.

6. Иудейский участок. Надгробная плита раввина Линденбраттена.

7. Католическое кладбище.
Памятник ссыльным полякам.

8. Лютеранский участок –
массивные плиты на могилах доб-
ропорядочных пермских бюрге-
ров.

7

8

9. Е. П. Серебренникова. Такой она была – самоотверженный врач, любимица пермяков (худ. О. Пермякова).

10. Надгробие Е. П. Серебренниковой выполнено в форме сруба дерева – символа безвременной кончины.

11

12

11. «Медицинский квартал». На первом плане – надгробие профессора Залкинда, за ним – семейный участок врачей Первушиных.

12. Надгробие профессора П. И. Чистякова.

13

13. Барельеф на саркофаге майора Теплова – героя Отечественной войны 1812 г.

14. Могила летчика Сергея Сафронова – одно из самых посещаемых мест.

15. «На братских могилах не ставят крестов...» (воинское кладбище).

14

15

16. Это надгробие художников Павла и Александра Сведомских – на итальянском кладбище Теста-чо. Могила М. Г. Сведомского на Егошихинском – утрачена...

16

17. «Пермский Штраус» – так называли Людвиг Винярского.

17

18. Автопортрет П. И. Субботина-Пермяка. Увы, в прошлом веке этот замечательный мастер так и «не дождался» памятника на своей могиле.

19. Аллею, ведущую к церкви Всех Святых, открывают памятники на могилах педагога, общественного деятеля П. А. Матвеева и поэта А. Д'Актиля.

18

20. Правнучка живописца Верещагина приехала из Канады поклониться праху своих предков.

19

20

МАРШРУТ 6

21

22

23

21. Семейное захоронение Сиговых приведено в порядок одним из потомков рода, живущим во Франции.

22. Надгробие княгини Максудовой.

23. Один из памятников на месте захоронения купцов Саниных.

24. Семейный участок купцов Марьиных, потомственных почетных граждан Перми.

24

25. Резное надгробие на семейном участке Бердинских.

26. Здесь хоронили купцов Заозерских.

25

26

МАРШРУТ 7

27. Каждый год в июне у здания бывших «Королевских номеров», где висит теперь мемориальная доска в честь великого князя Михаила Александровича, проходит краткая служба.

28. Среди старожилов Мотовилихи живет легенда, что Михаила Романова тайком похоронили вот на этом Запрудском кладбище.

29. Панихида у креста графини Гендриковой и гофлектрисы Шнейдер, организованная членами Пермского Дворянского собрания.

27

28

29

МАРШРУТ 8

30. Памятник жертвам репрессий – звонница с терновым венцом. В основании – пятиконечная звезда.

30

МАРШРУТ 9

31. Надгробие «праведного протоиерея» отца Евгения (Попова).

31

32

33

32. Надгробие врача Н. Ф. Силугиной-Кушневой.

33. «Тихо ангел слетел на могилку...» (надгробие неизвестного пермяка).

34. Часовня Сергия Радонежского (надгробный памятник Агафуровых (?)).

34

35

35. «Купель» купца Кирилла Вольни – вся в эпитафиях.

36. О семье артистов Терраччиано можно сказать словами поэта: «Словно бабочка, наша душа вылетает из кокона тела». И много-много таких, кто думал: «Пролетом через Пермь», а в итоге обрел здесь последнее убежище.

37. Надгробный памятник-арка семьи Кусакиных.

36

37

Северная дамба

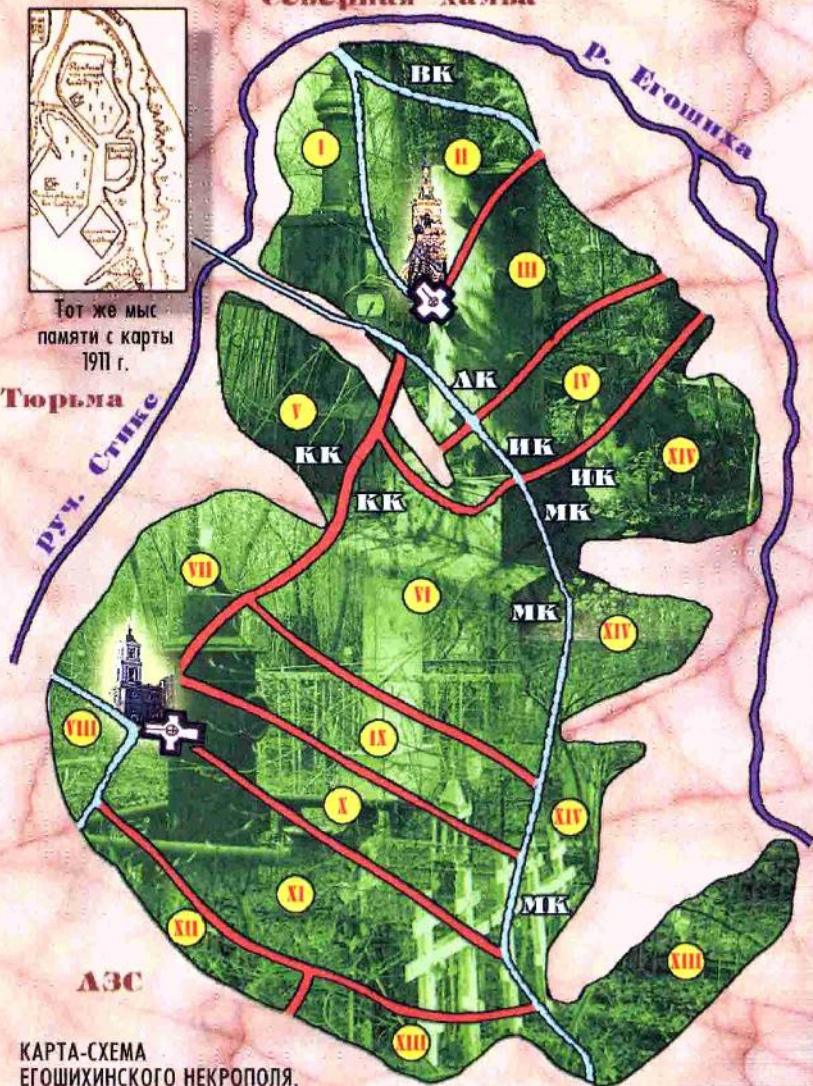

Тот же мыс
памяти с карты
1911 г.

Тюрьма

руч. Стике

Р. Егошиха

АЭС

КАРТА-СХЕМА ЕГОШИХИНСКОГО НЕКРОПОЛЯ.

Список сокращений:

СК – старое кладбище;

НК – новое кладбище;

МК – мусульманское кладбище;

ВК – воинское кладбище;

ЛК – лютеранское (немецкое) кладбище;

КК – католическое (польское) кладбище;

ИК – иудейское (еврейское) кладбище.

Похороны В. Т. Аксенова, почетного гражданина города.

ЮГОВЫ, семейный участок у Всехсвятской церкви; Виктор Тимофеевич Ю. – купец 2-й гильдии: торговля оружием, бакалеей и «юговскими» пряниками; гласный городской Думы, член экономического общества. На дочери купца Югова был женат поэт-футурист Василий Каменский.

ЮМАНОВЫ Дмитрий Иванович, Елизавета Александровна (общее надгробие) – владельцы первой на Урале (1886 г.) фабрики музыкальных инструментов, музыкальных магазинов (VII).

...Исследование истории города через историю старинного кладбища увлекло и ребят из краеведческого летнего лагеря, созданного под эгидой ВООПИК. Были случаи, когда тема приобретала иное звучание, глубоко личное: история семьи – в истории страны. Десятиклассница из Дягилевской гимназии Аня Рец, к примеру, начала изучать свое генеалогическое древо и столкнулась с удивительным открытием: купцы Досмановы – ее предки! Про них и в книге Н. Баяндиной «Пермь купеческая» написано. Павел Степанович Досманов был купцом 1-й гильдии, занимался мануфактурной и чайной торговлей. Один из учредителей торгового товарищества «Пермяков, Досманов и К^о». Определить место, занимаемое этим купеческим родом в дореволюционной Перми, нам поможет поэт Сергей Ильин, который писал:

...Люблю на Егошихе я
Побаловать чайком.
Присев на род диванчика —
На плоский буторок,
Тану я из стаканчика
Досмановский чайк...

Известно также, что глава семьи откликнулся на призыв командования колчаковских войск, занявших Пермь, собрать деньги на обмундирование, снаряжение освободителей. В газете «Свободная Пермь» за январь 1919 года сообщалось, кто пришел на обсуждение «заема»: «...За черным столом — правление торгово-промышленного союза. Молодежь и старики. Молодой Бобров... Досманов, глубокий старик в темных очках, с белой бородой...»

Мы не знаем, к сожалению, где похоронены В. Т. АКСЕНОВ, В. Н. БАХАРЕВ, П. П. КАЛИНИН, М. М. КАМЧАТОВ, В. В. КОТОМИН, Ф. Е. КРУГЛОВ, П. Н. НАЗАРОВ, В. П. ПЕТРОВ, П. С. РЕМЯНИКОВ, П. А. РЯБИНIN, Ф. И. ПОДОСЕНОВ, ряд других предприимчивых пермяков.

При виде многих семейных участков, сохранившихся на кладбище, уместно будет вспомнить грустные слова Петра Вяземского: «Пристани жизни — кладбища, общий семейный очаг...» Материал о некоторых представителях торгового сословия, нашедших свое последнее пристанище между Стиксом и Егошихой, историкам края еще нужно искать.

Что касается грехов пермского купеческого сословия... Замаливать старались, а что оставалось? Вот образчик эпитафии на памятнике купца Г. И. МИРОНЫЧЕВА, гласного городской Думы с 1901 года: «Господи Боже мой, не суди меня по грехам моим, но суди меня по велицей милости Твоей и по множеству щедрот Твоих».

Только на это и уповать.

ПО РОМАНОВСКОМУ СЛЕДУ

Как пришла революция в Пермь? Почти так, как описал ее А. Гайдар в одном из своих рассказов, опубликованном впервые только недавно: «...Революция пришла в Кошкoперск по телеграфному проводу, и потому особенного значения сначала ей не придали. В офицерском собрании было совещание командиров, после которого роты караульного батальона были выстроены, и им объявили, что его императорское величество государь император Николай Александрович, утомившийся от управления страной, передал царствование брату своему его императорскому высочеству Михаилу Александровичу... Вот и вся революция» («Денщик генерала Дергач-Оглоперова». – Журнал «Родина».–1990.–№ 1.).

И никто даже представить не мог, что вскоре произойдет с Романовыми... В фондах Пермского краеведческого музея хранится редкая фотография 1866 года. На ней изображены представители пермской общест-венности. Снимок сделан «по случаю счастливого избавления» (на Алек-

Пермская элита.

Великий князь Михаил Александрович
в старинном наряде на балу в 1913 году.

сандра II покушался террорист Каракозов). Кто же эти полномочные представители? С иконой стоит городской голова купец Ф. Каменский, от дворян – П. Дягилев, В. Самойлов, В. Хотов, от купеческого сословия – И. Марьин, И. Любимов, А. Кропачев, от мещан – И. Кондрашин. Губернская столица искренне переживала за царя...

Переключку событий, странные «скрещенья судеб», говоря словами поэта, здесь, на территории старого некрополя, можно, при желании, проследить поквартально, поэтапно... И «романовский след» еще не раз протянется на Егошихинское кладбище. Кстати, сам М. А. Романов бывал на старом кладбище, о

чем мы встречаем упоминания в его дневнике 1918 года: «Пермь, 4/17 мая. Пятница. ...Днем Наташа (жена Михаила Александровича. – В. Г.) и я гуляли, были в Гостином дворе, затем пошли мимо церкви Воскресения на старое кладбище, обойдя его, по Сибирской возвратились домой...

18/31 мая. Пятница. Утром кончил читать «Записки из мертвого дома». Днем Знамеровский (жандармский полковник, тоже сосланный в Пермь и вскоре расстрелянный как заложник. – В. Г.) и я прогулку сделали через старое кладбище, за ним спустились и поднялись через лесистый овраг, покрытый пихтами, внизу которого вьется речка, и вышли через деревню Горки обратно в город мимо Петропавловского собора...

«Пермь, 29 апреля–12 мая. Воскресенье... Наташа, Джонсон и я пошли к г-же Алиной на Сибирской, где пили чай, а затем нам показывали комнаты, дом очень хороший... 20 мая–2 июня. Воскресенье... В 5 часов к чаю пришли Алин (сын) с женой...» (Из дневника Михаила Романова.)

Проводы губернатора Кошко. Место действия – дача семьи Кобяк в Верхней Курье, время действия – август 1914-го (губернатор – в белом кителе).

Милостивый Государь и Милостивая Государыня
Семействеству глубокого уважения, позволяю
себе обратиться к Вам с покорнейшей прось-
бой почтить спящих посещением Концерта-Бал-
етранного 14 февраля в помещении Меринской
женской гимназии в пользу недостаточных аб-
итурантов мужской и женской гимназии Императора Александра
Благословенного гимназии.
Губернатор В. П. Кобяк.

Семейный участок пермских купцов АЛИНЫХ, упоминающихся в дневни-
ке, возле Всехсвятского храма (VII). В соседнем квартале – могилы ТУПИЦЫ-
НЫХ, эта фамилия пермских купцов также встречается в предсмертных за-
писях великого князя Михаила Александровича. Известно даже, что он соби-
рался переехать из «Королевских номеров» в дом Тупицыных. Некоторые
исследователи темы предполагают, что переезд задумывался с целью побе-
га. Не успел. Общался великий князь также с инженером АНДРЕЕВЫМ и АНД-
РЕЕВСКОЙ (даже получил от нее письмо). И вот что любопытно: на НК есть
obelisk из черного мрамора Ивану И. АНДРЕЕВУ, инженеру-теплотехнику (1887–1951).
Может быть, тот самый царский знакомец? Под тем же памятником похоронена АНД-
РЕЕВСКАЯ, скончавшаяся в 1980 году. Видимо, здесь захоронена урна с прахом (XI).

В дневнике М. Романова упоминаются также и другие пермские семьи
и жители города, с которыми он познакомился в последние недели своей
40-летней жизни. Это БАРМИН («б. Агафуровых», – делает примечание вели-
кий князь, имея в виду бывших владельцев магазина и их последователя),
ДОБРОДИНЫ (родственники Тупицыных), КОРОЛЕВЫ, НИКОЛАЕВЫ, ШИПИЦЫН
(доктор, «пользовавшийся» Романова до последнего дня). Большинство из них
похоронены на Егошихинском кладбище. Более жестоко судьба, «взнузданная»
большевиками, обошлась с духовными знакомыми М. Романова: ректор семина-
рии Матвей (Померанцев) и епископ Андроник («служит очень хорошо», – читаем
в дневнике) убиты были в том же, 19-м, и где их могилы – неизвестно.

Неподалеку от Алиных посетим еще одно захоронение, в котором покоится человек, гостеприимно принимавший в своем доме последнего российского царя, как называют иной раз великого князя Михаила Александровича Романова (ведь он отрекался только до созыва Учредительного собрания, собраться которому, как известно, не дали большевики). Речь идет о могилах семейства КОБЯК. Глава семейства, Георгий Игнатьевич (1864–1918), – потомственный дворянин, редактор «Пермских губернских ведомостей», почетный гражданин г. Перми, изобретатель. Хозяйка квартиры, в которой не боялись принимать ссыльного «царя на час», отошла в мир иной в 1942 г., пережив своего мужа на 24 года (он был похоронен на кладбище у Архиерейского дома (АД).

БЕСЕДЫ В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ ЗДЕСЬ РОМАНОВ ОТДЫХАЛ ДУШОЙ И ТЕЛОМ

– У самой изгороди Всехсвятской церкви похоронены наши бабушка, Вера Константиновна Кобяк, а также прадед, Константин Михайлович Ильинский. Семья в Перми была очень известная, сейчас о ней рассказывается и на выставке в областном краеведческом музее, да и книга написана, но не можем никак издать пока... Георгий Игнатьевич Кобяк был разносторонне одаренным человеком, ученым, он запатентовал изобретение «оксозона» – электролитной воды Кобяк, – обладавшей целебными противовоспалительными, антисептическими свойствами. А бабушка занималась широкой благотворительной деятельностью. Известно, что когда великий князь Михаил Романов жил в ссылке в Перми, он любил бывать в нашей семье, за беседой, за чаем отдыхая душой и телом (он мучился желудочными болями, и вода Кобяка ему также помогала). Ранее гостил у нас в доме на Обвинской (25-го Октября) и всеильный «старец» Григорий Распутин, он же хотел вылечить наследника – царевича Алексея. Такой момент: Михаил Александрович Романов был подло убит в ночь с 12 на 13 июня. А Вера Константиновна ничего же не знала, конечно, и, как всегда, послала великому князю диетический завтрак. Но

завтрак не был принят... Вскоре семья Кобяк была арестована, от расстрела спасло только то, что Георгий Игнатьевич заболел (умер 18 июня 1918 г.).

Сейчас мы хотим восстановить памятник и прадеду, могилку которого уничтожили, когда прокладывали асфальтовую дорогу к Всехсвятской церкви, К. М. Ильинский был ведь героем Севастопольской обороны, был награжден медалями, орденами Св. Станислава III степени и Св. Анны III степени... Хотя бы небольшой памятник, конечно, недорогой, но все равно надо поставить, нельзя так...

Ариадна Георгиевна ЕРМАКОВА (КОБЯК).

Еще в начале XX века на месте улицы Тихой находилось военное кладбище. Об этом напомнила автору краевед Е. А. Спешилова (у которой, кстати, на

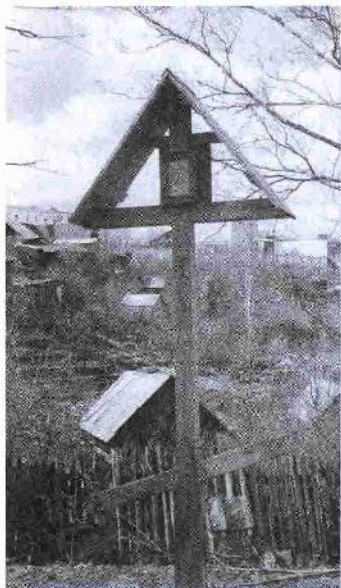
Августейшие паломники, представители дома Романовых цесаревич Георгий и великая княгиня Леонида Георгиевна летом 1998 года посетили и Егошихинское кладбище.

Егошихинском кладбище похоронены предки по линии матери, они были потомками Державинских – крестьян, принадлежавших поэту и помещику Державину). На плане города («Вся Пермь», 1911 г.) это кладбище обозначено, его называли Михайловским, в честь великого князя Михаила Николаевича Романова. В годы первой мировой войны здесь хоронили русских воинов, погибших на фронте, умерших от ран в пермских лазаретах. А Михаил Николаевич Романов был военным человеком, одно время возглавлял Государственный совет Российской империи, но для уральцев ценно то, что эта «царская особа» (как называли членов императорского дома)

в 1887 году посетила Сибирско-Уральскую научно-промышленную выставку, проходившую в г. Екатеринбурге. Великий князь соблаговолил оказывать августейшее покровительство выставке, а после – и Уральскому обществу любителей естествознания (УОЛЕ), и действительно помогал вплоть до

Участники расстрела великого князя Михаила.

Могила графини А. В. Гендриковой и гофлектрисы Е. А. Шнейдер.

своей кончины в 1909 г. Не случайно в том же году уральцы в разных формах увековечили память этого Романова. В музее УОЛЕ открылся зал его имени, была учреждена Михайловская премия за успехи в изучении Уральского края. В Перми в присутствии в. к. Михаила Николаевича было освящено новое здание Мариинской женской гимназии. Произошло это событие 13 июня 1887 г.

В 1919 г. на Новом кладбище были захоронены многие жертвы красного террора, расстрелянные заложники, среди них – графиня Анастасия Васильевна ГЕНДРИКОВА 30 лет, фрейлина последней российской императрицы Александры Федоровны, и 70-летняя гофлектриса (придворная должность) Екатерина Адольфовна ШНЕЙДЕР. Они поехали с царской семьей в качестве добровольных пленниц, большевики сделали бедных женщин не-

добровольными заложницами-смертницами. Из книги колчаковского следователя Н. А. Соколова мы узнаем, что в середине мая 1919 г. тела Гендриковой и Шнейдер были эксгумированы, подвергнуты судебно-медицинскому освидетельствованию и с почетом преданы земле. В докладной генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса адмиралу Колчаку говорится, что могилы были хорошо видны из окон тюремной камеры больничного корпуса губернской тюрьмы, предсмертного их пристанища...

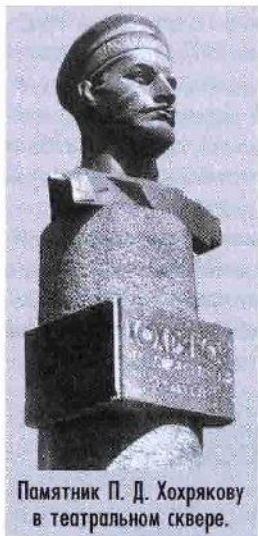
В июне 2000 г. на предполагаемом месте захоронения Гендриковой и Шнейдер установлены два креста. Большой крест (деревянный) был в то же лето сожжен неизвестными. В установке крестов участвовали представители Пермского Дворянского собрания, ребята из летнего краеведческого лагеря Дягилевской гимназии, священник Новокладбищенской Всехсвятской церкви отслужил молебен...

БЕСЕДЫ В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ ПОЛНЫЙ АПОКАЛИПСИС

– Как можно сейчас определить место захоронения этих заложников? Я это место хорошо помню по 30-м годам (я с 24-го года), жили мы недалеко, на 1-й Разгуляйской. В логу этом, помню, люди загорали еще, могилки-то выше находились. Видели мы с ребятами, куда из тюрьмы трупы вытаскивали. Знаете, куда? Возле речушки делали ямы, и даже не закапывали, а сначала прикрывали досками просто, «копили», значит, пока не наполнится. Мы однажды запах-то учуяли, ну и увидели все своими глазами. Свинойдохлых туда же бросали, отсюда и вонь. А свиньи откуда? Так тюрьма же и разводила в те годы, у них свое подсобное хозяйство было. Пастух Баженов тут и пас тюремных свиной-то, в логу, между могилок. А возле кладбищенский сторож Щелгачев жил. В довоенные годы порядка больше было, еврейское кладбище огорожено было, и мусульманское тоже, будка была для сторожа...

А. И. КАТАЕВ.

Свистопляска на костях разыгралась в годы гражданской войны после знаменитой «пермской катастрофы», когда в декабре 1918 г. красная Пермь была стремительно захвачена белыми войсками. В первую годовщину Октябрьской

Памятник П. Д. Хохрякову
в театральном сквере.

революции в сквере у оперного театра был торжественно открыт памятник (автор Н. Гущин) на братской могиле жертвам борьбы. Как только колчаковцы стали хозяевами города, памятник был взорван, могила уничтожена. Тела большевистских комиссаров, изъятые из могилы на ул. Сибирской 4 мая 1919 г., закопаны на кладбище, сообщила газета «Освобождение России» (речь, по-видимому, шла о П. Д. Хохрякове, П. М. Светлакове, С. С. Большакове). Через год с небольшим, в сентябре 1920-го, большевики организовали на Новом кладбище «торжественные похороны тел погибших за революцию, вырытых белогвардейцами из братской могилы на Сибирской улице и брошенных на свалочные места». (Заметим: в том же стиле писала колчаковская пресса, когда белые искали на «свалочных местах» тела заложников.)

И это было не первое перезахоронение революционеров. Еще в 1918 году, 14 апреля, состоялись торжественные похороны повешенных 25 мая 1908 года «любцев» Минеева (подпольная кличка Сибиряк), Александрова (Уральца), Максимова (Сороки), Баранова (Учителя). Тела были выкопаны из-под тюремной конюшни по показанию арестованного помощника начальника тюрьмы, — сообщает (вовсе не беспристрастно!) летописец В. Н. Трапезников.

Совсем не лишним свидетельством кровавой смуты тех лет, но грозным предупреждением стали и два памятника, стоящие возле польского участка (V). А. М. БАТАГОВ, ум. в 1922 г., бывший председатель ревтрибунала, и А. КОСВИНЦЕВ, член ВКП(б) с 1906 г., убит 24 декабря 1918 г., то есть в день бесславной сдачи красными Перми. К одному из юбилеев Советской власти этим деятелям поставили новые каменные памятники, но и старые, железные, были оставлены. По два памятника на душу... *

В дальнем квартале (у Всехсвятской церкви) был предан земле прах С. И. ЛЮХАНОВА, умершего в 1954 г. Никто уже к тому времени ничего про его прошлое не знал. Между тем, это тот самый шофер, «наехавший» (в прямом и переносном смысле) на царскую семью. Да, это именно Сергей

* В конце 90-х годов новые варианты памятников Батагова и Косвинцева были варварски разломаны. Старые — стоят...

Люханов был за рулем грузовика, вывозившего трупы расстрелянных Романовых, их слуг и доктора Боткина из Ипатьевского особняка июльской ночью 1918 г. До революции он работал шофером, на телефонной станции, машинистом. Вступил в партию большевиков. После гражданской войны ездил по стране с места на место, словно пытаясь спрятаться... От кого? От себя, от своей совести? Его жена оказалась более стойкой большевичкой. Она ушла от Люханова, не простив ему идейного отступничества (о чем рассказывает в книге Э. Радзинского «Господи, спаси и умири Россию...» сын шофера). Последние годы Люханов трудился слесарем пермской инфекционной больницы и дожил, как ни странно, до глубокой старости, хотя, по воспоминаниям сына, совесть его была неспокойна, а это, согласитесь, сокращает жизнь.

Почти у самого входа на кладбище, в пятом ряду аллеи, ведущей к Всехсвятскому храму, под железным столбиком упокоились видный революционер и его верная супруга. Федор Николаевич ЛУКОЯНОВ (1894–1947), человек яркой и кровавой судьбы. Недоучившийся студент-юрист, журналист, редактор большевистской газеты «Пролетарское знамя» (считается первым редактором газеты «Звезда») и видный чекист. После триумфального пришествия Советской власти Лукоянов умудрялся совмещать редакторство с работой сначала в качестве председателя штаба Красной гвардии в Перми, а затем возглавлял Пермскую ГубЧК (до июля 1918 г.) и Уральскую областную ЧК*.

В мирные годы Лукоянов вновь сосредоточился на журналистской работе (в том числе редактором пермской «Звезды», затем – журнала «Красная печать»). В ЦК партии отвечал несколько лет за газетную политику. Свело Лукоянова в могилу тяжелое нервное заболевание, приобретенное еще в 1918 г. на чекистской работе. В том году ему приходилось ликвидировать и «кулацко-эсеровские» восстания, при нем и с Романовыми расправились, и заложников ни в чем не повинных сколько загубили... Выполняя завещание мужа, урну с прахом повезла в родную Пермь его вдова, причем собралась она исполнить долг спустя три года с лишним после кончины его, да не довезла, умерла сама по дороге, точнее, ее сняли с поезда уже в бессознательном состоянии. Как вспоминает краевед Е. А. Спешилова, их так и похоронили: К. А. Будрина-Лукоянова (происходила из рода известных пермских священников Будриных, которых хоронили у стен Всехсвятского храма) держала в руках урну с прахом горячо любимого мужа...

* Генерал-лейтенант М. Дитерихс, однако, замечает по поводу того, кто «главнее»: «Когда Янкель Юровский бывал на заседаниях комиссии (ЧК), то председательствовал он, а не Лукоянов, числившийся официально председателем ее». Юровский – комендант Ипатьевского «дома особого назначения», где находились Романовы.

Кстати, об урнах. Движение за кремацию в 20–40-е годы в Советской России распространялось тогда и в Перми. Не один Ф. Н. Лукоянов пытался увлечь своим примером и после смерти. Так, на памятнике-пирамидке И. А. ФЕОКТИСТОВА (1894–1945), похороненного у Всехсвятского храма (XI), есть даже такая эпитафия: «Кремация в Москве».

Памятник революционеру М. П. ТУРКИНУ (1887–1947) находится над самым обрывом Егошихинского лога (XIV). На здании Пермского Дома журналиста имени А. П. Гайдара есть мемориальная доска, извещающая: здесь он работал. Михаил Павлович с 1923 года был редактором газеты «Звезда». Памятник (сломаный) видно даже из окон Дома печати...

В квартале профессоров Пермского университета (XIII) находится могила еще одного видного пермского революционера, участника гражданской войны Александра Николаевича КЛЫКОВА (1886–1943). В подполье (работал вместе со Свердловым) его кличка была Пушка. В годы гражданской Клыков воевал комиссаром авиационного отряда, был также комиссаром Котовского, награжден орденом Красного Знамени.

Прославился и другой мотовилихинский рабочий, Василий Тихонович ФРОЛОВ (1884–1934). Зеленый – такая у него была партийная кличка, когда он участвовал в качестве делегата от Урала в V съезде РСДРП, проходившем в Лондоне. Позднее Фролов пошел на сотрудничество с охранкой. Возле отца похоронен сын Кронид, умерший от отравления хлором после аварии на закрытом предприятии. Другой сын, по имени Коммунар, отличный шахматист, обыгрывавший даже самого Ботвинника (тот был в эвакуации в Перми), участвовал в Великой Отечественной войне, после оказался в сталинских лагерях (XI, возле С. Окулова).

Надгробия у Клыкова, Фролова, Калгановых, Зыряновых точно такие же, как и у других ветеранов партии, стаж которых исчисляется с 1904–1917 гг.: каменные плиты с гирляндой, на табличке обязательно указание, с какого года член партии (у многих, правда, эти таблички уже сбиты). Среди них: Ф. А. АНДЕРСОН (1895–1951); Г. Н. КИКИРЕВ (1900–1960); П. Н. КЛЕБАНОВ (1897–1956); А. В. ЛЕБЕДЕВ (1878–1940); К. И. ЛЯКИШЕВ (1886–1938); А. Н. НЕСТЕРОВ, Н. М. ПАЗДНИКОВ (1900–1960, рядом похоронен его сын, офицер); И. Н. ПОТКИН (1886–1943); А. Ф. СМЕРНОВ (1882–1943); В. А. ШЕПЕЛИН (1896–1957).

Над самым обрывом зависла могила, в которой покоится неугомонный когда-то Андрей Ефимович СКЛЯРОВ (1899–1952) – участник гражданской

войны. На небольшом надгробном камне – разбитая фотография и крестик, который странным образом соседствует с бодрой эпитафией: «Память о чапаевцах вечна!» Кто-то может мрачно пошутить, что вечна она оказалась в анекдотах. Но вот в 2000 году дочь легендарного полководца доверила хранить чапаевский архив именно пермякам, завещав его музею реки Чусовой.

«Пало царство произвола,/ Кончив жизнь свою./ Кончил царствовать Никола./ Баюшки-баю...» Вот такую «Колыбельную», переложенную регентом сельского хора П. М. Борчаниновым, напечатала в июле 1917 г. «Пермская земская неделя». И сделано это было... по просьбе «Крестьянского союза», для сельских праздников! Похоже, число монархистов в Прикамье резко убавилось, если уж регенты подались в революцию.

Среди участников революционного движения назовем Е. А. ПУЗЫРЕВА, ссыльного студента, организатора Пермской группы освобождения рабочего класса (умер идеалист, сгорев от чахотки, 23 лет от роду в 1900 г.). Рядышком – могила революционера и партийного журналиста Александра Васильевича СЕМЧЕНКО (1893–1942) (VIII).

П. А. МАТВЕЕВ (1868–1927) – видный общественный деятель, юрист, педагог; популярность его личности проявилась в том, что одно время существовала в Перми даже улица Матвеева (позднее – ул. Революции, видимо, власти не понравилась меньшевистская страница матвеевской биографии, а также то, что сыновья его были репрессированы). О трагической судьбе семьи Матвеевых упоминает в «Архипелаге ГУЛАГ» Александр Солженицын. Но до репрессий «своей» улицы и своих родных Павел Александрович не дожил (XII).

С похоронами П. А. Матвеева, по свидетельствам старожилов и газет тех лет, сравнимы по масштабности разве что проводы С. А. ОКУЛОВА (1884–1934). На памятнике, что стоит в ста метрах от Всехсвятской церкви (XI), есть надпись: «Активному участнику освобождения Перми от колчаковских банд». После смерти Степана Акимовича

Портрет «освободителя Перми»
С. А. Окулова (худ. П. Заруцкий)...

вича предлагалось по горячим следам даже переименовать Пермь в Окуловск. Но воздержались, а спустя три десятилетия ветераны партии и историки выяснили, что заслуг у Окулова было меньше, что он приписал себе кое-что из подвигов почти однофамильца Филиппа Акулова, тоже бравшего Пермь в июле 1919-го.

Фигура колоритная. Недаром при Колчаке в Перми играли драму Морозова-Чертоева, среди действующих лиц которой были комиссары Окаянов, Гербель и ОКУЛОВСКИЙ... Шла также драма «Царь Иудейский» на музыку А. Глазунова. Эта драма написана К. Р. – великим князем Константином Романовым, сыновья которого были убиты в Алапавске за несколько месяцев до премьеры.

Есть в некрополе и могила РОМАНОВА, просто однофамильца царя, но не простого пермяка. Игнатий Иванович – так звали усопшего в 1903 году человека 66 лет – был потомственным почетным гражданином Перми, многолетним старостой Новокладбищенской церкви (недалеко от которой и похоронен). Эпитафия пермскому Романову гласит: «Мир тебе, добрый человек, бескорыстный труженик и честный гражданин». Добрый человек – это ли не самое важное предназначение живущего в обществе. Так говорил, помните, и Иешуа Михаила Булгакова, обращаясь к каждому, с кем общался, даже к разбойнику.

БЕСЕДЫ В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ СЕМЕЙНЫЙ «ТРИУМФ»

– Почти все старинные вещи, реликвии семейные я сдала уже в музей, вот только эта «старина» и осталась на дорогой могилке... Фамилия у нас самая знаменитая, как говорится. А родители были самыми скромными, незаметными тружениками. Знаю, что предки наши перебрались в Пермь из Каменец-Подольска. Бабушка, помню, работала машинисткой, одно время место ее работы находилось в Слудской церкви, стучала там на «Ундервуде» своем. Умерла Мария Гавриловна Романова в 47-м. А дед работал киномехаником, даже в «Триумфе». Сейчас его, говорят, восстановили, но я уж по театрам-то не хожу. Хотя приятно, конечно, слышать такое, у меня к «Триумфу» отношение особое.

Звелина Васильевна РОМАНОВА, пенсионерка.

ВЕНЕЦ ТЕРНОВЫЙ НАД ЗВЕЗДОЙ

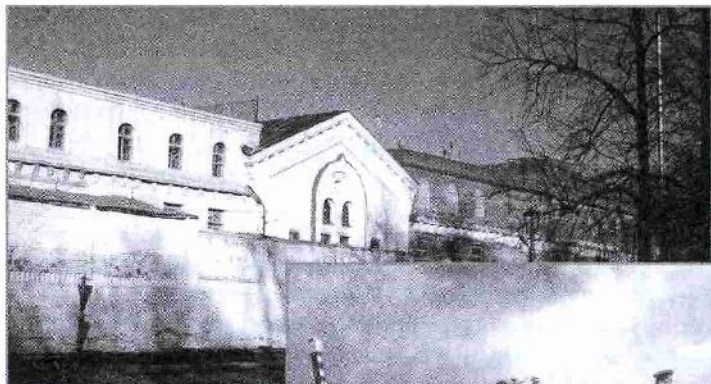

ак получилось, что только во второй половине 90-х годов XX столетия история некрополя получила свое логическое завершение, или, другими словами, трагическое обрамление. Произошло это после того, как были стерты, правда, не все, «белые пятна» истории нашего общества.

В 1996 году при большом стечении народа на Старом кладбище, как раз напротив тюрьмы, был открыт памятник жертвам политических репрессий. Многим присутствующим запомнились волнующие, исповедальные слова и бывших зеков, и губернатора Игумнова... Мемориал представляет собой звонницу,

День памяти жертв политических репрессий.

Бывший тюремный замок, через который прошли тысячи и тысячи кандалников, этапиремых на каторгу и в ссылки. Ныне это следственный изолятор. Многочисленные перестройки почти до неузнаваемости исказили проект архитектора В. В. Попатенко.

«Привал арестантов» (худ. В. И. Якоби).

поставленную на бетонную пятиконечную звезду, вверху – терновый венец из колючей проволоки. Есть глубокий смысл в исторической параллели между двумя памятниками: репрессированным – и красному командиру Окулову, чье надгробие также стоит на пятиконечной звезде. И, конечно, не всем такая «переключка» нравится, но что делать, если история строительства идеального коммунистического общества была обильно полита кровью.

Место для мемориала было выбрано не случайно: по свидетельствам старожилов, жителей окрестных улиц и священника Успенской церкви, где-то в этом логу, наискосок от тюрьмы, закапывали жертв бессудных расстрелов; был среди них и православный священнослужитель. Так что далеко не всех увозили на расстрел в «столичный» Свердловск, чтобы бросить потом в общую могилу на 12-м километре Московского тракта.

Убитых закапывали еще и в другом месте: вторым слоем на территории мусульманского участка (о чем подробно писала в 1988–1989 гг. газета «Вечерняя Пермь»). Приведем одно из свидетельств:

«До войны, до 1949 года, я проживал по ул. Тихой, 8. В то время это была односторонняя улица, на другой стороне было кладбище... Углом оно выходило как раз к нашему дому (мы пацанами птиц ловили на кладбище). Вот с угла я лично и наблюдал 2–3 раза захоронения, производимые из тюрьмы. Выкапывалась неглубокая могила, а затем сбрасывались в нее до десяти трупов примерно. Все трупы были голыми, к ноге привязан номерок. Привозились они на телеге в деревянном ящике... Моя мать работала в тюрьме машинисткой (трудова книжка сохранилась), она рассказала начальнику тюрьмы об этих зрелищах (так как момент захоронения наблюдали и другие, забора в этом месте не было), и хоронить днем перестали... (Как выяснилось из показаний других старожилов, хоронить стали на восходе солнца. – В. Г.) Мне было в ту пору лет 11–12. На днях я был в тех местах. Дома нашего давно нет. Почти в том месте, где производились тюремные захоронения, настроены гаражи. Там же производились захоронения и после войны. Так что едва ли что может дать эксгумация. Но ясно, что «пачками» уголовников никогда не расстреливали...» (В. Я. МОШЕВ, 1925 г. р., бывший работник прокуратуры).

Подобными воспоминаниями о тех днях 1937–1938 годов поделились со страниц газеты также Р. С. Комарова, В. П. Климов, Е. В. Леонтьев, жившие в ту пору на близлежащих к кладбищу улицах.

А вот история, о которой не писала еще ни одна газета. В 20–30-е годы заведовала кладбищами (то есть всеми: и Новым, и Старым, и «нацменов») активистка-коммунистка В. Ч. Проработала она на этой должности лет семь. Конец ее карьеры был печальным: она покончила с собой. Трудно сказать, что послужило толчком для рокового решения. Может, из-за семейного неблагополучия: года за три до того у нее умерла дочка от туберкулеза. Может, из-за того, что насмотрелась на то, как прятали концы в кладбищенскую землю доблестные чекисты... Нервы не выдерживали и не у таких слабых созданий. Застрелилась она в свой день рождения. Похоронили мать рядом с дочкой, две могилки были даже видны из окон их бывшего дома. А вскоре и домик сгорел.

Вот еще «переключка» с венцом терновым: недалеко от церкви Всех Святых есть семейная оградка (КОВАЛЕВЫХ), опутанная... колючей проволокой.

К теме жертв репрессий, безусловно, относится и установка креста на месте предполагаемого захоронения расстрелянных в 1918 г. придворных последней царицы Российской империи – графини Анастасии ГЕНДРИКОВОЙ и гоф-лестрисы Екатерины ШНЕЙДЕР, учившей Александру русскому языку, когда она еще была принцессой Гессенской, невестой Николая Романова. (См. в главе «По Романовскому следу».)

БЕСЕДЫ В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ СОН О ЧУЖОМ ПАМЯТНИКЕ

– После того как уничтожили кладбище возле Никольского храма, многие мотовилихинцы стали хоронить близких на Егошихинском. У нас там семейный участок, и мама моя там же. Мы ей долго не могли памятник поставить, все не на что было. Вот муж-то и предложил однажды: давай пока поставим твоей матери крест с могилы моего отца (тому как раз новый памятник поставил завод, на котором он всю жизнь работал). Ну, согласилась я, а то ведь займут место, в самом деле, под другую могилу. И после этого мне стала сниться мама, да так нехорошо! Однажды показалось, что веревку привязывает к изгороди и набрасывает на меня, словно душить сейчас вот-вот будет. Другой раз сижу на крылечке нашего дома, вижу: она идет. Ну, я догадываюсь уже: сейчас мучить будет меня – и с криком бегу к дедушке на Висим (он любил меня очень). Я уж и к невропатологу ходила, и в церковь. В церкви мне посоветовали молиться, но ничто не помогало. И только когда крест поставили на маминой могилке новый, тогда она от меня отстала. Нельзя ничего чужого на кладбище брать...

Там же, на Егошихинском, неподалеку от участка Русских, есть могила нашего родственника, красного командира Андрея Степановича ПОТКИНА. Пустая могилка-то. Вдова закопала на том месте только фотографию его... Сам он был расстрелян в 1938 году. В Биробиджане служил в то время, под командованием Блюхера. Может, и пронесло бы мимо, да не стерпела душа Андрея, возмутился, когда арестовали его командира. Вызвался отвезти письмо в Москву, на имя наркома Ворошилова, в защиту Блюхера, значит. Сразу после этого и был

арестован. Всего 35 лет прожил. Мы считаем, что могилка его (кенотаф, символическое захоронение. – В. Г.) – здесь, рядом с его тещей Л. А. Мотовиловой-Ижболдиной.

Мargarита Николаевна МУРАШЕВА (РУССКИХ).

Жертвами красного террора стала и группа белогорских монахов (захоронения возле Всехсвятского храма), один из которых теперь причислен к лику местночтимых святых новомучеников. В самом отдаленном углу Нового кладбища прихожане Всехсвятской церкви показали нам холм – братское кладбище монахов, священников, расстрелянных в годы гражданской войны (XI).

Священник отец Леонид (ЗУБАРЕВ), похороненный у изгороди Всехсвятского храма, потерял остатки своего здоровья (он уже перед арестом был болен) в северных лагерях. Его усиленно обрабатывали чекисты, стремясь сделать своим «стукачом». Сломать не удалось...

У могил белогорских монахов в родительские дни наводят порядок прихожане Всехсвятской церкви.

Епископ ХРИСАНФ,
в миру Христофор Гаврилович
Клементьев *.

Много лет провел в сталинских лагерях и священник Степан Савельевич КОСОЖИХИН (1884–1958). По воспоминаниям дочери, его профессию долгие годы даже скрывали от детей, говорили: «Был железнодорожником». Служил он до ареста в Оханском районе, а умер в Перми (IX).

Место, почитаемое верующими, есть и возле Успенского храма: у надгробий священников отца и сына Ярушиных похоронен епископ Соликамский (1924–1930) и Пермский (в 1930 г.) ХРИСАНФ (Христофор Гаврилович КЛЕМЕНТЬЕВ, предположительно род. в 1862 г., ск. в 1931 г.). По сведениям П. Агафонова, о. Хрисанф был настоятелем Соликамского мужского монастыря, когда принимал участие в торжествах в Ныробе по случаю предполагавшейся канонизации

боярина Михаила Никитича Романова, дяди первого царя из династии, отмечавшей в 1913 г. свое 300-летие (канонизация не состоялась). В разные годы о. Хрисанф служил в пермских Петропавловском и Свято-Троицком соборах (на Слудке и в Мотовилихе). Подвергался арестам и ссылкам.

В книге «Годы террора» (Пермь, 1998 г.) говорится о трагическом конце одной из славных представительниц пермской интеллигенции. В годы гражданской войны бывшая начальница мужской гимназии 57-летняя О. В. ЦИММЕРМАН была арестована ЧК «за агитацию против Советской власти» и умерла в исправдоме № 1, проведя в заключении более 14 месяцев.

В лагере погиб известный краевед, юрист В. Н. ТРАПЕЗНИКОВ, автор летописи г. Перми (1874–1937). Его родственники похоронены как раз вблизи памятника жертвам репрессий. Владимир Николаевич был и активным «левым», участником революционного движения на Урале, в 1902 г. сидел в царской тюрьме. А приговорен к расстрелу краевед был как «участник

контрреволюционной повстанческой организации Перми, которая ставила своей целью свержение Советской власти путем вооруженного восстания». Его обвиняли в том, что «вместе с В. Владимирским пытались сорвать вооруженное восстание в Перми в 1905 году...»

В жизни ученого с мировым именем доктора геолого-минералогических наук П. Н. ЧИРВИНСКОГО также был долгий период, который он сам позже окрестил, как вспоминал его сын, «нордической фазой» – поскольку прошла она, после ареста в ночь на Рождество 1931 г., на севере, в Ухте, Карелии, на Кольском полуострове. Десять лет концлагерей ученый получил по 58-й статье за... «сокрытие недр» (XIII).

Как известно, жертвами тоталитаризма становились не только «социально чуждые» и люди с «подозрительными» фамилиями. Есть недалеко от Всехсвятской церкви могила, к которой родственники однажды принесли щепотку земли, взятую на севере Пермской области, на месте бывшего лагеря, где теряются следы предка – простого крестьянина.

БЕСЕДЫ В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ ГОРСТЬ НЫРОБСКОЙ ЗЕМЛИ

– Семья наша корнями происходит из Ординского района, жили в деревне Серкино. Выселили «кулаков» на север Чердынского района, спецпоселенцы, мы, значит. Под Ныробом глава семьи и умер в 1939 г., звали его Григорий Владимирович ЧЕСТИКОВ. В семье было восемь детей, из них шесть сыновей. Пришел срок, парней взяли в армию, и почти все они погибли на фронте. На таких людях и выстояла страна, фактически, разве не так? А женщинам разве легче было? Одна из них, Анна Иосифовна Макарова, моя мама, работала в войну медсестрой, о таких, как она, написала свою повесть «Спутники» Вера Панова. А в Чердынский район мы съездили помянуть предков уже недавно, когда об этом можно стало писать и говорить без боязни. Тогда и горсточку земли привезли сюда, символически воссоединили нашу семью...

И. А. БАКЛАНОВА (МАКАРОВА).

Не секрет, что среди репрессированных было немало правоверных большевиков. «Жрал детей своих медведь-шатун, русской революции Сатурн» (А. Вознесенский). К таким жертвам можно причислить и латыша Франца Андреевича

АНДЕРСОНА (1895–1951): последние годы жизни работал доцентом ПГУ, но в его жизни были годы, проведенные в «сталинском санатории» (III).

Трагично сложилась жизнь у семьи пермяков по фамилии МАРКС: Михаил Федорович (1896–1939), Анна Максимовна (1900–1947) и Юрий Михайлович (1924–1943) (VIII). Неподалеку похоронен Станислав Петрович Маркс (1894–1951).

БЕСЕДЫ В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ ПЕРМСКИЙ МАРКС ВЫЖИЛ ЧУДОМ

– Мы из обрусевших немцев, семья наша в Пермь приехала из Нижнего Тагила. Мой папа, Станислав Петрович, педагог, литератор, преподавал в авиатехникуме и библиотечном техникуме. Вел одно время курсы в Свердловске для работников НКВД. Осенью 37-го папу арестовали по клевете, он полтора года просидел в тюрьме, был уже в камере смертников. И тут его увидел работник НКВД, который учился недавно у него на курсах. Этот начальник очень удивился. Пообещал разобраться и... делу действительно удалось дать обратный ход. Отца освободили, но из техникума все-таки уволили. Он очень переживал тогда, помню. В поисках работы пришлось уехать в Оханск... На этом же кладбище похоронены мои двоюродные братья.

Валерия Станиславовна ТЕЦЛЕР.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РАБОТА

ще в 70-е годы у стен Всех-
святского храма стояло над-
гробие с чугунным ангелом.
(Его фотография украшает
обложку книги «Над Стиксом.

Пермская эпитафия». – Пермь: «Пушка»,
2000). Теперь уж ангела, или архангела,
нет, куда «улетел» со Старого кладбища –
неизвестно. Создается впечатление, что пе-
ред натиском вандалов все ангелы в ужа-
се разбежались в поисках убежища и...
выжили лишь те, которые спрятали свой
лик. Так, каменный ангел, конечно, с об-
ломанными крыльями, стоит на одном из
отдаленных участков Нового кладбища (VII).

У развилки дорожек возле церкви Ус-
пения Богородицы стоят по соседству два
удивительно разных по духу и исполнению
надгробия. Одно, семьи СИБИРЯКОВЫХ,
представляет собой высокий, метра четыре, «собор» из покрашенных труб,
довольно искусно выгнутых, сваренных и собранных «под купол» уральскими
умельцами. Образчик творчества первых лет Советской власти, отражающий и
уровень развития ремесла, и переходное качество состояния умов пермяков.

А рядом – небольшое полутораметровое каменное надгробие, глубоко врос-
шее (так и хочется сказать: словно вжавшееся от стыда) в мать-сыру землю.
На одной его стороне неизвестный скульптор искусно вырезал ангела, читаю-
щего Евангелие. Весьма символично соседство двух столь разных надгробий,
оно выражает скрытую суть развития исторического кладбища. Когда я обна-

Скорбящий ангел – надгробие
неизвестному пермяку
(рис. Д. Кононова).

ружил «Читающего ангела», этот глубокий рельеф был весь затянут зеленым мхом. Неизвестный мастер, неизвестное захоронение. На левой стороне памятника сохранилось первое слово молитвы, выбитой на камне: «Господи...» (II).

В моем представлении это надгробие связывается с именем художника Африкана Шанина, который был погребен где-то неподалеку. Судить об этом, увы, мы можем только по сохранившимся каменным «голгофам» его родителей, у самой асфальтовой дорожки, ведущей к Успенской церкви.

На территории некрополя сохранились практически все типы надгробий: кирпичный «домик» под кровельной крышей и старообрядческий голубец (к этому виду памятника в словаре В. Даля дается характерное примечание: «ныне они запрещены»), мальтийский («масонский») крест и «голгофа», обелиск и «аналой» с Евангелием, скульптурный рельеф и рисованный портрет, часовня и семейный мавзолей-усыпальница, арка и саркофаг, склеп и звонница... А кроме того – немало оригинальных памятников самой неожиданной формы, из разнообразных материалов – от местного камня до чугуна и речной ракушки.

Еще М. Осоргин писал («Времена») про Егошихинское кладбище: «Деревянные кресты уже давно сгнили и упали, уцелели только каменные гранитные памятники и несколько часовенных склепов». А бродил он здесь в конце прошлого века.

Самым старинным художественным надгробием можно считать плиту на могиле иконописца П. П. ВЕРЕЩАГИНА. Когда мы откопали ее, то увидели орнаментальный узор по всему периметру, вверху – крест, внизу – палитра. Правнучка Петра Прокопьевича И. Е. Раевская (Верещагина), приезжавшая в Пермь из Торонто, рассказала, что, по воспоминаниям ее мамы (то есть дочери Василия Петровича), были на каменной плите еще кисти художника, из металла, но до нас они не дошли. Сохранилась надпись: «Под сим камнем покоится прах пермского живописца Петра Прокопьевича Верещагина скончался в енваре ...» (год сбит, должен быть: 1843) (III).

Самым знаменитым памятником из чугуна (а не бронзы, как написал в своем эссе М. Осоргин) является, пожалуй, надгробие незаконнорожденной и проклятой матерью дочери исправника ДЕВЕЛЛИЯ в образе змеи, кусающей себя за хвост. Плита сделана не без остроумия и с грубоватой уральской изящностью: маска, прорезанная в металле, способна произвести действительно отталкивающее впечатление (сейчас надгробие демонстрируется на диораме).

Чугунный саркофаг майора ТЕПЛОВА выполнен по рисунку академика архитектуры И. И. Свиязева, с барельефными фигурами русских воинов на

боках (III). По соседству мы находим еще один саркофаг, но уже из камня – на могиле пермского мещанина В. А. ГАЛЬКОВА.

Рядом есть надгробная плита-«мумия», вытесанная из камня в стиле древнеегипетских гробниц, но с нанесенным на нее православным крестом – на могиле В. А. ЛЕПИХИНА.

Стили – на все вкусы. Издалека виднеется изящная мраморная «древнегреческая» колонна, классицизм, – надгробие врача-венеролога Н. Ф. СИЛУГИНОЙ-КУШНЕВОЙ (1911–1940) (III).

В квартале Верещагина обращает на себя внимание памятник в виде сломленного ствола дерева (НАГРОДСКИЙ Леонид Юлианович). Типовой, в общем-то, памятник, разве что увеличенных размеров, должен выражать скорбь родителей по рано оборвавшейся жизни: по одной из версий, 23-летний подпоручик-артиллерист погиб на дуэли 18 ноября 1896 г. Как в народе говорится: собираемся жить с локоть, а живем с ноготь... Надгробия родителей юного офицера – скромные «гольгофа» и «аналой».

Здесь встречаются каменные надгробия-купели, увенчанные крестом: Кирилл Карлович ВОЛЬНИ, купец А. Г. КАЛАШНИКОВ (III). Не редкость также кресты в виде дерева со срубленными ветвями: на могилах врача Е. П. СЕРЕБРЕННИКОВОЙ (X), непрямого члена Пермского губернского правления И. У. СМОЛЕНСКОГО (IX). Крест, вырастающий из каменного сруба – на могиле Г. А. ОКУЛОВА (XI). Другая разновидность креста (железного) со скульптурным рельефом Христа в средокрестье (в том же квартале, безымянное надгробие), а также на могиле СИЛИНЫХ (III).

Крест стал определять «лицо» русских кладбищ со второй половины XIX века. Известное триединство – православие, самодержавие, народность – оказало влияние и на русскую мемориальную пластику. Если прежде крест использовался как элемент композиции, то в эти десятилетия он становится самостоятельным видом памятника. Исполняли его уральские мастера в чугуне, известняке, мраморе, устанавливали на «горки-гольгофы», «скалы», колонны, пьедесталы различных конфигураций. Чаще других заказывали крест «в клевер» – символ Троицы и Воскресения. Латинский крест (или католический) ставили и на могилах православных, например, в семейной оградке ПАНФИЛОВЫХ (II). Выразителен крест с небольшой скульптурой распятого Христа на могиле Апполинарии БРЫЗГАЛОВОЙ (VIII).

В тот же период распространение получили памятники в виде церковного аналога с раскрытым Евангелием, часовенок в русско-византийском стиле. Оригинально претворена идея раскрытого Евангелия на могиле А. А. МИТРОВА (1859–1893). На каменном прямоугольном постаменте метровой высоты плита с изображением креста, накрытого Евангелием. Стих на нем высечен следующий: «Приидите ко мне все труждающиеся обремененные аз упокою вы» (X). Рядом – простое надгробие на могиле отца Митрова, умершего в 1867 г. Примечательно и соседнее надгробие – А. В. МОТЫЛЬСКОЙ (1875–1897): массивная каменная «часовня», с лампадницей, крестом и эпитафией.

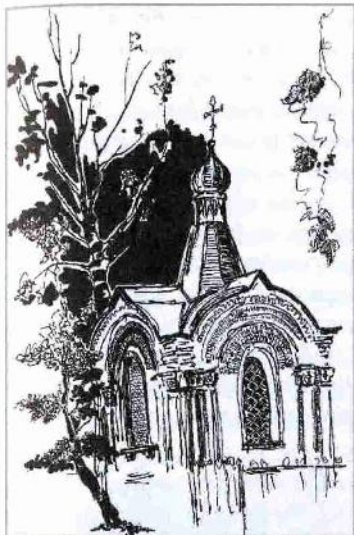
Тематический и стилиевой диапазон провинциального кладбища скромнее, чем на знаменитых российских некрополях в столицах, крупных монастырях и лаврах. Но сказать, что Пермский некрополь менее разнообразен, – нет, нельзя.

Немало здесь обелисков, траурных урн, амфор, светильников, вылепленных, отлитых и вытесанных с разной степенью мастерства. Из серии надгробий-жертвенников выделяется размерами – более трех метров в высоту – памятник на могиле А. П. АВЕРКИЕВОЙ (ск. в 1904 г. 45 лет). По виду он несколько напоминает русскую печь (VIII).

К типовым надгробиям относятся и каменные колонны, к которым прикреплены наискосок кресты. Удивительно другое: самое большое, 4–5-метровое подобное надгробие (слева от Успенской церкви), оказалось безымянным. Такое же, но уменьшенных размеров, сохранилось над захоронением родственников архитектора Н. А. ШВАРЕВА (III). Сам зодчий был похоронен на Верхнемуллинском кладбище.

Возле Успенского храма в начале XX века была поставлена часовня, построенная в том же византийском стиле, что и сама церковь, видимо, автор тот же – архитектор А. Ожегов. Предполагают, что строилась часовня тщанием купцов Агафуровых (у которых был лучший в городе галантерейный магазин «Пермский Мюр и Мэрилиз»). А одна старушка-прихожанка вообще сказала, что строил ее «нацмен», который пожелал остаться неизвестным. Сейчас это часовня Сергия Радонежского.

В разных концах некрополя обращают на себя внимание семейные мавзолеи или усыпальницы, сплетенные из толстой проволоки и подведенные под купол с крестом. Сохранилось их около десятка. Пришедшие уже в ветхое состояние, эти мавзолеи своими причудливыми очертаниями могут напомнить

Часовня св. Сергия Радонежского
(рис. В. Новикова).

романтически настроенному посетителю скелеты каких-то доисторических существ. Люди сюда еще ходят, сидят под сенью «скелетированных» усыпальниц, прислушиваются к пению оголтелых кладбищенских соловьев. Например, у ИВАНОВЫХ (в оградке Успенской церкви), у ПАНАЕВЫХ (XII)... Не сидят родственники только на иудейском участке, хотя там это мемориальное сооружение также сохранилось, на могиле Т. Л. СИМАНОВСКОЙ. Подобный мавзолей отреставрирован на польском участке.

Что интересно, подобные «шатры» были возведены и в советское время – над могилами героя гражданской войны Степана ОКУЛОВА (осталось только основание в виде пятиконечной звезды) и героя цыганской разборки «барона» Романа, сына Янко ГОНЧАРОВА.

По оригинальному рисунку создавалось надгробие в виде памятника-«храма» протоиерею Евгению ПОПОВУ (у Всехсвятской церкви). Здесь же, в оградке храма на могиле княгини МАКСУТОВОЙ, стоит еще одно необычное надгробие: своеобразный «барабан на четверик», увенчанный крестом. Неподалеку от этого храма – каменная арка на могиле супругов ПОПОВЫХ (семья церковнослужителей). Такая же арка установлена на могиле ПОНОМАРЕВЫХ отца и сына (II), КУСАКИНЫХ (VI, у тропы П. Н. Серебренникова).

В иудейском секторе встречаются надгробия с изображением меноры (свещильника) и кистей рук, словно в молитве воздетых к небесам, – это символ памяти и принадлежности похороненного здесь человека к колену священнослужителей. По воспоминаниям пермских старожилов-евреев, были здесь и памятники с изображением кружки – другим символом принадлежности к духовным лицам (из кружки после службы шло омовение рук). У инженера-технолога Анания БЕРНШТЕЙНА на надгробии-«пирамиде» – рисунки инструментов.

Время накладывало свои отпечатки на тип надгробия. Так, на рубеже веков особенно видно, что люди, имевшие много денег, но мало вкуса, старались выделиться даже на кладбище. Стоит только посмотреть на огромных размеров каменные колонны, обелиски на могилах купцов (что на СК, что на НК). Или высоченные памятники на еврейском кладбище. Рядом с могильными «небоскребами» уже в другие времена появились надгробия в виде каменного лежа с небольшим возвышением-«подушкой», словно приглашенные жизненными бурями. Образ времени: такое надгробие труднее будет «сковырнуть»...

На рубеже веков на пермском некрополе стали также проявляться новые художественные стили, пышными цветами расцветала броская эклектика. Эстетика модерна четко прослеживается в изумительной красоты металлических крестах и оградке на могиле Н. Е. РОЗЕНТРЕТТЕРА (1848–1877) и его родных. Еще один образчик стиля модерн (ИК, возле могилы раввина Линденбраттена): памятник (фамилия сбита) представляет собой своего рода изящную металлическую раму зеркала, стоящего на массивном каменном основании с восьмиконечной звездой. Только вместо «зеркала» – пустота...

Прекрасное каменное надгробие в неорусском стиле было сотворено пермским лепщиком Петром АГАФЬИНЫМ (собственноручно вытесанный камень он завещал поставить на свою могилу). Памятник, увы, разбит, а о мастере осталась память в лепнине дома Грибушина и других пермских особняков. Что касается мемориального наследия, то можно предположить, что П. Агафьин работал над памятником М. И. ЛУШНИКОВУ. На бетонном обелиске – профессионально сделанные ангелочки и небольшой лик Христа (IX – возле оградки Героя Советского Союза Исакова).

В квартале Серебренникова соседствуют два безымянных креста, выполненных с явным знанием народного ремесла. Двух-

Надгробие пермского лепщика П. Агафьина, изготовленное им собственноручно.

метровый деревянный крест изукрашен резьбой, представляющей растительный орнамент и солярные (солнечные) знаки. А в двух шагах – металлический кованный крест на «горке», причем в нижней части креста есть серповидный месяц, а из круглого средокрестья исходят лучи, тонко выделанные.

Интересно решено надгробие детской писательницы **Е. Ф. ТРУТНЕВОЙ** у Всехсвятского храма: каменный обелиск с эпитафией (ее стихами) и фотопортретом поставлен на стопку книг. Памятник с арфой, в разных вариациях, видим на могилах Антонины **ТЫПИЛЮК** (X) и дирижера, педагога **Людвига ВИНЯРСКОГО** (XI).

Другое художественное надгробие в виде арфы, на которой изображение скрипичного ключа, на могиле **Оленьки ЛАКШЕВИЦ**, жизнь которой оборвалась в 1953 году, когда ей не было и десяти лет. Кто знает, возможно, эта «пчелка» тоже любила читать стихи Трутневой (XIII).

Много загадок хранит еще старый некрополь... Не один посетитель некрополя ломал голову, что символизирует стела с завитушками на могиле **П. Ф. БИЛИБИНА** (1896–1952) (V – КК).

Возле Всехсвятского храма стоит железный крест, на котором умельцы изобразили в «сердечке» подзорную трубу, рядом – обычные символы сцены распятия Христа: не забыли лестницу, подобие копья, скипетр, а у самого основания креста буквы «НИК.» – сим победиши. А профессия человека, захороненного здесь, – врач Юговской больницы **П. П. БЕЛЯЕВ** (ск. 25 мая 1912 г. 32 лет). Почти те же символы встретятся нам и на другом чугунном кресте – на могиле девицы **Анны РОЖКОВОЙ** (ск. в 1901 г. 16 лет 6 месяцев). На трех восьмиконечных окончаниях креста искусно напаяны ангелочки.

У самой оградки Всехсвятского храма сохранилось надгробие неизвестному пермяку – в образе нефтяной, или лагерной, вышки... или башни **Татлина** (VII).

Могила поэтессы **Е. Трутневой** – одна из самых посещаемых.

Но верхом самовыражения исполнителя надгробия является чугунный памятник на могиле неизвестного (XI). Двухметровое круглое сооружение, напоминающее не то высокую печку-«буржуйку», не то постамент для героя, венчает его стилизованная «стреляющая» пятиконечная звезда. Сильный образ. Оградка также из чугуна. Все массивное, на века – этаким памятником неизвестному железнодорожнику или коммунисту... Напротив (XIII) – еще одна оригинальность из чугуна: памятник полковнику ЯРГУНКИНУ (1900–1954) решен в образе паровоза.

В квартале выдающихся пермских медиков (слева от саркофага Теплова) находится оригинальное надгробие доктора А. А. ЯКОВЛЕВА (1895–1951), изящное выгнутое из толстой проволоки, удачен и профессиональный символ – чаша со змеей. Любопытно и надгробие С. В. БЕРЕЗНЯКОВА (1892–1943): металлический ажурный памятник, отдаленно напоминающий крест, венчает... красная звезда. Своеобразный символ переходного периода.

Надгробие САНЖИНЫХ решено неизвестным мастером в образе лучистого солнечного круга, внутри которого – крест, и все из обычного железа (VII). Неподалику от Успенского храма сохранился также металлический памятник в виде пропеллера.

Скульптурные барельефы встречаются на надгробиях часто: майора ТЕПЛОВА, авиатора В. А. ШАВРИНА, педагога О. М. ВАРФОЛОМЕЕВОЙ, М. Е. ВАЖЕНИНОЙ, Г. Т. РОСЛЯКОВА... Объемная скульптура представлена образом Скорбящей матери (скульптор Ю. Екубенко) и ангелом (VII). В 1996 году на высоком обрыве над речкой Стикс появилось сооружение в память о репрессированных пермяках: звонница с колоколом (архитектор М. Футлик).

Отрадно заметить, что в последнее время, после того как было принято решение властей о постановке некрополя на государственный учет (местного значения), на многих могилах стали появляться новые памятники, нередко художественной работы. Например, на могилах Е. И. БАЛАШОВОЙ, подполковника Н. П. ПЛОТНИКОВА, преподавателя Д. Н. БЕРГА, в семейных оградках КУЗНЕЦОВЫХ, КУТЕНКОВЫХ, СТРЕЛЬНИКОВЫХ...

Встречаются и красивые железные решетки, ограды, скамейки, например на семейном участке ОРЛОВЫХ (XII), КОПЫСОВЫХ (X).

На рубеже веков художественные надгробные кресты выполняла московская фабрика «В. Виллер на Покровке». Великолепные образцы «расцветших» крестов (правда, поржавевших) – в семейных оградках священников БУДРИНЫХ и купцов ДОСМАНОВЫХ (VIII). С конца 90-х кованые железные кресты появляются и на Егошихинском кладбище.

ПЕРМСКАЯ ЭПИТАФИЯ

МЫ БИБЛИЮ ЧИТАЛИ ПО НАДГРОБЬЯМ...

последнее время прихожане Успенской церкви (старокладбищенской) нет-нет да поднимают перед городской властью вопрос о том, что такую красавицу-церковь не стыдно и всему миру показать. Для этого предлагается проредить заросли, убрать несколько высоких деревьев, начиная от памятника Скорбящей матери, «чтобы люди, проезжающие по дамбе, увидели храм Божий и могли бы в нем помянуть воинов...»

Предложение сие дальнейшего хода не имело... Испокон веков кладбищенские храмы, приходы на русских погостах жили несколько особенной жизнью, более сокровенной, нешумной и сосредоточенной. Удаленные от суеты мирской, эти места настраивают человека на возвышенный, умиротворяющий и философский лад...

За состоянием могил призывали, кроме родственников, прихожане кладбищенских храмов. У стен их хоронили, как правило, клир и наиболее активных верующих, а также жертвователей. Не случайно и порядок на некрополе начал водворяться с участков, прилежащих к церквам. Будем надеяться, эти два круга цивилизованного, ухоженного пространства распространятся и далее, на все кладбище.

Вспоминаю первый наш субботник возле Успенской церкви и первые находки. Наткнулись на обломок чугунной плиты, на которой остались слова: «...живот... здесь жена УДИНЦЕВА 1827». Позднее удалось восстановить полный текст эпитафии, нанесенной на плиту жены пермского чиновника:

«Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробах живот даровав» («живот» – здесь: жизнь.– В. Г.).

Мы с дочкой откапывали каменный «аналой», столбик, почти целиком ушедший в «культурный слой». Сверху на этом надгробии изображена раскрытая книга, Евангелие. Когда расчистили надпись, прочитали: «Павел Иванович

ЛЮБИМОВЪ священноіерей. От братьев». Похоже на то, что в данном случае братья не погрешили против вкуса и совести: надгробие человеку, усердно замаливавшему их грехи, поставили скромное и достойное, не бьющее вызывающей роскошью.

Историк А. А. Дмитриев в своем очерке о купеческой династии Любимовых пишет: «В XVIII веке фамилия Любимовых встречается в духовном звании в числе священно-церковнослужителей Петропавловского собора, в Егошихинском казенном заводе, а еще раньше их предки жили в селе Верхние Муллы в крестьянстве. Таково было происхождение фамилии...» Самый знаменитый из Любимовых, Иван Иванович, коммерции советник, из-за размаха своей

деятельности заслуживший прозвище «русский американец», был похоронен на АД, как пишет очевидец, «при собрании народа в несколько тысяч человек».

Другое открытие, потрясшее меня, связано уже с архивными «раскопками». В тетради В. В. Голубцова «Материалы для биографического словаря достопамятных людей Пермского края» (ГАПО) я обнаружил однажды сведения о замечательном человеке, которого современник назвал «учителем учителей, философом и политиком». Речь идет о священнике Антонии ПОПОВЕ. Эпитафия с надгробия его на Старом кладбище, пока не обнаруженно-го (ск. 13 августа 1788 г. в возрасте 40 лет) содержит ценные биографические сведения, здесь дана характеристика одного из лучших представителей церковной интеллигенции Урала. Названа эпитафия также довольно необычно: «Антонию от гроба».

Смотритель что под сим давно уж я скрываю
Я прах священные особы охраняю,
Антоний телом здесь изволит почивать
А кто он был таков, сейчас тебе дам знать.

Самое старинное надгробие: здесь покоится купец В. Г. Лапин.

Не столько трудна вещь на свет кому родиться,
 Труднее знать уметь как в свете обходиться,
 Снискать достоинства, честь, веру сохранить,
 Себя самого знать, от всех любиму быть.
 Антоний преуспел во всем том совершенно
 Он сердце к алтарю имел всегда разженно *
 Сей муж достойнейший был протоиерей
 А кроме был того он сердцем и душой,
 С друзьями верный друг, учитель был закона,
 В особе он своей хранил компаниона.
 Он подлинно от всех был честен и любим
 Политик, эконо́м, учитель учитель
 Философ, богослов и пастыреводитель.
 Но, Боже, промысел Твой исполнил что над ним
 Который глас вещал всечасно на кафедрах
 Любите ближнего, любите Бога все
 Сей глас уже сокрыт в земных теперь недрах
 Но дух покоится его на небеси.

А. И. Попов был сыном священника села Ключевского Кунгурского уезда (позже Красноуфимского), воспитывался в Вятской семинарии, где потом был учителем аналогии, поэзии, риторики и философии. С 1776 г. служил протоиереем в г. Кунгуре в Благовещенском соборе, затем был переведен в губернский город Пермь и, как свидетельствует летописец, «при переименовании Ягошихинской церкви Пермским Петропавловским собором» в 1781 г. назначен протоиереем в этот собор. Таким образом о. Антоний стоял у самых истоков истории нашего города. А. Попов был и поэтом, сатириком (см. его «Краткий пермский словарь с российским переводом...», 1785 г.).

Теперь перейдем к одному из православных священников, наиболее талантливо исполнивших свою миссию. У алтарной стены храма Всех Святых обращает на себя внимание надгробие изящных архитектурных форм – Евгению Алексеевичу ПОПОВУ (ск. в мае 1888 г.), почетному члену Санкт-Петербургской духовной академии, «устроителю часовни св. Стефана Великопермского». «Праведный протоиерей», организатор Стефановского общества в Перми, историк

* «Разженно» – возможно, от слова «разожжено»? Здесь и далее сохраняется орфография подлинника. – В. Г.

Пермской епархии был также известен как писатель, полемизировавший даже с русскими классиками (см. Н. Лесков, «Мелочи архиерейской жизни»).

«Родина наша для каждого из нас любезна» – этими словами о. Евгения, сказанными им по случаю 100-летия Перми в 1881 г., был назван вечер клуба «Пермский краевед», который был посвящен 200-летию Пермской епархии.

Перед центральным входом в ту же Всехсвятскую церковь покоятся представители целой династии священнослужителей БУДРИНЫХ (четыре креста). Один из них, протоиерей Иоанн (1844–1912), как явствует из надписи на надгробии, прослужил «при сей церкви 42 года 10 месяцев».

Таких династий представлено здесь немало...

Над Стиксом представлены также династии пермских иконописцев: Кашины, Бабины, Мамаевы, Верещагины. Но эпитафия сохранилась только на каменной плите Петра Прокопьевича Верещагина (см. в главе 9).

Война с церковью на уничтожение, годы гонений на верующих нашли свое отражение и на мирном кладбище. Судьба так распорядилась, что именно здесь упокоилась, наверное, последняя из благочинных насельниц Успенского женского монастыря (а также Обвинского монастыря, у которого было подворье в Перми), основанного купцами Каменскими, – это монахиня АСЕНЕФА (Акулина Николаевна КОНОВАЛОВА). Умерла старушка в 1954 г., на 83-м году. Обо всем этом мы узнаем из надписи на скромной железной пирамидке (X).

У скромной могилки протоиерея Леонида Васильевича ЗУБАРЕВА (1881–1952) мы остановились однажды, чтобы послушать от старушек, местных прихожанок, историю жизни этого замечательного пермяка. В 1932 году священник был арестован, приговор по печально знаменитой 58-й статье звучал так: «заключить в концлагерь сроком на три года...» (цитирую по книге П. Агафонова «Духовенство Пермской епархии в 1928–1965 гг.»). Советская «охранка» усиленно, изощренно обрабатывала о. Леонида, пытаясь сделать его своим стукачом (и выдавала его за такового). Верующие рассказывают, что отцу Леониду предоставили возможность остаться в более «теплом» месте, но батюшка отказался от «льготы», сказав, что пойдет в шахты вместе со своими прихожанами. Этапирован он был до станции Медвежья Гора, на Беломорканал. Здоровье священника было сильно подорвано (а ведь уже до заключения он был инвалидом), привезли его в Пермь уж умирать. «Но Бог призвал – пошел слушать...» В 1943 году протоиерей стал настоятелем храма Всех Святых, а с 1945

года был еще и председателем епархиального совета, правда, недолго... Похоронен о. Леонид у самой изгороди Всехсвятской церкви. Два железных креста на могилке, позже здесь и матушка, верная спутница жизни, упокоилась, она и эпитафию заказала:

«Ушел мой незабвенный друг в Покров пречистый и святой в неведомый нам грешным мир другой...» (X).

По соседству на надгробном «аналое» П. А. АНДРЕЕВА (ск. в 1877 г. 78 лет) и его младенцев – следующая цитата: «Егда мертвые услышат глас Божий и услышавши оживут». Этой же надеждой питают и слова эпитафии ОРЛОВЫХ (два «аналоа», конец XIX века).

Довольно часто «цитируется» библейское изречение, встретившееся на большом каменном надгробии-«горке» Александра Иосифовича БЕРА, начальника Пермского железнодорожного училища (ск. в 1900 г.): «Приидите ко мне еси труждающиеся и обремененные и аз упокою вы» (I). Причем выбита эпитафия на свитке, а не на страницах Евангелия.

Библейские изречения, молитвы приводятся в некрополе на самых разных языках. Надпись на памятнике бывшего польского ссыльного, врача Здислава ЯНЧЕВСКОГО, скончавшегося от чахотки в 1872 г., гласит: «Вечный покой благоволите мне дать, Господь. Небесное сияние пусть светит во веки веков. Аминь» (KK).

Хорошо сохранилась эпитафия Паулины ДЕЛЛИНГЕР: «Претерпевший же до конца – спасется», из Евангелия от Матфея, гл. 10, ст. 22 (ЛК). В отличие от многословных эпитафий в Домском соборе Риги пермские немцы, как правило, были более лаконичны, сдержанны в излиянии своих чувств.

На надгробии Е. И. ДМИТРИЕВОЙ (1898–1950) прочитывается эпитафия как напоминание всем нам, ныне живущим:

«Ты не мертва, «мертвы только те, которые забывают» (XI).

...Очень хотелось найти на Егошихинском кладбище одно библейское изречение, которое когда-то давно я «открыл» (для себя) на старом погосте в Литве, в Каунасе. Да, хотелось; здесь мы имеем дело с известным парадоксом жизни нашего общества: несколько поколений, лишенных общения с Библией, знакомились с вечной книгой только по картинам русских художников в «историческом» жанре да по старинным надгробным эпитафиям. Вместо старинного Каунасского (Ковенского) православного кладбища тогда уже

разбили парк, могилы ушли под асфальт (не приведи Господь повториться такому варварству в нашем городе!), но у стен не действовавшей православной церкви сохранились несколько надгробий, и эпитафия на одном из них поразила меня своей мудрой афористичностью и актуальностью.

И вот однажды на небольшом камне у стены церкви Всех святых на Егошихинском кладбище я углядел-таки ту самую эпитафию, с которой начинался мой интерес к изучению Библии: «Больше сей любви никто же имати, а кто душу положит за други своя». В современном переводе этот стих (Евангелие от Иоанна, гл. 15, стих 13) звучит так: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». Фамилии, увы, было не разобрать: она также закатана асфальтом. Прочитал только, что «под камнем сим покойтся добрый человек», что он скончался 6 августа 1883 г. 52 лет. (Позже удалось разобрать: возможно, фамилия этого доброго человека ЖДАХИН, имя Александр).

«Я НАЧИНАЮ» —

такую эпитафию заказал себе Жан Кокто, французский литератор, художник, сотрудничавший с С. Дягилевым. Кому-то это покажется оригинальничаньем, но какая мысль скрыта в парадоксе! После земной юдоли каждого из нас ждет другая жизнь. Какая?..

Изучая историю заповедного мыса, мы нашли здесь изрядно интересных, поучительных, а то и просто забавных эпитафий.

Но начнем мы с тех надгробных надписей, которые явились ценнейшими источниками сведений о зарождении нашего города. Эпитафии помогают нам понять, какие люди стояли у истоков Перми и насколько изменились по сравнению с ними мы сами...

Итак...

Правитель, гражданин, что вкупе заключает
Кручинин Константин здесь телом почивает
Чрез сорок ровно лет, на свете как он жил,
То обществу Перми немало послужил.
Во-первых, был чрез три он года бургомистром,
За то и награжден от всех похвальным листом.

Как звание сие вторично отправляя
В день Пасхи самой то течение скончал
И кратку жизнь свою правдивостью прославил.
Пример не алчности к богатству он оставил
Всю Сидорович жизнь на то и посвятил:
Гостеприимством всех и каждому платил.
Теперь с духами тех его дух обитает,
Которых уже смерть зато не устрашает.
Сокровища, что он земного не скрывал,
Всегда небесное умом воображал.

Посвящены эти строки Константину Сидоровичу КРУЧИНИНУ (ум. 1 апреля 1795 г., СК, надгробие пока не найдено, но установлено, что еще в 1930-е годы оно было, эпитафия, названная авторами «курьезной», цитируется в путеводителе по Перми 1926 г.). Стихи «доморощенные», но для историка это – первоисточник, чем не послужной список видного пермского гражданина, дважды бывшего бургомистром?.. Кроме того, это оригинальный литературный памятник, который в живописи сродни наивному «примитиву», чистому и безыскусному творческому стилю.

К концу XIX века эпитафий на могилах стало появляться заметно меньше, они уже не такие многословные. Связано это с тем, возможно, что больше стало профессиональных писателей, то есть людей, которые жили на заработки от сочинительства, общество «посерьезнело» по отношению к этой сфере творчества. Хотя проявлений дилетантства, печального графоманства нам немало явит и следующий, XX век, тем более что кладбище всегда обходилось без цензуры, но об этом речь впереди.

Обратимся за примером к Н. С. Попову (1763–1834) – директору Пермских училищ, надворному советнику, одному из первых пермских краеведов, автору «Хозяйственного описания Пермской губернии...» Эпитафия, составленная самим Никитой Саввичем или по его заказу, под впечатлением смерти супруги Евдокии Ивановны, умершей 11 декабря 1812 г. на 43-м году жизни (СК, надгробие пока не найдено):

Не пышный памятник я в честь твою поставил
Как бrenно тело дух нетленный твой оставил,
Но оный орошон горчайшею слезой!
Что так безвременно расстался я с тобой?
Явить сей скорбный знак рекла сама любовь
Которой пламенел всегда твой друг Попов.

На памятнике известного краеведа, врача, действительного статского советника Василия Никифоровича ШИШОНКО, весьма плодотворно развивавшего дело Н. С. Попова, сохранилась простая надпись: «Директор народных училищ, скончавшийся 17 ноября 1889 г., 56 лет. От жены и детей» (III). А на первом варианте памятника этому достойнейшему человеку (деревянном кресте) была лаконичная эпитафия:

«Да почит с миром прах Нестора нашего края».

В Пермском наместничестве первых лет служил в должности советника палаты гражданского суда Иван Ульянович ВАНСЛОВ (1741–1805), бывший российский консул в Персии. Происхождением он из дворян, на службу поступил из студентов Академии наук в 1769 году, в Пермском наместничестве с 1794 г. Похоронен возле Успенской церкви, ему посвящена следующая эпитафия:

Он телом погребен у Божия алтара,
И кроткий его дух, в бессмертии пара,
Отсель, с превыспренних, разительно вещает
И оной истине высокой научает,
Что пламенны черты, дел добрых сама смерть
Не может погасить, затмить, изгладить, стерть.

Потрясает здесь мощный завершающий ряд глаголов, который бьет в одну цель. Мастеровито. Кого хочешь убедит такая вера в «ону истину». Но есть еще трогательная приписка вдовы: «Воздвигла сей памятник оставшаяся его супруга с пролитием слез ко Господу».

Вот каковы они были, наши предки – пермяки из первого колена просвещенного населения.

ПЕРМЯК В ИДЕАЛЕ

Губернским казначеем с самого открытия в 1781 г. Пермского наместничества был Павел Филенков. Видное место в обществе занимали и его сыновья: Петр и Степан. Первый был поручиком, стряпчим в губернском магистрате, надворным советником и кавалером (1771–1836). О втором сыне, С. П. ФИЛЕНКОВЕ (1777–1805), известно, что служил он соликамским уездным исправником, затем вернулся в Пермь, где и скончался, похоронен был на семейном участке (СК). Ему и посвящена эпитафия (цитируется по тетради В. В. Голубцова):

*Ты был чувствителен и сердцем и душою,
Гряди, любезный друг, днесь к вечному покою,
Ликуй! Вездесертие Предвечный нам дарит.
Так в небе доброте твою Он наградит.*

Итак, пермский мужчина был и добр, и чувствителен (это после службы исправником-то? может, потому и умер рано, что шкурная работа оказалась неподъемна). А возможно и другое: что о его добродетелях знал только самый близкий человек, написавший еще на памятнике такие слова: «Память милому Степану Павловичу, любезнейшему из человек».

Сравните с прощальным словом, сказанным вслед оператору (т. е. хирургу) коллежскому асессору Ивану Васильевичу ПРОТАСОВУ (ск. в 1805 г. 36 лет, СК, надгробие не обнаружено):

*Кого покрыла здесь завеса смерти мрачной?
Того, жизнь коего, как ручеек, прозрачна,
Была зеркалом, гди, гди * врач, супруг, отец,
Был подражания зрим лучший образец.
Из праха своего, костей сухих согнивших,
Как Феникс воскрешай в сердцах тебя любивших.*

Пространная и прочувствованная эпитафия на надгробии-купели купца Кирилла Карловича ВОЛЬНИ (ЛК) и сегодня, спустя век, доносит до нас своеобразие личности ушедшего:

* здесь: гряди. – В. Г.

«Под сенью деревьев, под тяжестью камня ты спишь вечным сном, добрый друг. Ужели не слышишь все тяжкие стоны пришедших к тебе на могилы сирот? В тебе мы утратили жизни опору, которой ты щедро нас всех наделял. С друзьями делился ты ласковым словом, жене во всю жизнь был надежным вождем, и с тайною грустью главы преклоняем пред камнем могилы твоей, и тихо устами молитву свершаем на вечную память тебе».

ПЕРМЯЧКА В ИДЕАЛЕ

Какими чертами должна была обладать пермская женщина, мы сможем заключить уже по обширной и не очень-то связанной эпитафии девице Акулине БЕКРЕЕВОЙ (1779–1803), дочери кунгурского исправника (СК). «Невинностью и скромностью черты ея отмеченны» (увы, угасла Акулина во цвете лет). Но нам она успела дать знать – через века, – что в идеале женщина должна быть не только скромной, но и обладать «талантами души и тела» (I).

А можно ли вообще в таком «специфическом» жанре, жанре надгробного прощания, быть объективным? Оказывается, можно. Свидетельством тому – слова, которыми «простился с прахом любезной своей жены Веры Ефимовны ШАТРОВСКОЙ, рожденной Стериковой любящий ее муж учитель Пермской гимназии ротмистр Феофил Иванович Шатровский»:

*...Разумна, хороша, все знала, благонравна,
хоть вспыльчива, но как жена не самонравна,
жила лишь для меня и для своих детей,
рвалась в ученье их сколь было сил ей,
и может оттого прервала жизни нити,
чтоб ей в небесно царство внити!*

Добавим, что ротмистр начинает свое прощание со слов «Прости, Верушенька» – похоже, было за что чувствовать себя виноватым главе семейства. Верушенька была, кстати, ровесницей пермского наместничества, родилась в 1781 г., когда Пермь стала городом, а умерла, когда ей было всего 28 лет.

На том же СК упокоилась другая пермячка, Агриппина Евгеньевна ПОГОС-ТОВСКАЯ, жена протоиерея (ск. в 1838 г. на 23-м году; в августе того года умерла и новорожденная дочка ее Анфиса). Причина смерти объяснилась:

Другой доставя муки сама ся лишилась
И та, жизнь коей ты дала, с тобой соединилась.
Покойся ж, нежная подруга
С дитею, дочерью своею
В супруге видела ты друга,
С тобою друг живет душой.

**Ирина Петровна ПОПОВА, умершая от горячки в 1806 г., была женой про-
тоиерея, остальное – все в эпитафии (СК, цитируется по тетради Голубцова):**

Как тридцат свершив четыре жизни лета,
восемнадцать с мужем сего плачевна света,
Ирина, перстью здесь Петрова дочь лежит
За кротость, веру, честь семья ее блажит,
И муж, и дочь, и два по ней в печали сына,
Для них она была утеха, мать едина
Да Бог, надежда всех, вселит дух ся в век,
В рай, где радость, мир, блаженство для человек.

ТЫ ЩАСТИЯ ИСКАЛ В ЧУЖБИНЕ ОТДАЛЕННОЙ...

По эпитафиям можно проследить, как формировался пестрый этносовстав губернской столицы. Самая короткая и выразительная надпись, которая «тянет» на эпитафию, сохранилась в немецком (лютеранском) секторе:

«МЕРИНГ Эдуард иностранец» (1819–1858).

Такое странное прощание напоминает нам, что не зря же в старину на Руси всех иностранцев называли еще немцами, производное просторечное – «немтырь», т. е. не говорящий по-русски. Здесь же есть надгробие обербергмейстера (старшего горного мастера) Августа Федоровича МЕЙЕРА (1779–1857):

«От нежной (!) супруги и признательных сотрудников 26 лет служения. Мир праху достопочтенного доброго благонамеренного и благотворительного человека, его память не умрет между нами».

Есть памятник многим ссыльным, сгинувшим в Перми, с надписью на двух языках, русском и польском:

«Умершим полякам в годы 1864, 1865, 1866 товарищи по изгнанию посвящают памятник» (КК).

Многие пермские поляки – или польские пермяки? – фактически относятся к жертвам политических репрессий. Сталинский режим унаследовал некоторые «родовые» признаки подавления инакомыслия от николаевского. И получается, что эпитафия, появившаяся в 90-е годы XX века на звоннице-памятнике жертвам политрепрессий, может быть отнесена и к ссыльным полякам. Это из стихов Анатолия Жигулина:

*О, люди, люди с номерами,
Вы были люди, не рабы,
Вы были выше и упрямей
Своей трагической судьбы (I).*

В иудейском секторе на скромном надгробии провизора (особенно по сравнению с огромными обелисками торговцев, стоящими по соседству) мы вдруг читаем такую эпитафию:

«Пермский раввин Леон Рафаилович ЛИНДЕНБРАТТЕН, отдавший лучшие годы и сердце пермской еврейской общине» (1855–1910).

Не все смогли прижиться в суровом уральском краю. Отражение этих сломанных биографий – в судьбе Александра Васильевича СТИШЕВСКОГО, из черниговских дворян, Пермского правления губернского секретаря (ум. в 1811 г. в возрасте всего 35 лет, жил в Перми 18 с половиной лет, как указано в эпитафии):

*Судьбою удален от родины своей,
Ты счастья искал в чужбине отдаленной,
Нашел приют его – нашел ты и друзей
И наконец – нашел покой себе блаженной (II).*

Данную эпитафию приводит в своей тетради и В. Голубцов. Но в его тексте есть неточности, так, третья строка звучит в оригинале: «...нашел приют его...», то есть приют «счастия», именно так написано это слово на плите, а не «счастья», не забудем: начало XIX века.

В двух шагах от Стишевского – шведское надгробие. «Аналой», на котором надпись: «Карл Андерс ЛИНДВАЛЬ, шведский подданный (род. в 1835 г. в городе Линчепинге, ум. 26 апреля 1909 г.)». А вместо библейской цитаты на памятнике неожиданно читаем эпитафию:

«Я не ушел вперед – я домой пошел»...

ОТЕЧЕСТВО ОН ЗАЩИЩАЛ

На крышке художественного саркофага участника Отечественной войны майора Николая Афанасьевича ТЕПЛОВА (ск. в октябре 1813 года от контузии) нанесены слова эпитафии (сочиненной, возможно, автором рисунка архитектором И. И. Свиязовым):

«Врагом поражен, упал сей храбрый воин, хоть лутчей участи по подвигам достоин. Но слава для него – на поле чести пал, Отечество свое он грудью защищал» (III).

Подвиги полковника А. Б. СТИЦЫНА («голгофа» возле северной стены Успенской церкви) увенчаны такой эпитафией:

«Родной стране служил с любовью и верой, за что почет и славу ты в мире получил. О, если бы Господь своей правдивой мерой твои дела определив, тебя благословил».

Помимо захоронений на ВК немало воинов, чья жизнь была сокращена, исковеркана и оборвана войной, покоится практически на всех участках некрополя. Немногословна, выразительна эпитафия на одном из надгробий фронтовиков: «Здесь покоится прах защитника Отечества участника ВОВ» (Великой Отечественной войны. – В. Г.) – солдат Марк Васильевич СТЯЖКИН (1904–1951).

Столь же лапидарна и надпись на памятнике человеку, о котором многие слышали, но немногие знают, где его могила, – это Сергей Иванович САФРОНОВ (1930–1 мая 1960): «Погиб при выполнении боевой задачи» (VIII). А выполнял он боевую задачу в мирное время, в праздничный день: пытался остановить на своем истребителе МиГ прорыв самолета-шпиона Пауэрса. Американец останется жив, а наш пилот погибнет...

СВОИ ОТНОШЕНИЯ С ВСЕВЫШНИМ

Для чего же почтенные пермяки «придавливали» могилки камнями? Частичный ответ мы находим опять же в эпитафии на надгробии Евдокии Андреевны КЛОПОВОЙ, принадлежавшей известному купеческому роду почетного гражданина г. Перми. «Спи дорогая жена и мамаша до радостного утра твой прах сим камнем покрываем, чтобы день разлуки и тебя не забывать» (XI). Как видим, у верующих людей всегда оставалось одно утешение: в одно «радостное утро» родные души обязательно свидятся ТАМ.

«К тебе, святой Боже, прибегаю с надеждой, верой и тоской из глубины души взываю: моего друга упокой ему отверзи двери рая меня с детьми не оставляя (!) будь нам защитой святой» – надпись на массивном камне купца Петра Егоровича ПОТЕРЯЕВА (V).

Трогательная эпитафия на надгробии купчихи Аполлинии Тимофеевны САНИНОЙ подтверждает нашу догадку, что пермское третье сословие состояло не только из жестких и жестоких «делаваров», но и из весьма чувствительных и сентиментальных людей (ск. 16 июня 1891 в 8 часов утра на 56-м году от роду):

«Сном неразбудным ты спишь настанет пора разбудит тебя Ангельская труба тогда ты снова увидишь детей и меня». Кстати, «подселенцем» на этом купеческом участке (Санины, Кузнецовы) оказался почему-то известный летописец Перми В. С. ВЕРХОЛАНЦЕВ, крест на могиле которого уже готов упасть (XII).

В глубокую задумчивость повергает нас, живущих на рубеже веков, и эпитафия на памятнике Марии Максимовны НЕКРАСОВОЙ, жены Ивана МАЛЫХ (ск. в 1872 г. 59 лет от роду; каменный куб, крест обломан, сразу за могилой А. Бера у Успенской церкви):

«Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века аминь».

На другой стороне надгробия – еще одна грань послания пермяка Ивана в ХХI век через обращение к Спасителю. Текст пространный, уходящий в землю, приведем частично: «...нужно было, чтоб смертну бездну проходило мое бессмертно бытие, чтоб дух мой в смертность облачился и чтоб чрез смерть и возвратился...»

Если внимательно, с уважением относиться к жанру надгробного прощания, можно и в «доморощенном» тексте обнаружить перлы изящной словесно-

сти и самоцветы благородных высоких чувств. У южной стены Успенского храма лежит чугунная надгробная плита на могиле Ирины Григорьевны ВАСИЛЬЕВОЙ (ск. в ноябре 1820 на 67-м году от рождения). Эпитафия, со временем вросшая в землю:

*В щастливой доле век проведши средь родных
Ты опочила здесь с надеждой веры (!) в Бога
Молись мать нежная о детях ты своих
Да благодать им пошлет от своего чертога
Творец.
Во царствие ся дух упокой
Помилуй нас, а там... блаженства удостой.*

Обратите внимание: не с верой, а только «с надеждой веры» – это о многом говорит: тут и сомнения чуткой души, и скрытые борения страстей, и, конечно, маленькое нахальство, пробившееся в столь значительном многоточии. Вспомним, что на том же кладбище лежала также чугунная змея, кусающая свой хвост, надгробие-проклятие несчастной дочери наместника-масона, в семье которого образовался пресловутый «любовный треугольник» (в конце 1980-х «змею» забрал областной краеведческий музей, теперь показывает ее на выставке на диораме). Своеобразные это были люди – православные пермяки.

«ЛЮБОВЬ! ТЫ ПОГИБЛА!..»

Обязательно должны мы сказать и о том, как умели любить пермяки, понастоящему, глубоко, всем сердцем. Вспоминаются строки эпитафии, которые написал пермский историк прошлого века: «...Явить сей скорбный знак рекла сама любовь, которой пламенел всегда твой друг Попов». Прочитаем еще один знак пламенной любви к близкой женщине.

*Здесь милая жена, сраженная судьбой,
На лоне вечности сном сладким опочила
С невинным сердцем и любезною душой
В суетном мире сем добро лишь находила.*

Фортуна для нее была одна мечта,
И в щастии своем блаженство не искала,
Природа чувство ей к изящному дала
Блаженства своего в Боге лишь ждала
И ожидания на гроб перенесла.
Анфиса, Анфиса, мой сладкий удел,
Куда ты, мой ангел, куда улетел.
Ах, только я щастием мирским наслаждался
Но сладкое щастье недолго цветет.
Пуская же другая в слезах оживет.
Любовь, ты погибла! Ты, радость, умчалась
Одна о минувшем тоска лишь осталась.
Уже не видать мне веселенья дней
Просился, простился я с жизнью моею.
Мой друг не воскреснет, что было не будет.
Что ж, сердце минувших утех не забудет.
В слезах, пригорюнясь у вдовца очеса (оч. - В. Г.)
И полночь, и буря мрачат небеса,
И волны на Каме вздымаясь бушуют,
И тяжкие вздохи грудь белу волнуют.

Целая поэма, дневник чувств, в котором выведен даже образ Камы, редкий случай. И посвящены эти искренние, пусть и не очень умелые каменные строки Анфисе КИРСАНОВОЙ, супруге Григория Кирсанова (ум. 1 сентября 1830 г. на 22-м году жизни; СК).

При подробном изучении надгробия (именно так: камень весь исписан строками эпитафии!) Нины Александровны БОЯРШИНОВОЙ (ск. в 1914 г. на 23-м году) мы понимаем, что в жизни пермяка всегда было место для любви... и после смерти тоже. Друг сердечный, подписавшийся просто «Ваня», изливает тоску:

«Часто Нина у могилы твоей у креста и у насыпи милой забываю я мир и людей я люблю тебя с прежнею силой...» (V).

На каменной «часовенке» СУРИКОВЫХ (возле Всехсвятской церкви) читаем обращение к мужу Николаю Егоровичу (ск. в 1892 г.) его супруги, умершей на двадцать лет позже: «Болезнь тебя сразила, а дружба погребла...» Далее цитиро-

вать не будем, идет пространное обоснование авторитета супруга. Перед нами – вполне распространенный вариант семейного союза, основанного на любви, переросшей в дружбу. А может, чувства и не было, а была привычка, «данная свыше», кто знает? Все равно ведь «замена счастью она», как сказал Пушкин.

«СОН БЕЗ ПЕЧАЛИ И СКОРБИ»? НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ...

На большом каменном надгробии-«часовне» с лампадкой (вместо свечки в которой – гнездышко птахи и яичко) Марии Федоровны БАЗАНОВОЙ, урожденной Владимировой (напротив купцов Марьиных): «Господи прими дух с миром и сподоби чести избранных твоих».

Даты жизни усопшей – 1848–1880 – сопровождаются примечанием: «в замужестве была 13 лет 9 месяцев и 26 дней». Так было принято в те годы, при патриархальном укладе русской семьи: женитьба – одна из трех основных станций жизненных, наряду с рождением и смертью. А у подножия этого грузного надгробия примостилась скромная каменная «домовина» основателя купеческого рода – Дмитрия Ивановича БАЗАНОВА (ск. в 1873 г. 73 лет от роду), с такой эпитафией: «Блажен путь в онеже идеши душе, яко уготовиси тебе место упокоения».

Чувствуется уверенность в том, что душа этого человека отправилась блаженным путем, потому что место упокоения ему уже уготовано Всевышним. Надо так понимать? На противоположной части некрополя стоит столь же массивный, «купеческий», памятник Аполлинару Васильевны МОТЫЛЬСКОЙ (1875–1897). Интонация многословной эпитафии – тоже умиротворяющая и просветленная: «Спи мамаша дорогая без печали и скорби...» (и т. д.)

А вот эпитафия Марии ЖУРАВЛЕВОЙ (ск. в 1914 г., под камнем еще трое членов семейства, НК) с помощью поэтического образа доносит до нас всю глубину горя, постигшего автора прощальных строк:

*Наша жизнь без тебя,
Словно полночь глухая
В чужом и безвестном краю,
О спи, наша Маничка, спи, дорогая,
У Господа в светлом раю.*

Сравните с мрачной сентенцией, построенной на мысли о кратковременности жизни человека, выраженной с помощью популярного фольклорного противопоставления (адресованы слова были Матвею ВОЛОГДИНУ, поверенному графа Строганова):

*Помысли человек,
Велик ли был твой век?
Он был ничто иное,
Как луч в ясный день.
Но теперь совсем другое:
Он показывает тень.*

Тихий, робкий, бессильный протест потрясенного сознания пробивается сквозь слова эпитафии купцов ЧЕРДЫНЦЕВЫХ: «Вот здесь холодная могила отца и мать сокрыла. Божий гроб ваш закидан землей, белый крест, водруженный над вами, освящен он сердечной мольбой, окроплен задушевной слезой. Пусть вы в могиле зарыты, пусть вы другими забыты, но на призыв мой, родные, вы, как бывало, живые, тихо встанете надо мной» (VI).

БОРЬБА ПОСЛЕ СМЕРТИ

А вот уже другие времена, другое настроение, очень далекое от умиротворения и печали. На беломраморном надгробии Арсения Дмитриевича ШЕМЯКИНА (1882–1925) в правом верхнем углу – неожиданно читаем даже не эпитафию, а «эпиграф»: «В борьбе обретешь ты право свое». Девиз эсеровской партии! Причем памятник этот – «от жены и детей». Пожалуй, это даже не эпитафия, а завещание потомкам.

Прочитаем и прощальные надписи жертв и «героев» борьбы, гражданской боины. На одном надгробии, А. КОСВИНЦЕВА, надпись: «член ВКП (б) с 1906 г. убит белой бандой 24 декабря 1918 г. во время падения гор. Перми» (памятник сохранился аж в двух вариантах, в каменном и железном исполнении (V)). На кресте-надгробии графини ГЕНДРИКОВОЙ и гофлектрисы ШНЕЙДЕР надпись, из которой мы узнаем, что обе женщины, придворные последней царицы Александры Романовой, были заложницами большевистского режима, обе были жестоко убиты (VI).

И у жертв, и у революционера (павшего жертвой идеи и головоути-
ства красных комиссаров) – один и тот же год гибели: 1918-й. Но у
памятника заложником режима нас посещает совсем иное настроение,
выраженное в стихах:

*...И у преддверия могилы
Вдохни в уста твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за рабов.*

Стихотворение «Молитва» некоторыми авторами приписывалось самой гра-
фине А. В. Гендриковой, между тем оно было написано поэтом Сергеем Бехте-
евым и в октябре 1917 года было послано автором (через графиню) в Тобольск
«Их императорским Высочествам Великим Княжнам Ольге Николаевне и Тать-
яне Николаевне» – такое было у стиха посвящение.

На памятник членам царской свиты уже были покушения. С другой сторо-
ны, вандалы сбивают таблички с типовых памятников ветеранам партии, раз-
валили памятник участнику революций и публицисту М. П. ТУРКИНУ (XIV).
Похоже, война продолжается, но в скрытой форме...

А ведь были случаи, когда на горизонте пермского общества брезжил «клас-
совый мир». Вот свидетельство тому. На каменном кресте Степану Ивановичу
ПОНОМАРЕВУ (возле Всехсвятской церкви) читаем: «Нашему отцу благодетелю
благодарные крестьяне Ирбитского уезда». А ведь скончался сей земский началь-
ник 21 июля 1904 г., и, как написано на надгробии, его «память увековечена 21
июля 1905 г.» – то есть ровно через год, в ту пору, когда Урал был ввергнут в
большую заваруху, названную позже «генеральной репетицией Октября»...

НЕ УСПЕВШИМ НАГРЕШИТЬ

Детство – золотой век, а дети – ангелы. Если умер ребенок – значит, попал
в рай, потому что не грешил. Не успел. Так считалось испокон веков у честного
пермского населения. Одну из самых старинных эпитафий, появившихся на Старом
кладбище, приводит в «Хозяйственном описании Пермской губернии по граждан-
скому и естественному ея состоянию» Н. С. Попов, высечена она была на белом
полевском (доставленном из Полевского, из бажовских мест) мраморе:

Спаситель! В вечности премудрой и Святой
Лежащего здесь дух младенца упокой.
Младенцев царствие небесно: ты нареки;
Почто ж жалеть, что был его столь краток век.

Неизвестно, кому, какому младенцу посвящена сия надпись. А вот надпись на сохранившемся скромном памятнике Павлику ПЕРМЯКОВУ (X). Безыскусная эта эпитафия, посвященная ребенку, также способна тронуть любую душу. И кто посмеет утверждать, что человек сильно изменился в сути своей?

Покойся, дитя дорогое,
Только в смерти желанный покой.
Только в смерти ресницы густые
Не блеснут горячей слезой...

На том же НК: «Последний подарок дорогим детям Боре и Мише МЕЛЬНИКОВЫМ. Спите милые дети крепким сном вечная память». «Подарок» этот – бетонный крест на грубовато сделанном каменном четверике, какие ставили в середине 20-х (VIII).

На надгробии детской писательницы Е. Ф. ТРУТНЕВОЙ (1884–1959) изображена раскрытая книга с четверостишием:

Пчела жужжала у окна
И вдруг влетела в школу пулей.
Про школу думает она:
«Какой веселый, шумный улесй!» (XI).

ХРОНИКА КРИМИНАЛЬНОЙ ПЕРМИ

Эпитафий на заповедном мысу было, конечно, больше. Не все, увы, дошли до нас, не все еще обнаружены (многие засыпаны землей). Некоторые тексты сохранились благодаря первому историку пермских некрополей, уже упоминавшемуся В. В. Голубцову. Приведем еще несколько самых ярких образцов эпитафий с памятников Старого и Нового кладбищ Егошихинского некрополя. Это своего рода криминальная хроника Перми за два века.

Над ними нагло надсмелись
Убившие злодеи их
Скрыть преступление стараясь,
Сожгли жилище, трупы их.

Эта надпись повествует о злодеянии, совершенном в ночь с 17 на 18 ноября 1884 г., когда были убиты Федор Степанович ВЕРХОЛАНЦЕВ 82 лет и с ним еще трое человек (СК).

Неподалеку был похоронен Василий Яковлевич УВАРОВ (ск. в 1860 г. 36 лет). Надпись: «Убит кумом унтер-офицером Говоренским» (цитируется по тетради В. Голубцова).

У Всехсвятского храма стоит памятник, который также привлекает посетителей, – инспектору уголовного розыска Семену Алексеевичу ЧЕРНЫХ (убит 30 марта 1929 г. в возрасте 29 лет). Обелиск весь исписан эпитафиями: «Славный муж и дорогой отец! Твоя трагическая гибель послужит нам примером честной работы за дело пролетариата. Мы помним о тебе, ты всегда в наших сердцах».

«На могиле павшего товарища заявляем, что нам не страшны выстрелы классовых врагов и бандитов и что при каждом выпаде их мы не дадим им пощады и еще энергичнее будем защищать спокойствие и права трудящихся» (VII).

УЧИТЕЛЬ!..

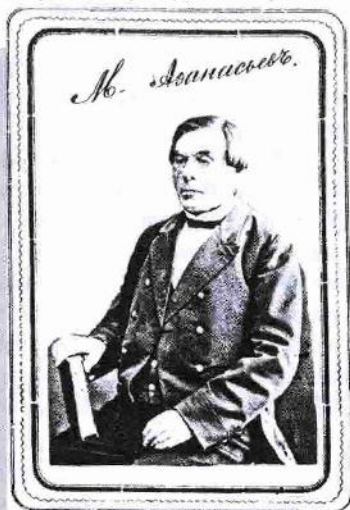
Особый разговор нужно вести об учителях, властителях дум. Влияние их в отдаленном от центра городе было огромно, это видно, например, по такой эпитафии педагогу-гуманитарию начала прошлого века:

Чрез двадцат шесть лет
во храме муз сияя
и юные умы ученьем напоая,
для пользы общей жил
и ею лишь дышал
и так маститы (?) дни со славвою скончал.
Блаженство смертному служащее отрадой
Да будет за труды, творец, его наградой.

Адресат этого потока признательности – Михаил Яковлевич ГРЕЧАНОВСКИЙ (ум. 10 августа 1812 г. 52 лет; СК), преподавал латынь в Пермской гимназии в течение 26 лет (судя по эпитафии), дослужился до 9-го класса, то есть «он был титулярный советник...», выражаясь словами Некрасова. За строками эпитафии на пермской могилке угадывается окончание жизни чеховского «человека в футляре» – бродячего, вечного образа истории русского просвещения...

Образ провинциального учителя-поэта, созданный нашим замечательным земляком Михаилом Осоргиным, не раз вспоминается во время экскурсий по Егошихинскому некрополю. У его героя был вполне конкретный прообраз – М. А. Афанасьев, его педагог по Пермской гимназии, любивший блистать экспромтами (III).

Не исключено, что некоторые из цитируемых в книжке эпитафий сочинены как раз этим чудачком, добрейшей души был человек, не мог отказать никому. Экспромт по поводу собственной кончины Михаил Афанасьевич не успел никому прочитать, он жил в одиночестве. Подробнее о нем см. в главе «Легенды, предания... и просто мистика».

Легендарный учитель и поэт
М. А. Афанасьев.
Вверху – его автограф *.

Разговор о судьбе учителя в глухой провинции мы продолжаем у надгробия его современника, коллеги и однофамильца. У Всехсвятской церкви стоит мраморный памятник с пустой лампадницей Ивану Николаевичу АФАНАСЬЕВУ (ск. в 1901 г. 63 лет). Краткая многоговорящая эпитафия: «Оставил городу приют-ясли» (X).

С противоположной стороны той же церкви находится могила, где покоятся ИЛЬИНЫ. Глава семейства, Стефан Егорович (ск. в 1896 г. на 65-м году

жизни), был учителем, судя по эпитафии на беломраморном кресте: «Потрудившись 31 год на ниве просвещения юношества, он оставил по себе на вечно (так в оригинале. – В. Г.) добрую память. Мир праху твоему, вечное упокоение в селениях горних». Этот памятник – в двух шагах от могилы Василия Михеевича ШУЛЕПОВА (1874–1922), известного деятеля, на обелиске которого написано: «Народный учитель».

Лежат ИЛЬИНЫ и вблизи Успенской церкви, это хозяева дома, у которых квартировал поэт С. А. Ильин (брат М. Осоргина). На камне-«четверике» надпись: «Мир праху твоему, незабвенная подруга жизни – от мужа Петра Яковлевича Ильина».

Художник П. И. СУББОТИН-ПЕРМЯК тоже многое что оставил потомкам: много картин, много учеников, много красоты. Девизом Петра Ивановича были слова: «Надо жить радостно, красочно, ярко» (чем не эпитафия?). Но вместо этого, вместо памятника, достойного этого великого человека, на могилке стоит лишь обозначение памятника, на котором написано, однако: «Первый художник коми-пермяцкого народа». Но уж если он первый, надо же воздать должное, или как? * (XI).

ОДИНОЧЕСТВО И ВСЕЛЕННАЯ...

Неподалеку от трутневской оградки есть примечательный памятник, в первом ряду аллеи, на почетном месте. Надгробие вроде бы старинное, типовое, «аналой», но человек, похороненный здесь, был страшный пересмешник и, уж конечно, атеист: знаменитый поэт, создатель многих советских «хитов», как сейчас выражаются, Анатолий Адольфович Д'АКТИЛЬ (ФРЕНКЕЛЬ), да, тот самый, который «Марш энтузиастов» и пр., и пр. Его друзья по работе в дореволюционном «Сатириконе» умирали в основном в эмиграции, а он скончался в эвакуации в 1942 г. Время было тяжелое, военное, землякам Д'Актиля, артистам балета из Мариинки, умиравшим в Перми, – а среди них были даже участники Дягилевской антрепризы – не нашлось и приличного надгробия, их моги-

* Пермский ВООПИК объявил сбор добровольных пожертвований на памятник П. И. Субботину-Пермяку, прославившему свой народ, наш край. Места захоронения других выдающихся деятелей, которыми должна гордиться Парма, краеведов Кривошекова, Рогова, писательницы Кирпищиковой, оказались забыты. Место упокоения Анны Александровны Кирпищиковой (1838–1927), возможно, находилось недалеко от Всехсвятской церкви, где сохранилось надгробие ее родных, с одним проржавевшим православным крестом.

лы утрачены. Для Анатолия Адольфовича нашли, хоть и «с чужого плеча». Хорошо хоть ни у кого рука не поднялась что-то написать на «аналое», это смотрелось бы дико. Отсутствие эпитафии здесь – лучшая эпитафия.

В случае с Д'Актилем мы имеем дело с благополучной (хотя бы внешне) поэтической судьбой. А неподалеку, уже в 90-е годы, появилась эпитафия поэта ЭДУАРДА СМИРНОВА (нанесена на памятник ЕВДОКИМОВЫХ):

«Если бы слово могло вместить мою мысль». Данте».

Рядом – слова по-немецки: «Einsamkeit und Weltall» («Одиночество и Вселенная»), с изображением розы и креста (XI). Поэтическая натура, нескладная судьба, короткая жизнь... В родительские дни к памятнику поэту кто-то всегда ставит свечку, которую быстро гасит ветерок.

Неподалеку находится могила другого поэта, который покончил жизнь самоубийством. Евгений МОЖАЕВ воевал, учился на филфаке университета, искал смысл жизни – и находил его в творчестве. Только этого мало, как оказалось. Одиночество и Вселенная, безграничная тема. Невольно вспоминается строка из стихов Шелли, ставшая эпитафией на могиле Г. В. Плеханова: «Он слился с природой».

КРЫЛАТЫЕ СЛОВА

В середине прошлого века литератор Е. А. Вердеревский, дядя которого был председателем казенной палаты в Перми, поделившись своими впечатлениями от Перми, советовал (в книге «От Зауралья до Закавказья»):

«Сходите на старое кладбище (только не читайте доморощенных надгробий: они не расположат вас к приятной меланхолии) и полюбуйте́сь этим дремучим бором, в тишине которого, кажется, так спокойно и так прохладно почивать усопшим...»

Мы не послушаем, однако, опытного журналиста и прочитаем сейчас надпись, украшавшую памятник родственнице Вердеревского, Марии Алексеевне, прожившей всего 25 лет, похороненной в 1851 г. где-то на старом Егошихинском кладбище:

*И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И долговечная природа
Красами вечными сиять.*

Это Пушкин, конечно. Возможно, именно литератор-родственник, дабы избежать «доморощенных» надписей, предложил для надгробия цитату из Пушкина.

Цитировались на пермских памятниках и стихотворения поэтов круга Пушкина. В 1825 г. в «Северных цветах», редактировавшихся А. Дельвигом, Н. Гнедич опубликовал стихотворение «На смерть NN». Александра Федоровна ТЯЖЕЛОВА, жена пермского подпоручика Александра Тяжелова, в ту пору еще не появилась на свет, она родилась в 1830-м, умерла, прожив всего 23 года. Но, видимо, прожила их так, что заслужила право на блестящий стих из «Северных цветов». А возможно, сама говорила, что эти стихи – «про меня»:

*Цвела и блистала
И радостью взоров была,
Младенчески жизнью играла,
И смерть, улыбаясь, на битву звала.
И вызов без боя, в добычу нещадной
С презрением бросив покров свой земной
От плачущей дружбы, любви безотрадной
В эфир унеслася крылатой душой.*

В эпитафии есть разночтения с оригиналом (первым их заметил В. В. Голубцов, переписавший стихотворение в свою тетрадь с памятника на СК). Так, вместо слов «и вызов без боя» следует читать: «и вызвав, без боя». Подобные разночтения встречаются нередко, они говорят лишь о том, что в пермском образованном обществе стихи заучивали наизусть, а дамы, гимназистки переписывали их из альбома в альбом. И, как видим, с памятника на памятник.

Встречаются и «ходячие» цитаты из классики, крылатые эпитафии. Вот яркий пример стихов, которые как привет, как эстафетный символ от Старого кладбища – Новому. На могилке «купецкого сына» Фоки Ермолаевича КОЖЕВНИКОВА (ум. в 1864 г.) на надгробии в виде голгофы читаем крылатую фразу, принадлежащую большому русскому поэту В. А. Жуковскому (из стихотворения «Воспоминание», 1827 г.):

*«Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью: были» (II).*

Полный вариант той же цитаты, правда, с небольшими отклонениями от первоисточника Жуковского, встречаем на могилке В. Г. МИНАЕВОЙ (1885–1960) (XIII).

Другой пример эпитафии, особо любимой пермяками из той части общества, которые не часто брали в руки книгу, скажем так. В основе этого прощального слова – образность, идущая от потрясенной «вековечной природы»:

...Сломил грозою дуб в вышине
Сразило болезнью тебя в красоте...

Разные вариации данного народного творчества встречаются на памятниках семейных участков ШВАРЕВЫХ и М. А. КРЫЛОВОЙ. У последней продолжение эпитафии такое: «Ветки от дуба разбросаны ветром дети остались под папиным приветом...» и т. п.

В фамильной оградке Шваревых, возле Успенской церкви, читаем и другой вариант надписи, не раз встречающийся (с сохранением орфографии):

Ты сбросила жизни гнетущее бремя
Для неба разсталась с землей.
Прости же родная
Придет мое время
Здесь лягу я рядом с тобой.

Эпитафия вдове титулярного советника Авдотье СОКОЛОВОЙ (1773–1810, СК) несет мотив примирения, граничащий с фатализмом:

Почто, почто кедры повали,
Не дав плодам своим созреть?
Почто земле тебя предавал,
Детей оставив юных лет.
Но мы ли избирать рожденные?
Когда предел сей неизбежный?

ВСПОМНИ О СЕБЕ!

Не раз встречается на могилках и такая неожиданная сентенция, от которой застываешь как вкопанный: «Прохожий, остановись! Я уж дома, а ты еще в гостях».

Данный «фольклорный» вариант, по сведениям историка В. Колбаса, – усеченный от эпитафии, созданной П. И. Сумароковым, которая долгое время приписывалась Г. П. Гагарину: «Прохожий, остановись, не топчи мой прах! Я уже дома – ты еще в гостях».

Автор-эпикурец другого обращения, начертанного на надгробии супругов ЛАГОВСКИХ, словно и не согласен с предыдущей мудростью: «Живой жизнью наслаждайся, мертвый мирно в гробе спи» (СК). Вот так: жизнь коротка, лови момент...

Но подобных настроений провинциальный некрополь предлагает все же много реже. Чаше звучит грозное предупреждение:

*Во имя Отца и Сына и Святого Духа аминь.
Воззри о человек и вспомни о себе.*

А предупреждает об этом в данном случае трагическая судьба Анны Алексеевны КОЗИНОЙ. Выйдя замуж за прокурора Пермского верхнего суда в возрасте 17 лет в 1789 г., она умерла 6 октября того же года (СК).

На надгробии горного инженера Пейсаха В. ОРЖЕХОВСКОГО (1849–1914) читаем завет – как приказание: «О человек! Сказано тебе, в чем добро, и чего требует от тебя Господь: справедливости и любви к милости и скромности» (ИК).

На могиле Марии РЖЕВИНОЙ-УДНИКОВОЙ (р. в 1850 г. в г. Чердыни, ум. на 35-м году) стоит, пожалуй, самое библейское надгробие: на каждой стороне больших размеров «часовенки» с высеченной шестиконечной звездой – цитаты из Евангелия. Изречение из Экклезиаста приведено в таком переводе: «День смерти паче дня рождения».

Полностью этот стих звучит так (в осовремененном переводе): «Доброе имя лучше дорогой масти, и день смерти – дня рождения. Лучше ходить в дом плача об умершем, нежели в дом пира, ибо таков конец всякого человека, и живой приложит то к своему сердцу. Сетование лучше смеха, потому что при печали сердце делается лучше...» Заметим, однако: нельзя только переходить тонкую грань, превращая печалование в беспрестанное и бездеятельное уныние, это грех (II).

Кстати, это благодаря попечительству чердынского купца Д. Е. Ржевина, родственника Марии, смог напечатать свои уникальные выпуски «Пермской старины» А. А. Дмитриев. Однако коллега Дмитриева В. В. Верховланцев в своей летописи с грустью замечает: «Равнодушие пермского общества заставляло его страдать еще при жизни... Как при его жизни, так и теперь, мало кто интересуется трудами этого замечательного человека». Сказано сие в 1902 году, по случаю смерти А. А. Дмитриева.

Много раньше Александр Алексеевич Дмитриев проводил в мир иной своего отца (ск. в 1877 г.) с такими словами: «Дети твои до гроба будут питать чувство благодарности за твои отеческие заботы». Так звучала эпитафия на памятнике Алексею Матвеевичу. Оборот этот – «до гроба», в смысле: всегда, вечно – приобретает в данном контексте и буквальное значение: после того, как гроб предан земле, наступает забвение. Памятник историка А. А. Дмитриева, похороненного недалеко от его отца, у Успенской церкви, нам до сих пор обнаружить не удалось *.

* Подробнее о надгробных надписях Егошихинского некрополя смотрите: Гладышев В. Над Стиксом. Пермская эпитафия. – Пермь: Изд-во «Пушка», 2000.

ФАМИЛЬНЫЕ ГНЕЗДА А КТО ЖЕ К НАМ ПРИДЕТ?

В последнее время мы, кажется, несколько опаматовались, оглядевшись вокруг и переведа строгий взгляд внутрь себя. Внимание к сохранению отечественных некрополей удалось привлечь академику Д. С. Лихачеву. Появились сторонники этого движения и в Перми. Вспоминается выражение: «приказал долго жить». Оно пошло оттого, что предки наши, собираясь отойти в мир иной, во время соборования (какой глубокий смысл в этом слове: собираясь с духом!) наказывали своим родным долго жить. Так вот, можно сказать, что Егошихинскому некрополю наш великий академик, наши предки также приказали долго жить.

Надо сказать, в народных пословицах отношение к жизни и смерти было всегда на первейших позициях. В них отражены самые разные грани, краски и даже особенки национального темперамента. Вспомним кое-что.

- Кабы люди не мерли, земле бы не сносить.
- Передний заднему – мост на погост.
- Не бойся смерти - бойся грехов.
- Жизнь – копейка, голова – дело наживное!
- Кто чаще смерть поминает, тот меньше согрешает.
- Двум смертям не бывать, а одной не миновать.
- Кто жить не умел, того помирать не выучишь.
- Не тот живет больше, кто живет дольше.
- Сорок лет – бабий век.
- Узка дверь в могилу, а вон – и той нет.
- Дом строй, а домовину ладь.
- Жили сажень – доживали пядень.
- На смерть что на солнце: во все глаза не наглядисься.

- Живи надвое: и до веку, и до вечера.
- Смерть – злым, а добрым – вечная память...

В некоторых пермских семьях еще знают, помнят пронзительные слова народного ПРИЧИТАНИЯ ПО ПОКОЙНИКУ (записанные крестьянином Будриным):

«Со восточной со сторонушки подымались да ветры буйные со громами да со гремучими, с молоньями да со палючими, пала, пала с небеси звезда все на батюшкову на могилушку... Расшиби-ко ты, громова стрела, еще матушку, да мать-сыру землю. Развались-ко-ся ты, мать-земля, что на все четыре стороны! Скройся-ко да гробова доска, распахни-ся да белы саваны! Отвалитесь да ручки белые от ретивого от сердечушка, разожмитесь да уста сахарные! Обернись-ко-ся да мой родимый батюшко перелетным ты да ясным соколом! Ты слетай-ко-ся да на сине море, на сине море на Хвалынское, ты обмой-ко, родной мой батюшко, с белого лица ржавщину, прилети-ко ты, мой батюшко, на свой да на высок терем, ты послушай-ко, родимый батюшко, горе-горьких наших песенок».

Известно: память держится в основном и прежде всего членами семейства. Из поколения в поколение в роду передается слава о добрых делах, а в назидание – рассказы о неудачах. Не случайно же бытуют и сегодня выражения: «он хорошей фамилии», «худой род» и т. п.

Это отражено и в эпитафиях на Егосихинском кладбище. Православные пермяки всегда соблюдали традиции и не пропускали Радуницу, родительские дни, отведенные для посещения кладбища. Причем это касалось всех сословий, ведь, как сказано в одной из пермских эпитафий, «вельможам и рабам равно судьбою дан... урок» (Ивану ГРЕХОВУ; СК). И тем более неожиданно было встретить стихийно-бессильный протест безутешных родителей, на надгробии Марии КРЫЛОВОЙ (ВАСИЛЬЕВОЙ) (ск. в 1905 г.): «Милая наша дочь Маня гробовая доска прикрыла тебя, зачем же нам такая пала доля расстаться в ранних летах с тобой? Кто же придет к нам на могилу...» (квартал № 1, возле купцов Марьяных).

Та же нота безутешности – в эпитафии на каменной «часовенке» с лампадницей Павла Петровича ЩЕКОТОВА (ск. в 1897 г. 55 лет) (VII): «Навеки ты покинул нас неизменный в жизни милой папа, скажи зачем так рано умер зачем детей непожалел, кладбище ты сыскал жилищем и ты навеки здесь заснул тебя не стало в этом мире, исчез от нас ты навсегда».

Некоторый оптимизм способно вызвать у посетителя надгробие горного инженера Якова Васильевича КУВАРДИНА (1911–1959) с такой эпитафией: «Ты умер, отец, но мы с честью будем нести твое имя, передавая его потомкам» (V).

БЕСЕДЫ В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ ЭТО – АЗБУКА...

– Я уже не первый год вожу на Егошихинское кладбище своих студентов (педуниверситета), здесь можно говорить об истории губернского центра, о культуре, быте, жизненном укладе провинциального города, его интеллигенции. Такие занятия в этом «музее под открытым небом» вызывают интерес к краеведению. Ну, а лично для меня это место свято, потому что здесь, на Новом кладбище, покоятся мои родные. Бабушка Прасковья Георгиевна Пищальникова (Осиновских), воспитавшая шестерых детей, муж ее, Георгий Степанович, строил церковь в с. Култаево, там же был церковным старостой. И рядом с бабушкой моя мама, учительница, выпускница матфака педагогического института, была награждена медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.».

*Н. А. КНЯЗЕВА, кандидат педагогических наук,
автор книги «Маленький пермяк. Азбука краеведа».*

Конечно, история каждой из этих семей, фамилий может составить отдельную страницу, но не о всех мы можем рассказать здесь. Людей неинтересных в мире нет – в этом мы убеждались не раз. Подходим, к примеру, к скромному надгробию-пирамидке из железных прутьев, с фотографии на нас внимательно-изучающе смотрит бородатый дедок. Внук, пришедший в Троицу покрасить памятник, рассказал, что работал его дедушка, Андрей Фадеевич ПИСКУНОВ (1876–1941) фотографом, в помещении бывшей (тогда) кирхи. Оригинал был большой, судя по всему: ему уж лет 60 было, а он принимал участие в кроссах, бегал в лаптях, с развевающейся бородой. Чудаки украшали пермскую жизнь во все времена!

Новая красивая оградка установлена недавно на могилах Ивана и Ефима БАЛАНДИНЫХ (ск. в начале 50-х годов нашего века). На этом же кладбище

Семейство Калугиных:
пока в полном составе...

похоронены А. И. БАЛАНДИН (1918–1959), работавший директором первой ТЭЦ; а его родственник Евлампий Иванович ЛАКОМКИН (1876–1927), оказалось, был последним председателем Осинского земства (могилы возле Всехсвятского храма).

С историей Перми, земства и университета тесно связаны биографии упокоившихся у той же церкви КАЛУГИНЫХ. Глава семьи Егор Данилович – не кто иной, как последний председатель губернского земства, и он же в качестве комиссара Временного правительства принимал бразды правления от последнего пермского губернатора периода самодержавия. Умер он в 1922 г. 52 лет от роду, от сыпного

тифа. Как и его жена, которая заразилась, когда подкармливала супом нищих. Сын-студент Вячеслав погиб, будучи мобилизованным белыми, в 1919 г., тело его привез брат, опознав по погонам, которые он сам нарисовал на полушубке масляной краской.

Большой каменный крест, «открывающий» первый ряд захоронений центральной аллеи у Всехсвятского храма, доносит до нас приглушенное эхо трагически ранней смерти: здесь покоится прах детей Ксении и Михаила ОЛЬХОВСКИХ. То же самое можно сказать об обелиске семейства архитектора А. С. ЧИРКОВСКОГО (в том же квартале). О следователе СРЕТЕНСКОМ – том самом, помогавшем Н. Соколову в розыскании убитых Романовых и ушедшем, естественно, в 1919-м с белыми, на кладбище напоминает каменное надгробие двум детям, умершим в 1900-е годы (у тропы на польском участке).

У могилы статского советника Соломона Фадеевича САХАРА (1850–1905) мы остановимся не только из-за приметного надгробия – высокого железного

креста на массивном камне, но и любопытного преобразования фамилии: рядом покоятся родственники уже в ином написании: САХАРОВ (XI). У ТАНО-ВЫХ на Егошихинском два семейных участка, а прославил фамилию искусный портной (I и IX).

БЕСЕДЫ В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ ВОССОЕДИНЕНИЕ СЕМЕЙ

– Ищу могилку своей сестры, Валентины Михайловны БОГДАНОВОЙ (1901–1944). Мы приехали сюда в эвакуацию из Ленинграда, Валя умерла от дистрофии. Она работала на велосипедном, ходила на завод пешком, с поселка Плоского. У нее было столько болезней, что в морге ее тело продержали восемь дней, пока студентам все не продемонстрировали. Мы видели, что много покойников хоронили на углу этого же квартала, как в братской могиле. Тогда в церкви находился кинопрокат, помню. Ну, я уехала в 47-м обратно, а родные мои уж не поехали. Приезжаю к ним в гости и сестренку провести, могилка Вали где-то здесь (между Успенской церковью и памятником жертвам репрессий. – В. Г.). Знаю, что немало ленинградцев осталось навечно на этом кладбище, среди них были не только артисты...

Л. М. ВАСИЛЬЕВА (БОГДАНОВА).

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ УПАЛА КАРТИНА...

– На семейном участке Серебренниковых (неподалеку от Успенской церкви, у асфальтовой дорожки) лежат представители трех поколений нашего рода. Дед, Василий Дмитриевич, служил в пароходстве Каменских-Любимовых, прошел путь от кочегара до капитана, умер в 1934 году. Он был еще и старостой Никольской церкви, она стояла до 30-х годов на углу улиц Толмачева – Орджоникидзе. Отец мой, Иван Васильевич, был инженером, начальником цеха на Мотовилихинском заводе, а умер от сыпняка в 1932 году. (В то время по Перми прокатилась страшная волна тифа.) Здесь же похоронены и дети, умершие в небольшом возрасте.

Трагический случай произошел однажды в доме, построенном еще дедом на ул. Орджоникидзе, 175. Ночью упала картина, а дочка Се-

ребренниковых, Зоя, страшно испугалась, подумала, что опять воры (совсем недавно ограбление случилось), и выпрыгнула из окна со второго этажа. Да так неудачно, что сильно повредила позвоночник – и вскоре умерла. Она студенткой была...

Мама, Зинаида Григорьевна, работала много лет учительницей, скончалась от инсульта в 1952 году. Здесь же покоятся наши родственники Пьянковы (по маминной линии), и мой отчим Михаил Ильич Петелин, железнодорожный ревизор, умер тоже от инсульта в 1944 году...

Зоя Ивановна СЕРЕБРЕННИКОВА.

У Чехова есть такая простая, такая пронзительная мысль: человеку мало трех аршинов земли. Всего три аршина, или, как пишется в бюрократических документах про могилы, стоящие на государственном учете (т. е. под охраной): «0,0004 гектара, состояние удовлетворительное». Или «неудовлетворительное». Всего-то ноль целых, четыре десятитысячных... Кто знает, для кого-то из нас, быть может, обнаружится доля утешения, проблеск света надежды в следующих словах, приведенных В. Голубцовым:

«Тела наши в гробах согнившие и в прах рассыпавшиеся возникнут от земли, как трава весной, и по соединении с душами восстанут и укажут всему небу, пред очами ангелов и человеков, пред очами предков наших и потомков...»

На историческом кладбище немало семейных гнезд, мавзолеев, усыпальниц, участков. Приведем здесь только некоторые, не упомянутые в других главах:

АВЕРБУХ, АГРИКОЛЯНСКИЙ, АНИСИМОВЫ, АНКУДИНОВЫ, АХМЕТШИНЫ, БАЖАНОВЫ, БАЛУЕВЫ, БЕЗБОРДОВЫ, БЕЗУКЛАДНИКОВЫ, БЕЛЬСКИЙ, БОБЫКИНЫ, БУРНАШЕВЫ, ВОЗНЕСЕНСКИЙ, ВОЛКОВЫ, ВОЛОСНИКОВЫ, ВЫЛЯЖАНИНЫ, ГЛУМОВЫ, ГОРЯЧЕВЫ, ГРЕБЕНЕВЫ, ДЕМИЧЕВЫ, ЕЛИСЕЕВЫ, ЕЛЬКИНЫ, ЖЕЖЕРО, ЗАЙОНЧКОВСКИЕ, ЗАХАРОВЫ, ЗЮГАНОВЫ, ИГУМНОВЫ, ИВАНОВЫ, ИЛЬИНЫХ, ИНСАРСКИЙ, КАШИНЫ, КИБИРЕВЫ, КИРЬЯНОВЫ, КОБЕЛЕВЫ, КОСТАРЕВЫ, КОЧКИНЫ, КУДРИНЫ, КУДРЯВЦЕВЫ, КУНГУРЦЕВЫ, ЛАБИНСКИЕ, ЛАПТЕВЫ, ЛАПШИНЫ, ЛУКАНИНЫ, ЛЮБИМОВЫ, МАМОНТОВЫ, МАРКОВЫ, МЕДВЕДЕВЫ, МЕЛЕНТЬЕВЫ, МОХОВЫ, НАКОРЯКОВЫ, НЕГАНОВЫ, НЕКИПЕЛОВЫ, НЕЛЕПЕНКО, НЕРОНОВЫ, НЕУСТРОЕВЫ, ОБУХОВЫ, ОКУНЕВИЧ, ПАШЕВИЧ, ПЕПЕЛЯЕВЫ, ПИНЕГИНЫ, ПОТУРАЕВЫ, ПРОСВИРЯКОВЫ, ПУСТОСМЕХОВЫ, ПУШ, САВЕЛЬЕВЫ, САНГАЙЛО, САНДРАКОВЫ, СВЕРДЛОВ,

СЕМЕНИХИНЫ, СИДОРОВЫ, СИЦИЛИНЫ, СЛОБОДИНЫ, СЛОВЦОВЫ, СОЛАРЕВЫ, СОЛОВЬЕВЫ, СТАРИКОВЫ, СТАРЦЕВЫ, СТРИЖОВЫ, СУХИХ, СЫКУЛЕВЫ, СЫПАЧЕВЫ, СЫСОЛЕТИНЫ, ТАТАРИНОВЫ, ТЕЛУШКИНЫ, ТРЕСКОВЫ, ТЮЛЕНЕВЫ, УСТИНОВЫ, ЦАРЕВСКАЯ, ЦЕЛИЩЕВЫ, ЦИЛЛИ, ЧАЗОВЫ, ЧАЦКИЙ, ЧЕРЕПАНОВЫ, ЧЕРКАСОВЫ, ЧЕРЕМУХОВЫ, ШИЛОВЫ, ШИРИНКИНЫ, ШИШКОВЫ, ШЕРСТОБИТОВЫ, ШОЛОМОВЫ, ЯБЛОНСКИЕ, ЯРОСЛАВЦЕВЫ, ЯШИНЫ, ЯШМАНОВЫ и мн. др.

Все они достойны отражения в синодике, и их судьбы ждут своего исследователя. Конечно, работа над путеводителем-справочником будет продолжена, в том числе и по другим кладбищам города.

ЛЕГЕНДЫ, ПРЕДАНИЯ... И ПРОСТО МИСТИКА

егенды всегда окружают кладбища, и старинный Егошихинский некрополь – не исключение. Вспомним историю с названием ручья Стикс (см. начало книги), как пермское образованное общество подыскало для него более «благородное» название (вместо «Акульки»), и даже записало в авторы нового названия самого царя-батюшку. Эту ошибочную версию принял на веру и генеалог В. Голубцов, потому как – красиво!

У стен Успенской церкви до конца 80-х годов этого века лежало вросшее в землю странное надгробие: изображение змеи, кусающей себя за хвост. А в змеином чугунном кольце угадывался страшный, немигающий взор черепа (маска смерти создана с помощью простых прорезей в металле). Этот памятник, о котором писали и Михаил Осоргин, и Аркадий Гайдар (рассказ «Проклятая дочь»), затем забрал областной краеведческий музей, надгробие долго валялось на задворках музея, в последнее время оно демонстрировалось в экспозиции на диораме. Изъяли памятник с кладбища, на мой взгляд, совершенно напрасно и незаконно. Во-первых, потому что надгробие прекрасно сохранилось. Во-вторых, оно обозначало конкретное захоронение конкретных людей. И только легенда придавала ему мистический ореол.

Например, говорили, что здесь была предана земле проклятая дочь, и надгробие положили специально на тропу, чтобы прихожане, шедшие в церковь, топтали могилку. А между тем нельзя не обратить внимание на то, что страшный железный круг совсем не истерт ногами, видимо, богобоязненные пермяки старательно обходили его. Сохранилась надпись: «ДЕВЕЛЛИЙ Таисия 6 лет 11 месяцев дочь пермского исправника» (ум. в 1807 г.). Ни в чем не повинное дитя, «плод греха матери». Все дело в том, что в семье образовался любовный треугольник. И проклятие женщины, которую мужчина предпочел

другой, звучало так: «Пусть же змея подавится своим грехом!» Короче, шекспировские страсти в Богом забытой Перми (чем она хуже Вероны?). Правда, документальными источниками некоторые детали в этой легенде не подтверждаются. Говорили, например, что мать девчушки, тоже Таисия, умерла при родах. На самом деле старшая Таисия умерла в 1835 г. на 55-м году жизни. Глава семейства пермский земский исправник, а в прошлом стряпчий, коллежский асессор Александр Иванович Девеллий, заваривший такую смуту в своем доме, скончался на три года позже жены, дожив до 76 лет. Возможно, он был масоном, отсюда, предполагает М. Осоргин, в надгробии эти символы (змея, череп). Вот только звезды, о которой пишет наш знаменитый земляк, на памятнике не было, это уж он выдумал в своем далеком зарубежье.

Но вот случай! В 1851 году П. Д. Дягилев покупал у наследников титулярного советника Ф. Д. Суворова «дачу с заводом» (Николаевским винокуренным). И при совершении сей купчей крепости одним из свидетелей был «и руку приложил»... надворный советник Павел Александров сын де-Велий (так в оригинале, опубликованном краеведом В. А. Дылдиным).

Любопытно, что тема масонства, долгое время запретная, в первое десятилетие Советской власти еще не была засекреченной. Вот и книга о Перми, выпущенная в 1926 г. группой ведущих местных краеведов и университетских ученых, отмечает «жившие в то время (в начале XIX века. – В. Г.) в Перми масонские (орфография тех лет) настроения». Мальтийский крест встречается на нескольких надгробиях и более позднего периода.

В развитие темы посетим усыпальницу-беседку ПАНАЕВЫХ (когда-то ажурное сооружение, теперь изрядно проржавевшее – XII). По сведениям краеведа Д. А. Красноперова, первый «пермский след» исходит от И. И. Панаева, назначенного с образованием Пермского наместничества губернским прокурором. Именно здесь он организовал масонскую «Ложу Золотого Ключа», с целями сугубо просветительскими (на Ивана Ивановича оказал сильное влияние писатель Н. И. Новиков). Правнучка пермского прокурора, Елена Валерьяновна, стала мачехой организатора знаменитых «Русских сезонов» С. П. Дягилева. В Перми в 1997 г. издана написанная ею «Семейная запись о

Дягилевых», содержащая ценнейшие свидетельства о культуре, о жизненном укладе пермской семьи как таковой. В усыпальнице мы обнаруживаем надгробия других, малоизвестных Панаевых: надворный советник Василий Николаевич (ум. в 1911 г.), его сын Наркисс Васильевич (ум. в 1943 г.). Рядом покойся прах первого климатолога Прикамья Федора Николаевича Панаева (1856–1933, железный крест на каменном основании). Тут же надгробия еще нескольких Панаевых. Родственные связи всех пермских Панаевых пока точно не установлены, но несомненны связи духовные, даже мистические.

До нас дошло шутовское подтверждение той заметной роли, какую играл климатолог еще в начале века. Из стихотворения поэта С. А. Ильина «Пермский хамелеон» (о погоде):

...Стыдись все делать людям в пику,
Сбивать Панаева в Перми
И всю науку с панталыку!

О судьбе пермского учителя М. А. Афанасьева пишет в прощальном слове 21 января 1899 г. летописец В. Н. Трапезников: «Будучи евреем по национальности, он попал в кантонисты, которых вербовали насильственно... Окрещенный и получивший фамилию Афанасьев, М. А. до смерти не знал семьи, всю жизнь состоял преподавателем чистописания в женских школах города»*.

Этому достойному представителю российских «человеков в футляре» написал некролог, для «Пермских губернских ведомостей», студент Московского университета Михаил Осоргин, а много лет спустя он посвятил учителю проникновенное эссе «Поэт». Образ его писатель несколько иска-

* О том, что в Перми есть кантонисты, мы знаем еще от Герцена («Былое и думы»). В городе в прошлом веке была даже школа кантонистов. Эту страницу истории города может напомнить небольшое каменное надгробие МАТВЕЕВУ Петру Матвеевичу, похороненному на той же стороне Нового кладбища, возле памятника актрисе М. Свитальской. На камне безвестному однофамильцу, скончавшемуся 6 августа 1908 г. 76 лет от роду, есть надпись: «Из кантонистов». Фамилии таким детям, часто безродным, придумывали по именам священника или приемного отца, а для того, чтобы они впоследствии обзавелись семьями, в город, сказывают, привозили бедных девушек, бесприданниц. В Перми же существовало училище военных кантонистов, преобразованное в 1859 году в военное училище.

зил, или, точнее сказать, мистифицировал. Но жанр он выбрал художественно-документальный. Так что, «разоблачив» некоторые из мистификаций, мы, возможно, восстановим доброе имя педагога. М. Осоргин пишет: «...Я посетил и его могилу в дешевой, больничной части кладбища, но зато в целом лесочке пихт и молодых елок. Там у нас очень хорошо быть покойником: прекрасный воздух, много места, лесок. Холмик и крест над прахом поэта как сейчас вижу перед собой...» Так вот, памятник у Афанасьева солидный – двухметровый гранитный крест, на котором дата: ск. 21 января 1899 г. 82 лет; видимо, помогли увековечить горожане, бывшие ученики, среди которых были состоятельные люди, например И. Каменский, А. Синакевич... Кроме того, и находится могилка на почетном месте, недалеко от Успенской церкви, рядом с директором народных училищ действительным статским советником Шишонко и другими именитыми гражданами Перми. Учитель этот ведь был местной знаменитостью. Поэт С. А. Ильин (старший брат М. А. Осоргина) опубликовал тонкую стилизацию, посвященную виршам педагога: «Где уж мне наравне с Афанасьевым быть, с знаменитым губернским поэтом...»

Не было на его памятнике и надписи: «Спи спокойный прах от любящих учениц М. Ж. Г.» (Мариинской женской гимназии). Об этом пишет М. Осоргин. О смерти Афанасьев не думал, и даже в старости все хотел жениться, как писал один из его любимых учеников уже из Парижа. Но, впрочем, это опять же смахивает на осоргинскую выдумку. И до ста лет учитель не дожил. Видимо, 80 с лишним лет, прожитых М. А. Афанасьевым, воспринимались в то время как век, не меньше.

Крест М. А. Афанасьева – учителя и поэта. Сломан...

История пермских монастырей приоткрывается нам через историю одной женщины. История духа. В семейной оградке пермского архитектора В. В. Попатенко (III) есть деревянный крест на могиле его дочери, с надписью «схимонахиня ЕВСЕВИЯ» (1880–1957). Многие годы она работала преподавателем математики (в том числе в той самой «М. Ж. Г.»), затем приняла тайный постриг. Старожилы рассказывают, что в последние годы своей жизни она наложила на себя суровую «схиму»: спала в гробу, заготовленном заранее (вариант с детализацией: наказала себя за то, якобы, что полюбила, – значит, согрешила). Это похоже на легенду, но для монашеского образа жизни ничего необычного в рассказе нет. Кстати, в старину и крестьяне часто заготавливали себе «домовину» впрок, жили по пословице: «Избу крой, песню пой, а шесть досок паси». Запасай, значит.

БЕСЕДЫ В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ ТАЙНЫЙ ПОСТРИГ

– Кресты на могилах здесь ставил я, это мой долг, что ли, не знаю, как точнее назвать... Наказа не получал, обещаний никому не давал, но в детстве я бывал со своей матерью в монашеской общине часто. И в Зюкайку ездили, в Обвинский женский монастырь, меня там и крестили. И просто нянчились со мной старушки. Эмилия Васильевна – так звали дочь архитектора Попатенко – еще иностранный язык помогала мне учить, когда понадобилось. Когда монастырь разогнали, монахини перебрались в Пермь, и здесь держались общиной, втайне как бы (жили в деревянном доме, там, где сейчас магазин «Океан»). Сам я работал электриком, в войну пушки делал, у меня «бронь» была (освобождение от военной службы. – В. Г.). Поумирали последние монахини в 50-х, я им и оградки, кресты всем сладил...

А. К. ГОЛУБЕВ

Все здесь есть... И Доллар покоится, еще с прошлого века (Иван Иванович). Нет разве что только «подпольного миллионера» Матвеева. С удивлением узнал я в родительскую субботу от одной женщины, что первое надгробие в

аллее у Всехсвятской церкви поставлено комиссару «золотого» поезда Матвееву. «Сказывают, он золото царское вывез во время гражданской, ну и сам разбогател, конечно». Ничего подобного. Похоронен в первом ряду аллеи не комиссар, звали его Владимир Матвеев, а отец его, Павел Александрович. Что касается богатства, то В. Матвеев действительно получил от Советской власти «много»: гонорар за книгу о том своем приключении да... пулю в затылок, сразу после убийства Кирова. Об этом рассказал нам племянник комиссара, один из основателей клуба «Пермский краевед» Герман Михайлович Матвеев.

Признаться, не сразу поверил я и в легенду о том, что на Егошихинском (новом) кладбище был похоронен цыганский барон. Но такое захоронение под шатром действительно существует, и неподалеку от Всехсвятского храма. Роман Янкович ГОНЧАРОВ, то есть вольный сын Янко, рожденный в 1917 году, был зарезан 6 февраля 1954 года в 3 часа утра (точная дата – на надгробии). Почему зарезали барона, мы не ведаем. Шатер над его могилой уже рухнул. (Вот ирония судьбы: в наши дни неподалеку, у могилы Сафронова, появился новый шатер-навес из легкого сплава. Соорудили его шефы с бывшего завода им. Калинина, и когда они приходят помянуть летчика-героя, то шумят не хуже цыганского табора...)

Невероятное событие приключилось на кладбище в 1973 году, когда в Перми впервые праздновали 250-летие образования города. Предшествовало этому длительное обсуждение того, какую дату выбрать – 1723 год (когда заложили Егошихинский завод) или 1781-й, когда Пермь официально, указом Екатерины, стала городом. Один из ведущих пермских историков, профессор Горовой, яростно отстаивал 1781 год, то есть традиционную точку зрения. И проиграл. И так получилось, что скончался он в самый канун праздника. А в первый День города в цехе по изготовлению надгробий и гробов (располагалось производство тогда в самой глубине Егошихинского кладбища) случился пожар, и гроб, приготовленный для профессора, сгорел. Ну просто мистика какая-то!.. С трудом вышли из создавшегося положения...

Небольшое, вросшее в землю надгробие, неподалеку от усыпальницы Панаевых (XII), связано с одним народным поверьем, оказавшимся пророчеством. Расчистив надпись на надгробии, я узнал о трагической странице пермской истории. «Здесь покоится тело ученика Пермского духовного училища Виталия ЖИГУЛЬСКОГО, сгоревшего при пожаре училища 13 мая 1914 г. 12 лет от роду». На обратной стороне камня (металлический крест отломан) читаем: «Дорогому Витеньке от папы, мамы, брата, сестер. Спи, детка с Богом».

В «Летописи города Перми» В. Н. Трапезникова есть данные об истинных масштабах трагедии. Пожар случился во время богослужения: загорелась хвоя, которой церковь была украшена к празднику Пасхи. Огонь так быстро охватил здание, что молящиеся не успели выскочить, от ожогов пострадало до 80 человек. 38 человек погибли: частью в огне, частью – в больнице, где они «умирали в течение чуть ли не четырех месяцев в страшных мучениях». Погибли главным образом дети, ученики духовного училища. Одним из них был Виталик Жигульский...

В том же мае 1914-го в Перми были отмечены сильный шторм и небывало мощное наводнение, принесшие материальный ущерб и человеческие жертвы. Пермяки рассматривали все это как страшное предзнаменование, что вскоре и подтвердилось: разразилась первая мировая война...

Полулегендарный характер носят воспоминания (или показания?) верующих старушек, которые много лет ухаживают за холмом в отдаленной части некрополя, у самого перекрестка двух дорожек. Здесь, говорили прихожанки Всехсвятского храма, покоятся монахи, священники, монашки, которых расстреляли большевики, убили за веру. Об этом же говорил нам и церковный сторож, 78-летний дядя Гриша, добавив, что «некоторых красные закопали живьем». Трудно уже установить, сколько в этих рассказах правды, а сколько – вымысла (нужна эксгумация), но это – тоже устный источник, требующий фиксации. Ужасающая подробность про закопанных живьем, вероятно, идет от обстоятельств гибели архиепископа Андроника, который действительно убит

таким образом, в областном архиве сохранились документальные тому подтверждения. Причем обе бессудные казни произошли в одном и том же 1918 году. Тело Андроника, святого новомученика русской православной церкви, было спрятано убийцами у речки Архиерейки, где точно – неизвестно. На братской могиле священников на Егошихинском стоят четыре простых безымянных креста. Но это уже захоронения, сделанные в советские годы, вторым слоем.

Памятники в виде «часовенок» имеют небольшие ниши – лампадницы. В свое время эти оконца, говорят, закрывались стеклянными створками, за которыми долго (а у некоторых – постоянно) теплился живой огонек. Примерно такую впечатляющую картину увидел на одном из пермских кладбищ писатель-этнограф Василий Немирович-Данченко (брат известного режиссера), побывавший в Прикамье в 1875 году.

Он обратил внимание на столбики с фонариками и подумал, что это для освещения кладбища (!). Оказалось, это те же памятники; в фонариках, за дверцею, медные складни, перед ними теплятся лампадки. На одной могиле наблюдательный писатель заметил четыре таких фонарика. Обилие металла сказывалось во всем: и чугунные доски на могилах, и даже гробы прежде готовились железные.

Но был один памятник – совершенно необыкновенный! Писателю рассказали, что однажды местный купец Шабашов, когда уничтожили откупа (в 1863 году были отменены права частных лиц на откупа, т. е. продажу вина и т. д.), поставил им памятник в виде креста из полуштофов, т. е. стеклянных емкостей. Хотели его, говорят, под суд отдать – откупился. А другой «денежный мешок» поставил памятник-пирамиду на могиле своей жены. На самом деле она не умерла, а сбежала от него – он и решил, что она умерла для него навеки, поставил мраморную массу, на которой высек, да еще золотой вязью: «Судьба недолго нас ласкала, – семь лет с женою я прожил; а на восьмой она сбежала, и память я о ней под камнем схоронил». С другой стороны памятника «эпитафия» конкретизируется: «Сбежала сего 1845 года июня 25-го с инженер-поручиком Шварцом, из немцев». И на третьей стороне – прощальные слова: «Упокой, Господи, грешную душу рабы твоей Анны, оставившей безутешного мужа и сирых чад своих на произвол стихий»...

«Неужели это возможно?» – вырвется у кого-нибудь из читателей вопрос. Ответ дадим тот же, что получил и Немирович-Данченко от своего «гида»: «Да такие ли у нас еще дела бывали...»

Пермь – это речной город, это Кама, обстоятельство, накладывающее отпечаток на весь уклад жизни... и на смерть. Немало пермяков, чей уход из жизни связан с трагедией на великой реке.

Вспоминается поэтический образ из эпитафии Анфисе КИРСАНОВОЙ (СК), написанной в 1830 году ее безутешным мужем Григорием: «...Любовь, ты погибла, Ты, радость, умчалась, одна о минувшем тоска лишь осталась... И волны на Каме, вздымаясь, бушуют, и тяжкие вздохи грудь белу волнуют».

Прибегнув к почти былинному, сказовому ладу, потрясенный человек пытается выразить всю глубину своих чувств, и Кама здесь – не просто фон, но властная, необузданная стихия...

Использовали Каму и для убийства (концы в воду), подобная трагедия произошла в 1952 г. в семье ПАРШЕНКОВЫХ: хулиганы сбросили с парохода 22-летнего Виктора (IX).

Пароход «Пермь» товарищества «Бр-я Каменские».

«Перевезет и вас Харон...» (картина неизв. художника сер. XIX в.). Вид на Пермь у места слияния Стикса и Егошихи с Камой.

БЕСЕДЫ В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ ПЕРЕПРАВА, ПЕРЕПРАВА...

– Где-то шла война, а тут люди погибли в мирной обстановке, направляясь на работу. Переправлялись через Каму на пароме, и в него врезался пароход. Несколько человек утонуло, кого-то из них еще винтом порубило, такой ужас. Девушка, похороненная здесь, под железной пирамидкой, умерла 15 августа 1943 года, звали ее Валя СИДОРКИНА (I). Не успела даже семьей обзавестись... Я знаю об этой истории, потому что как раз рядышком мы похоронили мою маму, это СОФЬИНА Зинаида Афанасьевна. Тоже мало пожила: 1900–1943...

Н. Н. КОЗИЦЫНА.

Семью КРАСНОЛОБОВЫХ, как говорят, крестила сама Кама, с нею связаны и жизнь, и смерть членов этого славного рода. Водником был Даниил Васильевич, глава семейства (ск. в 1941 г. 50 лет), он был в числе тех, кто принимал (в качестве специалиста по электрочасти) первый в пароходстве теплоход «Леонид Серебряков». А вот племянник его, Игорь Баяев, утонул в Каме, как это пишут, при невыясненных обстоятельствах... Вдвоем с приятелем погибли (XI).

Как правило, памятники на могилах жертв стихии и несчастных стечений обстоятельств стоят простые (железные пирамидки). А вот памятник первому председателю Пермского районного управления водного транспорта Василию Ивановичу ДЕМИДОВУ (1878–1958) поставлен, сообщает надпись, «в день 50-летия национализации флота на пожертвования речников Камы» (X). Сегодня, после того как КРП приказало долго жить, эта формулировка уже тоже воспринимается как легенда.

М. Морозова
Пермь.

П. А. Голдобин – капитан
(командир) пароходов
Каменских и Любимова –
со своим семейством *.

А где хоронили самоубийц? Ведь церковь отводила им место только за пределами православных кладбищ. Есть такой участок и на территории нашего некрополя: довольно обширный квартал (за ИК). Там поражает обилие безымянных могил. Впрочем, в советские безбожные годы все смешалось. Есть захоронение самоубийцы даже у самой Всехсвятской церкви. Сын крупного руководителя, бывшего первым комиссаром по еврейским делам во время установления Советской власти в Перми, застрелился, рассказывают, когда ему было всего пятнадцать, случилось это в 1933-м...

Живет среди пермяков и легенда о том, какхватила «кондрашка» одного пермского дельца – за то, что он заставлял своих рабочих таскать со старого кладбища могильные плиты. Как писал М. Осоргин, он подражал «великолепным римским папам, обратившим памятники Аппиевой дороги в строительный материал... Выходило дешево, прочно, и кикимора заранее радовалась таинственной отделке своего будущего жилья...» Однажды «чумазый» (это любимое словечко Салтыкова-Щедрина, а как такого воротилу еще назвать?) пригласил гостей, именитых людей, отцов города, и за столом на именинном пироге вдруг отчетливо проступила... Адамова голова – череп и скрещенные кости. Объяснение «чуду» вполне житейское: отпечаталось изображение с намогильной плиты, использованной при кладке печи. Тут именинник – фамилия его была Чадин, реальное лицо, между прочим, советник уголовной палаты – и откинулся, умер, не приходя в сознание.

В доме, который он построил, никто не смог жить, кроме кикиморы. Поверье такое укоренилось в мозгах люда. Случайно иль нет, но во время страшного пожара 1842 года здание это сохранилось, хотя весь «город горел легко», как написал М. Осоргин. «По господствовавшему мнению, его подожгли либо черти, либо поляки», – иронизировал писатель. М. Г. Сведомский, купивший проклятый особняк, также не смог здесь жить. И представьте себе, пермское общество решило сломать чадинские хоромы! На этом месте была построена Мариинская женская гимназия.

Позднее всё, вроде бы, было благополучно, значит, кикимора покинула это место. В здании гимназии размещался и Пермский университет, и Дворец тру-

да, а с 1930 года – сельхозинститут, ныне – академия... Был, правда, у меня знакомый скульптор, который очень недоволен остался этим зданием. Сделал мемориальную доску в честь «всесоюзного старосты» М. И. Калинина, выступавшего здесь однажды. Но не прижилась скульптура: не прошло и пяти лет, как образ старосты покрылся пятнами и – скovyрнули Михаила Ивановича...

В начале 50-х на одном из участков НК появился обелиск из дорогого камня; по надписи можно сделать вывод, что Ростислав ЖУК, похороненный здесь, скончался в 1952 году, прожив всего 27 лет. На самом деле, как рассказывала нам женщина, опекавшая соседнюю могилку, под камнем этим... никого нет, пустое место, кенотаф, или кенотафия, – так называли в Древней Греции пустые, символические гробницы. Парень попал в тюрьму за уголовное преступление, там и умер неизвестно от чего. Но для матери сын всегда остается сыном: она поставила сыночку памятник, видимо, надеялась привезти прах, но не успела: умерла сама.

Есть на Егошихинском и другие кенотафы, порожденные репрессивной политикой прежней власти: раскулаченному крестьянину ЧЕСТИКОВУ, похороненному неизвестно где точно под Ныробом; красному командиру А. С. ПОТКИНУ, расстрелянному в Биробиджане в 1938-м, вдова которого «похоронила» в могилке под железной пирамидкой только фото исчезнувшего дорогого человека... (III).

На Егошихинском есть и могилка моей мамы, Анисьи Васильевны. В голодные 30-е годы у родителей умерло трое малолетних детей. После войны в семье Гладышевых со временем снова появилось трое детей, и родители их назвали точно теми же именами, что и довоенных малышей. Мистика второй жизни, или неумолимое продолжение линии рода. Но поднять, вырастить детей самой матери не удалось, не судьба. Погибла Анисья Васильевна по вине дурного лихача-водителя, который, не справившись с управлением грузовиком, на большой скорости врезался в крыльцо магазина, где стояла и наша мама... Много позже я узнал, что где-то по соседству с мамой был зарыт прах другого лихача-водителя, того самого, что вывозил тела Романовых из Ипатьевского дома. Вот такая мистика...

«Говорят, что...» – с этих слов начинаются многие предания о старинном кладбище. Летом 2000 года мы работали здесь с ребятами из краеведческого лагеря (из гимназий № 11 имени Дягилева и № 92, кроме того, основательно помогли члены турклуба Свердловского района под руководством Т. Н. Логиновой). Тогда довелось нам услышать от любопытствующей публики и такое: «Говорят, что на Егошихинском появились какие-то сатанисты, не встречались?»

Не встречались, Бог миловал. Но следы этих «идейных» пакостников, их мерзких ритуалов мы обнаруживали в разных уголках некрополя. Члены этой секты (есть две разновидности, оказывается: сатанисты и люциферисты) вырывают кресты из могилы и втыкают их наверх вниз. Кроме того, они – а это в основном молодежь – сбивают у распятий на надгробиях правую перекладинку креста (на новом памятнике Стрельниковых, например, возле Скорбящей). Почему правую, думаю, догадываетесь: потому же, почему существует примета: плюнь через левое плечо. То есть туда, где черт, сатана, падший ангел. Диякон, рассказывавший нам, что вытворяют сатанисты, пытался увещевать их... Тщетно. Кошунство продолжается. Но кара для этих вандалов также неминуема. Надо сказать, что тут возможен самосуд. Один из возмущенных родственников оскверненной могилы сказал, что обязательно подкараулит хоть одного сатаниста и «всадит ему заряд соли в ...», в общем, куда следует. Такого самосуда трудно избежать, его невозможно предотвратить, да, право, и не хочется.

Не говоря уж о другой каре, о высшем суде. Как в рассказе упомянутого уже Михаила Осоргина, помните, описание того, как умирал богохульник, воровавший надгробные камни: «...Голова тряслась, губы бормотали жалкие слова о покойниках, попавших в начинку пирога. Когда его соборовали, он отворачивал голову от креста, как будто ему совали в рот кусок пирога с Адамовой головой...»

Такие вот они – преданья и предательства наших дней.

ВКРАЛАСЬ ОШИБКА...

Примеров ошибок в эпитафиях немало. На могиле Палагеи Ивановны Баландиной на каменной плите: «Крестя(н)ская жена с Косогор. Ск. в 1884 г. 75 лет от роду». Причем пропущенная буква «н» написана сверху, как в школьной тетради (СК, семейный участок купцов Баландиных). Инженер путей сообщения Рейнах Владимир Рудольфович «умер от тяжСкой болезни» (ЛК). Другому инженеру, Померанцеву А. Г., малограмотный мастер написал на каменной «голгофе» (уже без креста): «Здесь погребено тело стаДского советника...скончался 51 лет от роду». Исправлять, видно, было уже некому.

Любопытную «поэтическую вольность» в своем обращении с русским языком допустил автор эпитафии Дарье Засухиной: «Доброт ее не сильна смерть все пожирающая стерть» (т. е. стереть). Предельно лаконичной получилась надпись на надгробии Мармариновой Евфалии (ум. 1853 г.): «Под доской погребена Мармаринова жена Бог ее да успокоит и в раю быть удостоит».

На памятнике-арке Кусакиных Марии Даниловны и ее сына Александра (умер десятилетним в январе 1899 года, мать ушла из жизни в том же году двумя месяцами позже) эпитафию вырезали в камне по принципу «как слышим, так и пишем»:

«Мать сына любила но судьба изменила его схоронила много слезь по нем пролила немного пожыла и Богу душу одъдала» (VI-46).

Та же история вышла с эпитафией Субботиных: «НезаДвенной нашей родительнице памяти от дитей ваших любящих».

На целый век ошибся мастер, писавший на каменной плите даты жизни купца М. Д. Шипулина. Написано: «Жития его было на свете 75 лет» – а мы видим: 1896–1870...

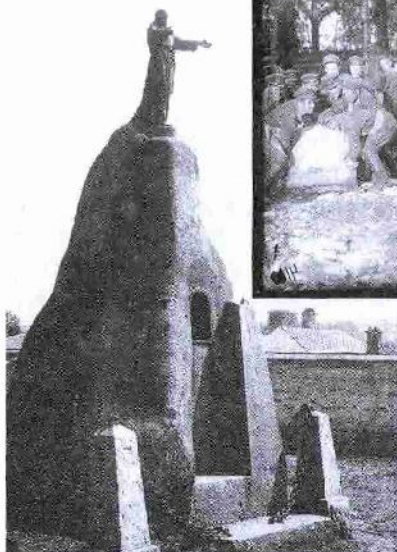
ГЛЯДЯ В ПРОШЛОЕ, ЗАСУЧИВАЙТЕ РУКАВА!

марте 1930 года Пермский горсовет под председательством тов. Сидорова принял постановление «О регистрации надгробий на кладбищах Перми». Коммунальному отделу разрешалось установить плату за регистрацию надгробий и оград (каменных, металлических и гранитных), причем с рабочими и приравненных к ним категорий взималась льготная сумма, с остальных – на три рубля больше. По истечении срока незарегистрированные надгробия «как бесхозяйственные снять» (так в тексте. – В. Г.).

Цель, как будто бы, была благая: навести порядок на кладбищах. Но существовал и дальний прицел: в городе появился план массивов на старинные кладбища как самые явные, зримые «пережитки прошлого». Поэтому начало 30-х можно считать самым роковым периодом схватки с этими самыми «пережитками» и «осколками», а кульминацией стал разгон пермских краеведов (этот процесс шел по всему Советскому Союзу, остракизму подвергалось всяческое увлечение стариной) и уничтожение архиерейского кладбища. Потому что никаких сроков регистрации, конечно, власть соблюдать не намеревалась. Поскольку 6 апреля того же 1931 года президиум горсовета принял решение «О переводе зоопарка»: «Постановили: 1. В выборе места для переноса зоопарка ориентироваться на Ягошиху (так писали в то время. – В. Г.). 2. При переводе зоопарка расходы возложить на авиа-школу...»

Но нетерпение было столь велико (видимо, тот случай, когда «руки чесались» у пермских начальников, ими овладело страстное желание быстрее доложить и отличиться), что не прошло и трех месяцев, как на заседании «Большого Президиума» Пермского горсовета принимается решение: «...Об обеспечении работ по срочному перемещению зоосада на новую территорию усадьбы музея (бывшее кладбище)». Все! Приговорили архиерейское, потому что Ягошихинское

Это надгробие с фигурой Христа стояло когда-то на Архиерейском кладбище (на могиле начальника Пермской железной дороги А. Пова-лишина – ?). Снимок рядом: так оно уничтожилось – силами курсантов авиашколы... *

кладбище все же находилось несколько на отшибе, в уединенном месте, а Архиерейское «мозолило» глаза гостям в самом центре города.

Решение было столь же молниеносно выполнено. Причем силами общественности, но не пощадили и будущих летчиков: курсанты первого набора (среди них и будущий ас, трижды Герой Советского Союза Покрышкин) голыми руками растаскивали массивные старинные надгробия. И не откажешься ведь, потому что люди военные, приказ есть приказ, постановлением горсовета было предусмотрено и это: «...Обязать тов. Кзскюла (начальника школы. – В. Г.) оказать содействие по приспособлению площади под зоопарк...»

И приспособили – во мгновение ока. Так что до сих пор потомкам стыдно...

В наших прогулках по Егошихинскому некрополю, чудом сохранившемуся, нам вспоминался, конечно, и Пушкин. В его журнале «Современник», за подпи-

сю «Пешеход», говорится о надписях на могилах «...богатых и бедных, дворян и разночинцев – (сколько) ошибок и логических, и грамматических». И дальше: «погосты ни в монастырях, ни в церквях не выровнены: ямы...» В стихах же нашего великого поэта эти типические черты отразятся следующим образом: «...Ворами со столбов отвинченные урны, могилы склизские, которы также тут, зеваючи жильцов к себе на утро ждут...»

Для кого-то пушкинские слова тоже служат своеобразным утешением и самооправданием: мол, и до нас видите, как было... Наверное, российские кладбища никогда не будут похожи на цивилизованные, ухоженные западные некрополи. Известная романтическая («зачем пленяют старые могилы») запущенность всегда будет соседствовать с упорядоченностью. Но... что-то в этом отношении все же меняется, если судить хотя бы по столичным кладбищам, по погостам в наших знаменитых лаврах. А Егошихинский некрополь – это ведь для Перми все равно что Новодевичье и Александро-Невская лавра вместе взятые.

Вспомним и слова Ивана Бунина: «Венец каждой человеческой жизни есть память о ней; высшее, что обещают человеку над его гробом, – это память вечную». Мой сынишка, еще не читавший Бунина, придя однажды со мной на могилу своей бабушки, которую он никогда не видел, удивительно точно подметил: «Вон там еще один памятник умер, и там, похожий на церковь, и там еще!.. Но они же не люди, чтоб умирать. Непорядок! На кладбище должно быть красиво».

«Гробовщик... оделся наскоро, взял извозчика и поехал на Разгуляй...»
(А. С. Пушкин, рисунок его же).

Было сыну тогда пять лет, как говорится, устами младенца глаголет истина. Да, конечно, мы явились из праха и в прах обратимся. Но есть прекрасное свойство души человека – помнить о добре, о корнях своих.

На медных вратах анатомического театра (морга) медицинской академии (композиции на вратах выполнены по эскизам скульптора Юрия Екубенко, он же – автор памятника Скорбящей) начертано: «Оглядываясь в прошлое, снимите шляпу, глядя в будущее, засучивайте рукава».

Что касается Пермского некрополя, тут высказывание умного человека как нельзя более уместно, его можно даже немного переиначить: «Оглядываясь в прошлое – засучивайте рукава». Кладбище надо приводить в порядок. Ведь и в старые годы пермское общество время от времени, словно устыдившись своей беспамятности, выходило поработать на кладбище, и не только по родительским субботам. Из летописи В. Верхованцева за 1899 год: «В сентябре приводится в порядок старое кладбище, устраиваются прямые дорожки, срываются неизвестные могилы».

Дело благородное, дело стоящее, когда под ним струится Стикс...

БЕСЕДЫ В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ И МЫ НИКУДА МИМО НЕ ПРОСКОЧИМ

– С кладбищами в Перми большая проблема, и жаль, что город никак не решает ее. Давно пора, и есть ходы-выходы. Сегодня решить проблему можно только за счет старых кладбищ, то есть нужно рационально, цивилизованно использовать уже занятые под захоронения территории. Ведь приезжаешь когда на Северное кладбище – дрожь берет просто! У меня есть конкретные предложения, разработки строительства пантеона славы, для воинов. Ездил с проектом в Москву, сам маршал Сергеев меня поддержал, теперь нужна конкретная поддержка местных властей, а они «не чешутся». Два дела надо пробить срочно: принять поправку к закону, разрешающую вторичное захоронение, и нужно строить крематорий. Место определено: на Северном кладбище. Далее проектом предусмотрены строительство при пантеонах дворца памяти, с ячейками для урн как личными, так и коллек-

тивными, с электронным уровнем обслуживания, с компьютерной базой, с прокатным пунктом, где можно будет взять гробы, венки, но это на выбор, кто как захочет. Главное, мы все равно мимо кладбища или урны не проскочим. В народе как говорились: «Промеж жизни и смерти и блошка не проскочит». Но нужно же достойно все оформить!
Юрий ИСТОМИН.

Общая площадь пермских кладбищ составляла на 2000 год около 300 га. Из самых старых назовем захоронения на Запрудском кладбище в Мотовилихе, несколько могил у нынешнего кафедрального Свято-Троицкого собора (на Слудской горе), у церкви Казанской Божией Матери – усыпальницы Каменских (территория Успенского женского монастыря). Крупное кладбище существовало возле Никольской церкви в Мотовилихе (Рабочий поселок), теперь там –

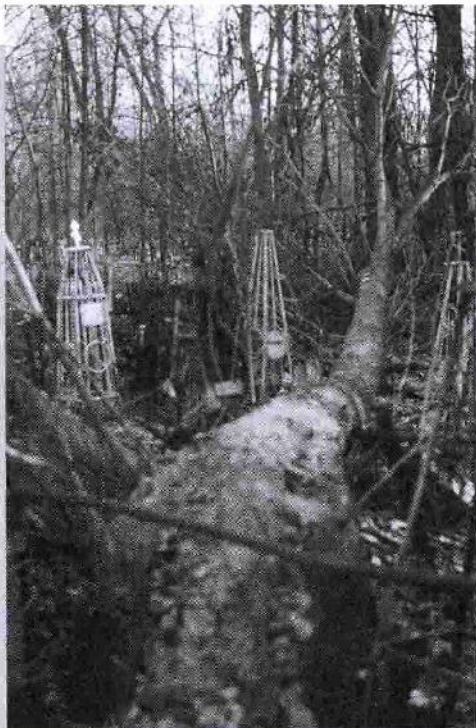

С. А. Торопов (первый слева) одну из своих последних экскурсий по Егошихинскому некрополю провел для членов клуба «Пермский краевед».

мемориал воинам-землякам. Несколько советских десятилетий действовали кладбища в Запруде, в Верхних Муллах (закрыты). Есть кладбища в Орджоникидзевском, Кировском, Мотовилихинском районах, а самые крупные «города мертвых» – Южное и Северное кладбища (действующие).

На Егошихинском кладбище – в Пермском историческом некрополе – еще очень много работы. Нужно ее делать соответствующим городским службам – с помощью родственников, добровольцев, и по возможности – спонсоров. С помощью данного путеводителя, который может стать своеобразным открытым поминальником, синодиком. Эту небольшую книжечку может дописать

каждый из вас, уважаемые читатели. Каждый, кто сможет дополнить наш банк данных, сообщив нам (по тел. 12-72-35) о тех своих родственниках, знакомых, упоминания о которых вы не нашли в путеводителе.

Такие «динозавры» еще живут в разных запущенных уголках Егошихинского кладбища.

ПОЭТЫ И ПИСАТЕЛИ О ЕГОШИХИНСКОМ НЕКРОПОЛЕ

озле церкви я собрался сорвать одуванчик – и отдернул руку: внизу лежала змея. Втиснутая краями вровень с землей, лежала в траве заржавленная чугунная плита: шершавая, грубо высеченная змея, мертвым кольцом охватывая плиту, кусала себя за хвост, а с плиты глядели вверх провалы глаз, треугольного носа и оскаленные зубы страшной рожи...

Аркадий ГАЙДАР.
Очерк «Проклятая дочь», 1926 г.

...Снег шел три дня и пасмурной
Холодно-белою покрыл
Холмы безвременных могил,
Где часто даже нет крестов,
Усопших крестов мавзолее,
Дома владельцев бакалей,
Мануфактур, галантерей
И разных всех других родов
Торговли...

Сергей Ильин.
Из сборника 1899 г.

помню о двух могилах в двух далеких городах России: могилах отца и матери. Одна – в Прикамье, на старом, вероятно, уже заброшенном кладбище; другая – близ города, у подножья которого течет река Белая... Сыновним чувством, проснувшимся в этот

светлый день, в осенний день моей жизни, я соединяю могилы тех, кому обязан великим счастьем жизни в творчестве.

Я ставлю им общий памятник, скромный, незаметный, из пирамиды моих нежнейших слов, осыпанный цветами сыновней признательности, — единственный памятник, какой могу поставить своими руками и своими скудными средствами. Чтобы и мне было где молиться и что чтить. И было бы это везде и всегда со мною...

Михаил ОСОРГИН.

Новелла «Дневник отца», 1927 г.

Город невелик, народ коренной, и у очень многих лежат теперь под каруселями если не родители, то уж наверняка деды, бабушки, прадеды... Как же допустили такое? Ну, взялись бы в крайнем случае за дреколье, если уж ничего другого не оставалось...

Тимур ГАЙДАР.

Повествование «Голиков Аркадий из Арзамаса», 1988 г.

У Егошихи на краю
Храню вопрос, не жду ответа:
Цветет черемуха в раю,
И холодаст ли при этом
В саду далеком?
Ну, а здесь
При этом очнь холодаст,
И снегом пахнет. Будто весь
На Егошихе снег не тает.
В краю заброшенном кружим
И, не произнося ни звука,
Мы словно песенку твердим,
Что жизнь — любовь,
А смерть — разлука...

Аиша Вердичевская,

из стихотворения «Свидание

на Егошихинском кладбище», 1970-е гг.

городское кладбище, за последние два года разросшееся так, как, пожалуй, за предыдущие десять лет, раскинулось на окраине, над логом, отделявшим центральную часть города от заводской слободы. Могилы давно выбрались из-под сени лип и двумя неравными крыльями сползли по склону, обтекая четко очерченные прямоугольники иноверческих кладбищ. Он (Семченко, главный герой. – В. Г.) миновал еврейское кладбище, затем татарское с его каменными чалмами на каменных же столбиках, с фанерными и жестяными полумесяцами, с позеленевшей арабской вязью на плитах, и мимо аккуратных лютеранских надгробий вышел к логу... Ни оград, ни скамеечек. То ли не ставили их теперь, то ли беспризорники на костры разломали...

Леонид ЮЗЕФОВИЧ.

Повесть «Клуб «Эсперо» (1920), год публикации – 1988.

*...Кто поможет прервать
Этой осени вечность,
Зачеркнуть, волю дать...
Поминальной свечкой
Колокольни Успенья
От берсезовых стихсов
Устремляюсь неспешно
К тучам скоропостижным.*

*Ян Кунтур.
1998 г.*

ГОРОДСКИЕ ГОЛОВЫ ПЕРМИ

покинул Пермь» – так обычно кончаются справки о губернаторах. Начальников губернии в Перми не хоронили, как правило, за одним-двумя исключениями. Они были люди присланные, заезжие. А вот городские головы – те местные, как говорится, где родился, там и пригодился. Городской голова – выборная должность председательствующего в городской Думе. Избирался на три года из представителей купечества, дворян (с 1846 г.), почетных граждан, владельцев собственности не меньше чем на 15 тысяч рублей. Большинство из них похоронены на Егошихинском кладбище, но вот где точно, известно далеко не в каждом случае. Поэтому мы приводим здесь полный список городских голов дореволюционной Перми, попутно исправив неточности, допущенные в книге «Пермский край» (Пермь, 1992):

Попов Михаил Абрамович: 1781–1784.

Быков Федор Ефимович: 1784–1787.

Лапин Василий Герасимович: 1787–1790.

Попов Петр Абрамович: 1790–1793.

Попов Михаил Абрамович (вторично): 1793–1796.

Коршунов Иван Николаевич: 1796–1798.

Пономарев Антон Трофимович: 1799–1802.

Жмаев Иван Романович: 1802–1805.

Попов Петр Абрамович (вторично): 1805–1807 (умер в должности).

Быков Федор Ефимович (вторично): 1807–1808.

Пономарев Антон Трофимович (вторично): 1808–1809.

Силин Исидор Семенович: 1809–1811.

Белых Григорий Данилович: в 1811 (по болезни заменен).

Дружинин Денис Сергеевич: 1811–1814.

Силин Исидор Семенович (вторично): 1814–1817.

Дружинин Денис Сергеевич (вторично): 1817–1820.

Силин Исидор Семенович (в третий раз): 1820–1823.
 Смышляев Дмитрий Емельянович: 1823–1826.
 Шавкунов Прокопий Андреевич: 1826–1829.
 Ломтев Петр Петрович: 1829–1834 (за злоупотребления лишен прав состояния).
 Любимов Иван Филиппович: 1835–1838.
 Шавкунов Егор Иванович: 1839–1841.
 Тиханов Яков: 1842–1843.
 Любимов Иван Филиппович (вторично): 1844–1853.
 Шавкунов Петр Егорович: 1854–1855.
 Грачев Ефим Николаевич: 1856–1858.
 Любимов Иван Филиппович (в третий раз): 1859–1865.
 Колпаков Егор Александрович: 1866–1867.
 Каменский Федор Козьмич: 1868–1869.
 Любимов Иван Иванович: 1870–1874.
 Костарев Николай Григорьевич: 1875–1876 (по болезни).
 Любимов Иван Иванович (вторично): 1877–1878.
 Любимов Михаил Иванович: 1879–1881.
 Шавкунов Петр Егорович (вторично): 1881–1885.
 Сигов Петр Ерофеевич: 1885–1890.
 Суслин Иван Николаевич: 1891–1893.
 Синакевич Александр Васильевич: 1893–1898.
 Суслин Иван Николаевич (вторично): 1898–1905.
 Рябинин Павел Александрович: 1905–1916.
 Юрьевский Григорий Васильевич: исполнял обязанности до 1917.
 Ширяев Александр Евстафьевич: 1917–1918, с перерывами до 1919.

Современники: И. Силин, К. Модерах и Д. Дягилев (рис. Ю. Силина).

ТАБЕЛЬ О РАНГАХ

Иерархия чинов в государственном аппарате, в армии и на флоте была установлена Петром I в январе 1722 года. Эта «Табель о рангах» просуществовала до октября 1917 года. За два века в нее вносились некоторые изменения, здесь приводится иерархия в состоянии на 1913 год. Титулы (обращения) существовали такие:

1–2-й классы: «Ваше высокопревосходительство»;

3–4-й классы: «Ваше превосходительство»;

5-й класс: «Ваше высокородие»;

6–8-й классы: «Ваше высокоблагородие»;

с 8-го класса и далее: «Ваше благородие».

Дослужившийся до 8-го класса получал право на потомственное дворянство, 9–14-й классы давали право только на личное дворянство, не передающееся по наследству.

Класс	Чин гражданский	Чин военный сухопутный
1	Канцлер	Генерал-фельдмаршал
2	Действ. тайный советник	Ген. от инфантерии, кавалерии
3	Тайный советник	Генерал-лейтенант
4	Действ. статский советник	Генерал-майор
5	Статский советник	Бригадир (до XIX в.)
6	Коллежский советник	Полковник
7	Надворный советник	Подполковник
8	Коллежский асессор	Капитан, ротмистр
9	Титулярный советник	Штабс-капитан, штабс-ротмистр
10	Коллежский секретарь	Поручик
11	Корабельный секретарь	<i>Не использовался с начала XIX века</i>
12	Губернский секретарь	Подпоручик, корнет
13	Провинциальный секретарь	Прапорщик
14	Коллежский регистратор	—

**ВСЕ ВИДЫ
ИЗДАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Раритет-Пермь»**

ОТКРЫТЫ К СОТРУДНИЧЕСТВУ.

Телефон/факс: (3422) 39-56-92.

Адрес: 614600, г. Пермь, ул. Ленина, 66, оф. 732.

БИБЛИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ

- Адрес-календари и памятные книжки Пермской губернии (1889–1916 гг.).
Баяндина Н. Пермь купеческая.– Пермь, 1997.
Вердеревский Е. А. От Зауралья до Закавказья.– В кн. «В Парме».– Пермь, 1988.
Верхоланцев В. С. Город Пермь, его прошлое и настоящее.– Пермь, 1994.
Верхоланцев В. С. Летопись г. Перми с 1890 по 1912 г.– Пермь, 1913.
Гайдар А. П. Проклятая дочь//Звезда, 1926, 26 ноября.
Гладышев В. Ф. Шагреневая кожа Перми//Вечерняя Пермь, 2000, № 44–45;
И помните: кара неминуема//Вечерняя Пермь, 2000, 28 сентября.
Гладышев В. Ф. Последний маршрут Михаила II (в сборнике тезисов конференции «Россия. Романовы. Урал». Выпуск 4.– Екатеринбург, 1998); он же: Михаил Романов: отсутствующее звено (в сборнике тезисов Третьих Романовских чтений.– Екатеринбург, 1999).
Голубцов В. В. Пермский некрополь. Материалы для биографического словаря достопамятных людей Пермского края. ГАПО. Ф. Р-973, оп. 1, д. 696.
Дмитриев А. Пермская старина.– Пермь, 1894, 1895, 1897, 1900.
Дмитриев А. Библиографический указатель памятных деятелей Пермского края.– Пермь, 1902.
Верещагины П. П. и В. П. Каталог/Сост. Егорова Е. И. и Казаринова Н. В.– Пермь, 1984.
Духовенство Пермской епархии в 1928–1965 гг.– Пермь, 1997.
Золотые звезды Прикамья.– Пермь, 1988.
Колбас В. С. Страницы жизни поэта А. А. Д'Актиля.– Пермь, 1993.
Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Пермская область.– М., 1978.
Материалы для первоначальной истории города Перми иерея Гавриила Сапожникова (в Памятной книжке Пермской губернии на 1863 год).
Музей городской скульптуры.– Лениздат, 1972.
Муравейник: статьи, воспоминания, материалы.– Пермь, 1962.
Осоргин М. А. Мемуарная проза.– Пермь, 1992.
Памятники истории и культуры Пермской области.– Пермь, 1992, т. 2.
Пермь. Сборник.– Пермь, 1926.
Пермский край. Краеведческие сборники.– Пермь, 1990, 1992.

Пермский государственный университет.– Пермь, 1966.

Пермский университет в воспоминаниях современников.– Пермь, 1996.

Подвижники культуры Серебренниковы.– Пермь, 1991.

Профессора Пермского университета.– Пермь, 1991.

Простите, звезды Господни! Исповедники и согладатаи (в документах), или Зачем русскому церковь?– Фрязино, 1999.

Прядильщиков Ф. А. Летопись губернского города Перми с примечаниями Д. Д. Смышляева.– В кн. «Календарь Пермской губернии на 1894 год».

Революционеры Прикамья.– Пермь, 1966.

Русская мемориальная скульптура.– М., 1978.

Сборник-ежегодник Пермского губернского земства. Выпуск 2.– Пермь, 1916.

Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы.– Пермь: «Пушка», 1996.

Смышляевские чтения.– Пермь, 1990.

Спешилова Е. Старая Пермь.– Пермь, 1999.

Старцев В. Ваганьковский некрополь.– М., 1994.

Терехин А. С. Пермь: очерки архитектуры.– Пермь, 1980.

Торопов С. А. Пермь. Путеводитель.– Пермь, 1986.

Трапезников В. Н. Летопись города Перми.– Пермь, 1998.

Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале.– М.: «Скифы», 1991.

Юзефович Л. А. Клуб «Эсперо».– М., 1987.

В работе использованы также материалы из семейных архивов Голдобиных, Гусаровых, Калугиных, Кобяк, Рудакова, Русских и автора.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	
Над Стиксом	3
<i>Маршрут 1.</i>	
Летописцы, историки	16
<i>Маршрут 2.</i>	
Национальные участки	21
<i>Маршрут 3.</i>	
Ученое сословие	39
<i>Маршрут 4.</i>	
При исполнении служебного долга	50
<i>Маршрут 5.</i>	
Деятели культуры, искусства, образования	55
<i>Маршрут 6.</i>	
Вся табель о рангах и все гильдии	69
<i>Маршрут 7.</i>	
По Романовскому следу	83
<i>Маршрут 8.</i>	
Венец терновый над звездой	95
<i>Маршрут 9.</i>	
Художественная работа	103
<i>Маршрут 10.</i>	
Пермская эпитафия	111
<i>Маршрут... (продолжение следует)</i>	
Фамильные гнезда. А кто же к нам придет?	139
Легенды, предания... и просто мистика	146
Вкралась ошибка... ..	159
Глядя в прошлое, засучивайте рукава!	160
Поэты и писатели о Егошихинском некрополе	166
<i>Приложения</i>	
Городские головы Перми	169
Табель о рангах	171
<i>Библиография, источники</i>	173

Владимир Федорович ГЛАДЫШЕВ

ПЕРМИ СТАРИННОЕ ЗЕРКАЛО
ИСТОРИЯ ПЕРМИ В ЗЕРКАЛЕ НЕКРОПОЛЯ

Издатель – ООО «Раритет-Пермь» (лицензия серии ИД № 00820).

Телефон/факс (3422) 39-56-92.

Генеральный директор – С. Барков.

Главный редактор – В. Кадочников.

Художник-дизайнер – В. Городов.

Редактор – С. Данилова.

Корректурa: А. Голдобина, ИПК «Звезда».

В книге использованы фотографии И. Катаева, А. Лыжина, Г. Тиуновой, автора, а также из фондов Пермского областного краеведческого музея, ГАПО. В оформлении обложки использована репродукция картины художника К. Николаева.

Подписано в печать 02.03.2001.

Формат 70×100/₃₂. Бумага ВХИ. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,15 + вкл. 0,5.

Тираж 2000 экз. Заказ № 559.

Издательско-полиграфический комплекс «Звезда».

614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.